

**ИСТОРИЯ
И ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
КАК ИНСТРУМЕНТ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ВОЙНЫ
ПРОТИВ РУССКОГО МИРА**

Материалы круглого стола
(Минск, 19 декабря 2014 г.)

Минск
«Ковчег»
2014

УДК 327.8
ББК 66.4
И90

И90 История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира / Материалы круглого стола. — Минск : Ковчег, 2014. — 152 с.

ISBN 978-985-7121-58-8.

УДК 327.8
ББК 66.4

ISBN 978-985-7121-58-8

© Коллектив авторов, 2014
© Оформление. ООО «Ковчег», 2014

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ: НАУКА, ИДЕОЛОГИЯ И ЯЗЫК КАК ОРУЖИЕ

Д.К. Безнюк,

доктор социологических наук,
профессор БГУ

В классической конфликтологии война рассматривается как такой вид конфликта, в котором стороны прибегают к вооруженному противостоянию и ущерб друг другу наносят с помощью вооруженных сил, диверсионных акций, террористических актов и т.п. В наш век ученые выделяют множество видов и форм войн и силовых противостояний, но один вид войны все больше и больше привлекает внимание исследователей – это цивилизационная война.

Цивилизационная война резко отличается по характеру и средствам от классического вооруженного противостояния, так как она является войной смыслов и ценностей; поле ее действия – сознание противника. На методологию и технологическо-процедурные особенности такой войны оказало непосредственное влияние понятие информационных технологий – изобретения современного этапа эволюции системы социального управления.

В общем технологическом алгоритме обеспечения цивилизационной войны можно выделить три основных компонента, три основных ее движителя – науку, идеологию и язык, которые выступают в единой смысловой связке и позволяют этой форме войны органично вписываться в тело современной культуры – жить по ее правилам, маскироваться под ее формы, вписываться в повседневные практики обывателя.

Остановимся подробнее на сущности и характере действия этих компонентов.

Наука выполняет функцию закона и технологии производства смыслов. Современная культура – культура факта, рационалисти-

ческая, разумная, а это свойство олицетворяет только наука! С момента своего возникновения – XVI-XVII вв. – наука монополизировала производство истины, истинных смыслов: кто не вписывается в логику науки, тот автоматически вытесняется в иррациональный (читай – второсортный) сектор культуры со всеми вытекающими последствиями.

В современной цивилизационной войне наука играет роль единственного легитимизирующего ваш смысл фактора – поэтому столь многочисленен и широк спектр различного рода научно-исследовательских и экспертных структур: институты, центры и пр.

Одними из наиболее часто употребляемыми «в военных целях» на данный момент науками, по нашему мнению, являются история и социология (шире – социальная философия): история как оперирование (конструирование) прошлым и социология – настоящим. Обе науки олицетворяют рационально добытое и закрепленное знание об обществе и человеке. Любой тезис (смысл), касающийся социальной или социо-гуманитарной сферы, должен быть подкреплён опытом этих наук... Мы опустим рассуждения о способах и степенях достоверности человеческого познания, о специфических проблемах гносеологии, и обратим внимание только на ситуацию появления социологии в европейской культуре. Социология (буквально, «наука об обществе») появляется не столько как наука, сколько как французский политический проект в рамках революционного противостояния феодальному миру: абсолютистской монархии и католической церкви. Социология – идеолого-технологический последователь «Философской энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Даламбера, которую можно рассматривать как первое и весьма удачное информационное оружие. Апеллируя к разуму как последней инстанции, апеллируя к научности как атрибуту истинности, Д. Дидро и его соратники выставляли монархию и церковь (принципы организации социального порядка тогдашней Франции) как иррациональные, а потому несправедливые и не имеющие право на существование феномены. Добавляем к этому голодные желудки простолюдинов, финансовый кризис и получаем революцию...

В попытке дискредитировать тогдашний социальный порядок социология сконструировала понятие солидарности: практически все социологи XIX века (а они создавали социальную теорию – обобщенный научный взгляд на общество) были озабочены проблемой социальной солидарности, т.е. выявлением качественных характе-

ристик социальных отношений в конкретном типе общества. И, что любопытно, эти выявленные ими характеристики укладывались в одну единственную схему: раньше (до революции, до капитализма, до демократии) было плохо, сейчас – хорошо (например, «механическая» и «органическая» солидарность у Э. Дюркгейма [см. 2]).

Более современным примером идеологической нагруженности «научной» теории может выступить работа К. Поппера «Открытое общество и его враги», которая была признана одной из ста самых лучших научных книг XX века: понятие «закрытого общества», которым оперирует автор, не выдерживает критики эмпирическими фактами, но зато великолепно вписывается в идеологическое противостояние демократии с тоталитаризмом и придает позиции первой научный (читай – неоспоримый) характер.

Заметим и тот факт, что социология шла рука об руку с историей: социологические конструкции редко обходились без апелляций к истории, которая была для них фактографическим фундаментом.

Таким образом, мы видим рождение и функционирование новой технологии идеологического противостояния – наука (ее логика, ее язык, ее авторитет) становится фактором войны за умы и сердца.

Второй компонент в общем технологическом алгоритме обеспечения цивилизационной войны – идеология.

Идеология, как и социология, рождается в эпоху французских революционных брожений XVIII в.: она приходит на смену отмененной религии. По замечанию Д. Белла религиозные мифы и суеверия заменили светские социальные идеи и мифы [1, с. 69]. И, как стало ясно позже, поменяв форму, не поменяли суть: заняв место религии, окрасив себя в научный цвет, идеология осталась в поле веры – научно, рационально невозможно доказать ни правильность, ни привлекательность той или иной идеологической доктрины: и демократия, и консерватизм, и монархизм – объекты веры. Кстати, это положение практически доказал Н. Смарт (классик современного западного сравнительного религиоведения), который установил практическую тождественность структурно-функциональных характеристик религий и светских политических идеологий [см. 3].

Какую роль играет идеология в контексте нашего исследования? Она играет роль ценностной рамки, которая задает пространство науки (темы исследований) и правила для производства научных смыслов: у науки свои правила, но их надо дополнить или

уточнить ценностями иного, некогнитивного порядка – политическими, меркантильными и пр. Можно назвать эту роль идеологии антивеберовской: немецкий ученый М. Вебер в качестве гарантии истинной учености (объективности) выдвигал принцип свободы от ценностных суждений в ходе научного исследования...

Таким образом, в процессе цивилизационной войны, в процессе информационных фальсификаций идеология задает вектор движения научной рефлексии и обставляет это движение идеологическими условиями.

Последний компонент в нашей схеме обеспечения цивилизационной войны – язык – самый пластичный и динамичный компонент. Язык можно рассматривать как универсальный и очень эффективный инструмент ведения войны за умы людей, т.к. смыслы и ценности материализуются, транслируются и, самое важное, трансформируются именно посредством языка.

Один из наиболее востребованных и отработанных в ходе информационных войн методов работы с языком – подмена понятий. Здесь возможности безграничны: можно, оставляя фонетическую форму, исказить содержание; можно, заменив фонетику, оставить и вывести из-под удара противника старое значение; можно, предложив свою систему языка, заставить противника говорить и думать в нужном вам направлении.

Два примера. Первый – слово «патриот». Лет десять назад в российском политическом пространстве это слово было наподобие ругательного. Либеральное и демократическое правящее меньшинство, присвоив себе оценочный масштаб культурного и политического поля, к патриотическому относил все недемократические силы и идеи, ведь демократия, по его настоянию, была мерилом научности и прогрессивности: патриот – это и неонацист, и монархист, и коммунист, и националист, и просто сомневающийся в «преимуществах» демократии обыватель. Слово осталось, но смысл исказился до неузнаваемости. Анекдотичность же ситуации в том, что сегодня политическим ругательством является как раз слова «либерал» и «демократ».

Второй классический пример – гендерная проблематика. Искусственно сконструированное понятие «гендер» было запущено в оборот под искусственно надуманные проблемы, которые были сами сконструированы в пике традиционному культурному укладу консервативного большинства европейцев. Гендер входит в языковой оборот, вспоминаем первый элемент нашей схемы, благодаря

массовой атаке со стороны ученых и экспертов. Эта технология хорошо описана в «окнах Овертона», где первыми в информационную войну вступают ученые со своим авторитетом, рациональностью и истинностью экспертизы. Гендер не вносится грубо и насильственно, он проталкивается через негосударственные исследовательские и просветительские организации, он весь обернут в заботу и защиту, равенство и свободу выбора... И мы хватаем эту наживку, ведь мы за свободу и равенство. Но согласившись со словом «гендер», мы попадаем в необходимость мыслить «гендерно»: мы переводим стрелки своего сознания на путь, где нам надо по-новому определяться с гомосексуальными браками, с правом усыновления/удочерения гомосексуальными семьями, с запретом слов «мама» и «папа», с необходимостью общественных туалетов унисекс, с нормальностью гомосексуализма, с развращающим «половым воспитанием» малолетних детей и преследованием родителей за отказ от него, с инцестом и педофилией как «естественным» проявлением сексуальных свобод личности и т.д.

Если говорить о подмене понятий в исторической науке, которая непосредственно касается культурных и цивилизационных корней народа и человека, то чаще всего это касается героя (персонажа) или события (сюжета): именно через эти два объекта можно сконструировать (посредством интерпретаций-фальсификаций) новое видение, новую истину, новую оценку. Защитой от этого процесса и гарантией остаться самими собой будет разработка своей науки, своей идеологии и своего языка, всего того, что позволяет создавать, воспроизводить и защищать свою систему идентификации культурных кодов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белл, Д. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века / Д. Белл, В. Иноземцев. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – 304 с.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1991. – 576 с.
3. Smart, N. Mao / N. Smart. – London: Fontana Press, 1974. – P. 29-35.

БЕЛОРУССКИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

А.В. Беляев,
г. Минск, БНТУ

Проблема сотрудничества населения оккупированных нацистами территорий с врагом в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн до сих пор является полем для спекуляций и фальсификаций. В советской историографии эта тема освещена недостаточно, при этом данное явление трактовалось однозначно как предательство и с явно выраженным негативным эмоциональным оттенком. Западная историческая наука оперировала термином «коллорабационизм», при этом пытаясь избавить его от каких-либо эмоциональных коннотаций. В 90-е гг. постсоветская историография переняла эту традицию. Данная подмена понятий («предательство»-«коллорабационизм») дала возможность провести переоценку явления и явилась удобной платформой для фальсификации исторических событий.

В БССР фактически единственным, хотя и весьма основательным, исследованием по истории белорусской коллаборации была книга В. Романовского с «говорящим» названием «Саўдзельнікі ў злачынствах» [1]. Недостаток информации и закрытость архивов, а также сложившаяся в период развала СССР политическая обстановка привели к тому, что в постсоветский период массовому читателю было предложено судить о проблеме, опираясь на издания мемуаров самих участников коллаборационного движения, в которых красной линией просвечивает желание обелить себя и представить белорусских националистов как борцов со сталинской тиранией. Ужасы оккупации ими сознательно преуменьшаются, всячески замалчивается участие коллаборационистов в каратель-

ных мероприятиях нацистов. Сотрудничество с оккупантами в данных мемуарах подается как временная мера, при помощи которой националистические круги пытались якобы построить «независимое белорусское государство». К числу подобных публикаций можно отнести, например, книги К. Акулы [2], Я. Малецкого [3], И. Косяка [4], Л. Юревича [5] и ряд других.

Специфический взгляд на проблемы белорусского коллаборационизма в годы Второй мировой войны содержат работы польского историка Ю. Туронка. Еще в начале 90-х в Белоруссии была опубликована его работа «Беларусь пад нямецкай акупацыяй» [6], позже в Литве – «Людзі СБМ» [7]. Автор настойчиво проводит мысль о том, что белорусские коллаборационисты удачно воспользовались обстоятельствами, чтобы при поддержке Германии начать отстраивать независимое белорусское государство и развивать белорусскую культуру. Врагом «белорусскости» при этом выступает лишь советский политический режим. Все достижения советской власти в строительстве БССР (создание развитой экономики, всеобщей образовательной системы, внедрение принципов социального равенства и т.д.) просто игнорируются, зато автор с упоением рассказывает, что массовые политические репрессии привели деятелей белорусского национального движения к сознательному сотрудничеству с нацистами, которых воспринимали как «меньшее зло».

Также Ю. Туронк настаивает на тезисе о том, что Генеральный комиссар Генерального округа «Вайсрутиенен», гауляйтер национал-социалистической партии Германии В. Кубе являлся искренним защитником белорусского народа, и лишь благодаря его личной позиции, которую он отстаивал, вступая в споры даже с такой влиятельной организацией как СС, на территории Генерального округа стало возможным появление белорусских национальных организаций (БНС, БКО, СБМ), начал укореняться белорусский язык и «расцвела» белорусская культура.

При этом работы Ю. Туронка базируются в первую очередь на послевоенных воспоминаниях деятелей белорусской национальной эмиграции и на документах немецких и польских архивов. Белорусский архивный материал практически не используется, а работы советских и белорусских постсоветских историков польский автор считает пропагандистскими, подвергает их критике и не согласен практически с любой содержащейся там информацией и утверждениями.

Но если мотивы националистов, участвовавших в войне на стороне Германии и потом находившихся в эмиграции, можно понять (но никак не оправдать), можно понять и позицию польского историка, выполняющего определенный политический заказ, то позиция ряда современных белорусских историков, стремящихся обелить коллаборационизм, вызывает недоумение и активное неприятие.

Идя вслед за идеологами белорусского национализма, некоторые авторы начинают активно продвигать тезис о том, что Великая Отечественная война для белорусов была гражданской войной, так как белорусы сражались друг с другом.

Приведем ряд цитат. Так, О. Гордиенко утверждает: «Тема белорусской коллаборации была долгое время закрыта для рядового читателя. Все время, даже до сегодняшних дней, на тех, кто сотрудничал с немецкими оккупантами, смотрели и смотрят как на фашистских прислужников, которые изменили своей Советской Родине. Однако какой Родине изменял житель Западной Беларуси, который родился еще в период Российской Империи, микроскопично увидел БНР, БССР, жил два десятилетия на «Восточных кресах», а в Советской стране «помаялся» только полтора года, с сентября 1939 по июнь 1941 г. Неужели он успел стать полноценным гражданином самой «счастливой» на свете страны? А наши соотечественники из Восточной Беларуси, которые 20 лет жили под ужасом ленинско-сталинских репрессий? Те, у кого во время коллективизации отобрали кровью политый крестьянский надел, те, кто был репрессирован, или чьи родственники погибли от пуль большевистских наганов в Куропатах? Неужели они после нападения фашистов на Советскую страну должны были бороться за возвращение сталинских виселиц? Наиболее точно охарактеризовал тогдашние колебания интеллигенции известный белорусский ученый Ефим Кипель в своей книге воспоминаний «Эпизоды»: «на немцев надеялись, так как казалось, что хуже, чем при Советской власти, не будет никогда». Ирония судьбы... Но для белорусов Великая Отечественная война стала гражданской войной. Одни были по одну сторону фронта – советскую, другие – по немецкую; были и те, кто сражался под украинскими, польскими знаменами, в отрядах генерала Власова. Большинство же белорусов были стиснуты между этими огнями» [8, с. 60–61].

То же утверждение можно встретить у Л. Лыча: «Из-за политических, идеологических мотивов белорус убивал белоруса с та-

кой же жестокостью, как это делали немцы по отношению к людям нашего края» [9, с. 16].

При этом простейшие аргументы опровергают этот тезис. Во все учебники вошли данные о том, что в советских партизанских отрядах на территории БССР воевало около 374 тысяч человек, не считая резервов, даже превышавших эту цифру [10, с. 137]. Около 70 тысяч человек сражались в рядах белорусского антифашистского подполья. Это были люди, сознательно ставшие на путь вооруженной борьбы, готовые рисковать своей жизнью ради собственной Родины. В то же время в рядах коллаборантов едва можно насчитать до 100 тысяч человек, из которых большая часть рассматривала свое сотрудничество с оккупантами лишь как стратегию выживания в условиях войны и оккупации.

Собственно, белорусы не спешили идти на службу к оккупантам. Назначение руководящего состава, да и рядовых работников в местные коллаборационные административные учреждения всех уровней было сопряжено для немецких властей с большими трудностями. В отчете тайной полевой полиции за октябрь 1941 г. отмечалось, что: «Напрасно ожидать от населения активного участия в происходящих событиях, ...русский [т.е. белорусский – А.Б.] народ не ищет контактов с немцами» [11]. А имперский министр по делам оккупированных восточных территорий А.Розенберг писал Гитлеру: «В итоге 23-летнего господства большевиков население Беларуси в такой мере заражено большевистским мировоззрением, что для местного самоуправления нет ни организационных, ни персональных условий и позитивных элементов, на которые можно было бы опереться, в Беларуси не выявлено» [1, с.90].

Для исправления ситуации в Беларусь в июле 1941 г. было направлено около 50 белорусов-эмигрантов, завербованных еще до начала войны (в их числе В.Тумаш, В.Ивановский, А.Демидецкий-Демидович, В.Родько, Р.Островский и др.). Все они заняли руководящие посты в органах местной вспомогательной администрации (30 человек в Минске, остальные большей частью попали в Центральную и Восточную Беларусь) [1, с.77]. Это были люди, сознательно пришедшие к сотрудничеству с фашистским режимом, ими двигало неприятие социализма как общественного строя. Будучи крепко связаны с немцами, эмигранты могли рассчитывать на достижение своих целей только в результате победы Германии, поэтому они являлись наиболее ревностными проводниками преступной оккупационной политики.

При этом необходимо учитывать, что вышеназванные деятели вряд ли могут считаться представителями белорусского народа, так как они эмигрировали в Европу еще в период революции и гражданской войны, к БССР и протекавшим там процессам не имели никакого отношения. Поэтому они не могут считаться жертвами репрессий, так как никогда им не подвергались, и сотрудничество с нацистами с их стороны было сугубо добровольным актом.

Определенную часть коллаборационистов в Белоруссии составили также поляки. Активность польской стороны объяснялась тем, что поляки пытались использовать немецко-фашистский оккупационный режим для решения своих национальных задач и превратить Беларусь в польскую провинцию. В первые месяцы войны им удалось, пользуясь желанием немецкого военного руководства как можно скорее сформировать аппарат вспомогательной администрации, заполнить в Западной Беларуси руководящие посты своими людьми. Пользуясь сложившейся ситуацией, польские круги начали постепенное вытеснение из общественной жизни немногочисленного активного белорусского элемента (в первую очередь, интеллигенции), а затем развязали фактический террор и против белорусского и русского крестьянства, требуя возвращения земель вернувшимся польским помещикам [12]. При этом поляки умело проводили свою линию, стравливая немецкие оккупационные власти с белорусским населением путем многочисленных доносов, где обвиняли белорусов в действительном или вымышленном коммунизме [6, с.60-61; 13, с.62-63].

Наконец, небольшую группу коллаборационистов на территории Белоруссии составили «фольксдойче» – этнические немцы, проживавшие в СССР, которых Третий рейх небезосновательно считал своей «пятой колонной» [14].

Таким образом, ядро активных коллаборационистов составили белорусы-эмигранты, давно покинувшие территорию Белоруссии и являвшиеся носителями антисоветской и антирусской идеологии, польские активисты, стремившиеся вернуть Западно-белорусские земли в состав польского государства, а также немцы-«фольксдойче». Основная же масса белорусов воевала за освобождение своей большой Родины (СССР) и малой (БССР) на армейских фронтах, в рядах партизан и подпольщиков и не рассматривали коллаборационистов как своих представителей.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. *Раманоўскі, В.П.* Саўдзельнікі ў злачынствах / В.П. Раманоўскі. – Мінск: Беларусь, 1964.
2. *Акула, К.* Змагарныя дарогі: Раман / К. Акула. – Мінск: Маст. літ., 1994.
3. *Малецкі, Я.* Пад знакам пагоні: Успаміны / Я. Малецкі. – Таронта: Пагоня, 1976.
4. *Найдзюк, Я.* Беларусь учора і сёння: Папулярныя нарыс з гісторыі Беларусі / Я. Найдзюк, І. Касяк. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993.
5. *Юрэвіч, Л.* Вырваныя бачыны. Да гісторыі Саюзу Беларускае Моладзі / Л. Юрэвіч. – Мінск: «Энцыклапедыкс», 2001.
6. *Турунак, Ю.* Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Турунак / Пер. з польскай В.Ждановіч. Каментарыі А.М.Літвіна. – Мінск: Беларусь, 1993.
7. *Турунак, Ю.* Людзі СБМ / Ю. Турунак. – Вільня:Gudas, 2006.
8. *Гардзіенка, А.* Асноўныя накірункі акупацыйнай палітыкі нямецкіх уладаў у сферы культуры на Беларусі у 1941– 44 гг. / А. Гардзіенка // *Historica. Гістарычна-культурны перыёдык.* – 2000. – № 1. – С. 60–72.
9. *Лыч, Л.* Міжнацыянальныя дачыненні ва ўмовах нацысцкай акупацыі /Л. Лыч // *Спадчына.* – 2002. – № 1. – С. 3–35.
10. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны): Вучэб. дапам. для студэнтаў устаноў, якія забяспечваюць атрыманне вышэйшай адукацыі / А.А. Каваленя, У.І. Лемяшонак, Б. Дз. Далгатовіч і інш.; Пад рэд. А.А. Кавалені, М.С. Сташкевіча. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2004.
11. Национальный архив Республики Беларусь. Ф.4683. Оп.3. Д.1035. Л.93.
12. *Спирын В.С.* Белорусско-польский антагонизм как один из факторов стимулирования политического коллаборационизма на территории Западной Беларуси в 1941 г. // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы: Матэрыялы навук.-тэарэт. канф., 4-5 мая 2000 г.: У 2 ч. – Мінск: БДПУ імя М.Танка, 2000. – Ч. 2. – С. 22.
13. *Каваленя, А.А.* Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941-1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць / А.А. Каваленя. - Мінск: БДПУ імя М.Танка, 1999.
14. *Тугай, В.В.* «Фольксдойче» в Беларуси (1941–1944 гг.) / В.В. Тугай, С.М. Тугай // *Славянскі свет: мінулае і сучаснае: Матэрыялы рэсп. навук. канф., 26 сакавіка 2004 г.; Рэдкал. А.П.Жытко (гал. рэд.) і інш. У 3-х ч.* – Мінск: БДПУ, 2004. – Ч. 2. – С. 166–182.

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛОРУССИИ. ФАЛЬСИФИКАЦИИ И СПЕКУЛЯЦИИ

А.Е.Геращенко,

член Союза писателей России,
член Союза писателей Белоруссии,
действительный член Русского исторического
общества за границей

Являясь автором ряда научно-популярных исторических книг как для детей, так и для взрослых, я в своём творчестве неоднократно касался и темы партизанского движения в Белоруссии в период Великой Отечественной войны – в частности, в книге «Очерки по истории Полоцка и Белой Руси» (Минск, «Ковчег», 2013 год), а также в серии небольших книжек «История для школьников» издательства «Белорусская энциклопедия им. П.Бровки» – «Сыны Отечества. Батька Минай и дядя Костя», «Сыны Отечества. Пётр Машеров и Сидор Ковпак» и «Человек-легенда. Сергей Притыцкий» – все вышли в том же 2013 году. Кроме того, в 2015 году в той же серии ожидается выход книжки о Вере Хоружей.

В процессе работы над данными книгами я написал немало сопутствующих публицистических материалов и сразу же обратил внимание, как изменилась тональность в освещении партизанского периода на протяжении последнего времени.

От откровенных панегириков и славословия белорусское общество как-то, на первый взгляд исподволь, незаметно, оказалось вовлечено в процесс постепенного пересмотра и самого партизанского движения, и его роли для отечественной истории.

За последние годы, в основном, за пределами Белоруссии издано множество литературы, не только ставящей под сомнение подвиг и героизм партизанского движения, но и прямо обвиня-

ющей партизан во всех тяжких «грехах». Этой же цели служат и многочисленные интернет-публикации. Чаше всего основой для подобного «пересмотра» служат спекуляции, а зачастую – и откровенные фальсификации, выдаваемые неисклюшённому читателю в виде «долго скрываеомой властями правды о войне и партизанском движении».

Фальсификации и спекуляции в науке бывают разного масштаба и уровня, зависящие от тех или иных причин – целей, преследуемых их авторами и конкретных условий. В этом смысле фальсификации и спекуляции в сфере истории ничем принципиально, казалось бы, не отличаются от подобных же негативных проявлений в любых иных сферах научного знания. Однако это лишь на первый взгляд, так как история, как наука, всегда является составной частью той или иной идеологии, того или иного мировоззрения и обычно встраивается в ведущие государственные или оппозиционные политические идеологемы.

Те или иные недобросовестные научные работники порой склонны использовать фальсификации в своих личных, как правило, корыстных целях. Такой пример прекрасно описан в комедии Кондрата Крапивы «Кто смеётся последним» в образах директора НИИ геологии Горлохвацкого и научных работников этого же вуза. Напомним суть – в гротескной форме описывается история, когда из найденной кости современного домашнего животного делается сенсация и пишется работа, подтверждающая существование мифического доисторического «свинтуса грандиозуса», или же «мамонтовой свиньи». Мистификация раскрывается, и фальсификаторы терпят фиаско.

В жизни подобных персонажей хватает, и правда раскрывается далеко не всегда так быстро, как в приведённом выше случае. Более того – если фальсификация становится чётко сформулированной целью отдельных научных групп и даже государства (или же группы государств), последствия могут быть самыми серьёзными – достаточно вспомнить «всесоюзного агронома» Трофима Лысенко и пагубность его «научной школы» для советской генетики.

Сюда можно отнести и кампанию по фальсификации партизанского движения в Белоруссии.

Она появилась не спонтанно, а стала практической реализацией того государственного заказа, который был сформулирован на Западе при поддержке белорусских националистических эмигрантских кругов.

Стремясь удержать за собой мировое лидерство любой ценой, англосаксонский мир и евроатлантическая цивилизация в целом предпринимают беспрецедентные усилия по переформатированию общественно-политического сознания на пространстве бывшего СССР. Успех подобных действий в 90-е годы XX века, приведший к распаду вначале Варшавского договора и системы социализма, а затем и СССР, подталкивает наших геополитических противников продолжать движение в том же направлении.

Если говорить о принципиальной геополитической стратегии США и их сателлитов, то она достаточно проста – не допустить любой ценой восстановления единства постсоветского пространства, а сближения и тем более объединения России, Белоруссии и Украины – в первую очередь.

Эта тактика достаточно эффективна – в 2014 году на Украине был совершён государственный переворот, и сегодня эта страна, являющаяся частью Русского мира, стремительно движется в сторону примитивного местечкового нацизма с явно антироссийской направленностью. США и их союзникам удалось не только оторвать Украину от России и Белоруссии, но и создать у украинцев образ врага из русских, используя два десятилетия массированного изменения сознания и национальных ценностей у украинского народа. Масштабные исторические фальсификации и спекуляции в итоге сделали своё дело – выросло целое поколение молодых украинцев, убеждённых во враждебности всего русского, всерьёз воспринявших миф о намеренном голодоморе украинцев, устроенном Москвой, и «героической» роли Степана Бандеры и Романа Шухевича.

Все эти события готовились долгие годы, и их основой стали как раз исторические фальсификации и спекуляции, подготовленные как зарубежными, так и местными украинскими историками, щедро оплаченные при помощи системы западных грантов.

Следующей целью наших геополитических конкурентов будет, безусловно, Белоруссия. Её потеря по украинскому варианту будет означать если и не окончательное поражение нашей цивилизации, то надолго отодвинет даже потенциальную возможность нашего возрождения.

Борьба за Белоруссию идёт давно и не прекращается ни на минуту. Реализуется точно такая же система грантов и иных преференций для учёных и, прежде всего, историков, которые и призваны создать теоретическую базу для смены курса в Белоруссии по украинскому варианту.

Между тем, для наших конкурентов ситуация в Белоруссии представляется достаточно сложной. И дело здесь не только, и даже не столько в А.Г. Лукашенко. Дело в том, что БССР, созданная после Октябрьской революции, всегда входила в состав СССР (помимо оккупированных Польшей в 1919-1939 годах земель Западной Белоруссии), поэтому национальная белорусская ментальность формировалась под сильным воздействием советской и русской идентичности. В отличие от Украины, где были сильны традиции казацкой вольницы и автономии, в Белоруссии была иная ситуация: знать была представлена поляками либо практически полностью ополячена, поэтому не воспринималась белорусами в качестве своей. Небольшое число разночинцев во второй половине XIX века – начале XX века не смогли кардинально изменить ситуацию. В итоге белорусская идентичность формировалась в более поздних исторических условиях, и наиболее сильное влияние на белорусскую ментальность оказали события Великой Отечественной войны.

Белоруссия внесла свой особый вклад в общую победу над фашизмом, заплатив за неё тяжёлую цену. Конечно же, речь не идёт о том, что БССР внесла решающий вклад в разгром фашистской Германии, но вместе со всем советским народом белорусы отчаянно сражались на фронтах и в партизанских зонах в тылу, а сам белорусский народ пережил фактический геноцид.

Напомню, что фашисты творили чудовищные злодеяния на белорусской земле. О масштабах уничтожения фашистами населённых пунктов Белоруссии вместе с жителями лучше всего свидетельствуют беспристрастные и вместе с тем жуткие цифры. Из 9 200 населённых пунктов, разрушенных и сожжённых гитлеровцами в Белоруссии во время Великой Отечественной войны, 5 295 фашисты уничтожили вместе со всем или частью населения в ходе карательных операций. В Витебской области 243 деревни сжигались дважды, 83 – трижды, 22 – четыре раза и более. В Минской области сжигались дважды 92 деревни, трижды – 40, четырежды – 9, пять и более раз – 6 деревень. Из общего количества 5 295 деревень 3% уничтожено в 1941 году, 16% – в 1942 году, 63% – в 1943 году, 18% – в 1944 году. Итогом нацистской политики геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии стали 2 миллиона 230 тысяч человек, уничтоженных за три года оккупации. Погиб каждый 4-й, а по уточнённым данным – каждый 3-й житель Белоруссии.

Но белорусский народ не склонил головы – у фашистов в буквальном смысле земля горела под ногами. На протяжении всего периода оккупации в Белоруссии действовали 199 партизанских бригад, 14 партизанских полков (997 отрядов) и 258 отдельных партизанских отрядов, в которых насчитывалось 374 тысячи бойцов; скрытые же партизанские резервы достигали 400 тысяч человек. Наряду с этим, в подпольных организациях и группах насчитывалось свыше 70 тысяч человек, в том числе 10 тысяч сотрудников агентурной разведки.

С июня 1941 по июль 1944 года партизаны Белоруссии вывели из строя около 500 тысяч военнослужащих оккупационных войск и марионеточных формирований, чиновников оккупационной администрации, вооруженных колонистов и пособников (из них 125 тыс. человек – безвозвратные потери), подорвали и пустили под откос 11 128 вражеских эшелонов и 34 бронепоезда, разгромили 29 железнодорожных станций и 948 вражеских штабов и гарнизонов, взорвали, сожгли и разрушили 819 железнодорожных и 4 710 других мостов, разрушили более 300 тысяч рельсов, свыше 7 300 км телефонно-телеграфной линии связи, сбили и сожгли на аэродромах 305 самолётов, подбили 1 355 танков и бронемашин, уничтожили 438 орудий разного калибра, подорвали и ликвидировали 18 700 автомашин, 939 военных складов. За тот же период белорусские партизаны взяли следующие трофеи: орудий – 85, миномётов – 278, пулемётов – 1 874, винтовок и автоматов – 20 917. Общие безвозвратные потери белорусских партизан в 1941-1944 годах, по неполным данным, составили 45 тысяч человек (то есть в три раза меньше, чем у противостоящего им противника). Партизаны, ведя непрерывные бои, спасли тысячи мирных граждан от уничтожения и угона в фашистское рабство. Действия партизанских отрядов и соединений наносили ощутимый ущерб гитлеровским армиям на Восточном фронте, серьёзно препятствовали снабжению вражеских войск и поставке воинских резервов, отвлекали на себя значительные силы вермахта.

Партизаны оказали значительную помощь Красной Армии в освобождении Белоруссии. Необходимо отметить, что фашисты контролировали только 40% территории БССР – на 60% хозяйничали партизаны, и действовала советская власть.

В марте 1965 года первым секретарём ЦК компартии Белоруссии стал Пётр Миронович Машеров – партизанский командир, непосредственный участник боёв, получивший ранения, Герой

Советского Союза. Для него всё, что было связано с Великой Отечественной войной, имело глубинный личный смысл. Впрочем, так война в то время воспринималась и большинством белорусов. П.М. Машеров одним из смыслов своего руководства видел создание памятных мемориалов, которые должны были закрепить память о Великой Отечественной войне на долгие годы. Благодаря его личному вниманию и инициативе была создана основа мемориальной памяти Белоруссии о событиях Великой Отечественной войны: Брестская крепость, Хатынь, Центральный музей Великой Отечественной войны, партизанский музей Батьки Миная, Курган Славы.

При создании всех этих комплексов на первый план всегда ставилась память о погибших, о совершённых во время войны подвигах и патриотических поступках, злодеяниях фашистов. Иными словами, это были памятники эпохе и тому ужасу, который принесла на белорусскую землю война, памятники мужеству и стойкости белорусского народа. Памятники войны сразу же затмили в Белоруссии памятники периода революции, которые отошли на второй план и как-то потерялись и померкли, потому что вовсе не революция, а именно Великая Отечественная война стала стержнем национального белорусского советского самосознания. Идеология гордого и непокорного партизанского края была главенствующей. В этом смысле советский патриотизм и коммунистическая идеология в Белоруссии имели свою специфику. Партизанское движение скрепило кровью русско-белорусское единство. Многие из красноармейцев, выходцев из России, влившихся в ряды партизан, впоследствии остались в Белоруссии на постоянное место жительства. Война изменила Белоруссию навсегда и прочно заняла центральное место в белорусской коммунистической идеологии. Революция же после 1945 года в БССР всегда была на втором плане. Думается, во многом в этом факте и лежит объяснение нынешнего белорусского феномена, когда только Минск, в отличие от других столиц СНГ, последовательно стремится к сближению с Москвой. После распада СССР и краха коммунистической идеологии ситуация в Белоруссии была принципиально иной, нежели в других республиках СССР. Героика войны, на которой базировались главные ценности белорусского самосознания, не была затронута сколь-либо серьёзно в годы перестройки, и именно она стала основой для российско-белорусских интеграционных процессов. Антисоветизм и русофобия не прижились в Белоруссии потому,

что они были противоестественными для партизанского военного сознания белорусов. Сразу после распада СССР к белорусским националистам надолго приклеился ярлык «недобитых полицаев», потому что они ратовали как раз за то, против чего с оружием в руках воевала Белоруссия в 1941-1945 годах. В этом, собственно говоря, и заключается разница ситуации в Белоруссии и на Украине, где, к сожалению, возобладали реваншистские идеи бандеровцев, хотя на той же Украине военной героики было не меньше – Ковпак, молодогвардейцы, Крым.

Фактически, война прошла катком по каждой белорусской семье. Помимо официоза всегда была очень сильна и народная память о событиях войны, о партизанах и их подвигах. Всё это широко отразилось и в народном фольклоре – когда-то весьма распространённом и популярном, а теперь невольно (или вполне сознательно – что более вероятно) постепенно уходящим в небытие.

Еще в 70-80-е годы, когда я учился в школе, партизанский фольклор и партизанская романтика были обычным явлением в среде белорусских школьников. Я хочу подчеркнуть, что это вовсе не был советский партизанский официоз – это были различного рода анекдоты, стихотворения, шутки, забавные истории, зачастую нецензурные. Эта негласная и неофициальная часть партизанского эпоса не только не одобрялась, но и осуждалась педагогами и властями, однако была любимым населением. Я хорошо помню такую шутку, с которой обращались друг к другу школьники: «Куда пойдём – в полицию или в партизаны? Лучше вначале в полицию – там денег дадут. Получим, и махнём в партизаны». Данная шутка, несомненно, является отголоском партизанского фольклора, дошедшего до нас со времён войны. Признавая сам факт лучшего материального снабжения полицаев, данная шутка, тем не менее, не оставляет никаких двусмысленностей по поводу окончательного выбора – уходу в партизаны на самом деле нет никакой альтернативы. Из этой же серии и стихотворение, посвящённое установке памятника партизану. В стихотворении также много ненормативной лексики, поэтому я по понятным причинам не стану его воспроизводить, но смысл в том, что высмеивались горе-архитекторы, которые никак не могли решить, как изобразить партизана, куда поместить гранату, руки и ноги персонажа. И в этом случае положительный образ партизана не подвергался никакому сомнению.

Сложность для реализации в Белоруссии украинского сценария заключалась и в том, что украинские националисты в годы

войны принимали активное участие в уничтожении мирного белорусского населения. В связи с тем, что белорусские полицаи неохотно шли на проведение карательных операций, так как опасались за свою судьбу и будущее своих родных, фашисты возложили эти «функции» на пришедшие батальоны украинских бандеровцев. И те полностью оправдали надежды оккупантов – они жгли и убивали без разбора и жалости, оставляя на белорусской земле сплошные пепелища и горы замученных и сожжённых заживо людей.

Одним из самых известных и чудовищных преступлений стало участие роты 118-го батальона, большинство личного состава которого составляли украинские националисты, в совместной с немцами операции по уничтожению деревни Хатынь 22 марта 1943 года. Деревня была сожжена дотла. Были расстреляны и сожжены заживо 149 мирных жителей. Примерно половина из них – несовершеннолетние дети, большая часть второй половины – женщины и немощные старики. Сейчас Хатынь известна во всём мире – на месте сожжённой деревни создан мемориальный комплекс.

Хатынь является слишком громким преступлением, за которое нынешние бандеровцы не хотят нести моральную ответственность. Тем не менее, именно бойцами Шухевича и прочих бандеровских карателей и подонков в Белоруссии были совершены и другие злодеяния, на сегодняшний день полностью доказанные, однако не получившие такой же известности, как трагедия Хатыни. 201-й батальон, 1-й сотней которого до создания УПА командовал «герой» нынешней Украины Роман Шухевич (это «высокое звание» было присвоено ему ещё президентом Украины В.Ющенко, с чем вполне солидарны и нынешние нелегитимные «правители» Украины и лидеры майдана), принимал во всём этом самое активное участие. Каратели и негодяи из 201-го батальона шуцманшафт оставили о себе кровавую память, рьяно помогая фашистам во время проведения карательных операций «Болотная лихорадка» в Витебской области, «Треугольник» в Брестской области, «Коттбус» в Минской и Витебской областях.

Несмотря на то, что белорусы-полешуки (жители Полесья – южной части Белоруссии) и поговору, и по обычаям мало отличаются от населения приграничной части Украины, белорусско-украинская граница стала значимым рубежом, за которым влияние ООН и УПА заканчивалось. Полешуки, как и остальные белорусы, в своём подавляющем большинстве поддерживали советских

партизан. Именно в Полесье отряды украинских националистов, рассчитывавшие найти себе союзников в «борьбе за Великую Украину», встретили ожесточённое сопротивление партизанских отрядов, которые не пустили бандеровцев в Белоруссию.

ОУН и УПА не простили этого белорусам. После того, как армейские части и влившиеся в их ряды партизанские бригады ушли на запад бить отступавших фашистов, против мирного населения белорусских деревень бандами бандеровцев был развёрнут безжалостный террор. Зверские убийства и истязания, которые происходили почти до середины 1950-х годов, пока не были окончательно разгромлены бандеровцы ОУН-УПА, совершали не какие-то чужие люди, а жители соседних украинских сёл, расположенных всего в нескольких километрах от белорусских деревень – отряды Дворко, Ермака, Конопелько, Артемчука, Ющика, Савчука и прочих негодяев и подонков. Только в период с 1944 по 1946 годы ОУН-УПА совершили в Белоруссии 2 384 теракта и диверсии. Было убито 1 012 человек. Есть данные за 1945 год. Лишь 50 человек были сотрудниками НКВД, 8 – офицерами, 28 – рядовыми и сержантами Красной Армии. Остальные 298 человек, убитых в приграничных белорусских районах в 1945 году, были женщины, старики и дети. ОУН-УПА продолжили террор и уничтожение белорусского населения даже после изгнания фашистов.

Бандеровцы и полиция наряду с самими фашистскими оккупантами долгое время являлись символом всего самого подлого и жестокого, с чем пришлось столкнуться белорусам. В основе этого, несомненно, лежала историческая память о массовом партизанском движении – для партизан фашисты, полиция и бандеровцы были злейшими врагами.

Всё вместе это представляло собой серьёзную проблему для тех, кто хотел направить Белоруссию по украинскому пути. Это, однако, не остановило наших идеологических противников на Западе, которые начали действовать в стиле высказываний Геббельса: «Чем больше ложь, тем легче в неё поверять».

Пока были живы партизанские командиры и большинство людей, переживших ужасы оккупации, своими глазами видевшие концентрационные лагеря, расстрелы и пытки своих соотечественников, помнившие героизм и трудности партизанского периода, не могло быть и речи о ревизии или очернении партизанского прошлого Белоруссии. Но со временем партизан становилось всё меньше, и уже почти некому было рассказывать школьникам о том,

как всё было на самом деле. Всё чаще зазвучали мысли о том, что партизанское движение было привнесено в Белоруссию извне, что основная вина на гибели белорусов лежит на партизанах.

Значительная часть белорусских предателей и фашистских прислужников во время освобождения Белоруссии бежали с немцами и рассеялись по всему миру, сохранив в душе ненависть и к победившему фашизму Советскому Союзу и к отравлявшим им жизнь партизанам. Многие выжившие представители этого отребья уже после распада СССР активно подключились к работе различных белорусских националистических организаций, участвовали в конгрессах белорусов мира и схожих мероприятиях, проходивших и в самой Белоруссии, и за рубежом, где в том числе обсуждались и проблемы «справедливой исторической оценки партизанского вопроса в Белоруссии и пересмотра итогов Великой Отечественной войны для Белоруссии».

В феврале-марте 2010 года в газете «Народная воля» была организована дикая кампания по дискредитации и партизанского движения, и подпольщиков, и действий советской армии на территории Белоруссии во время Великой Отечественной войны. В течение всего последнего времени газета печатала книгу И. Копыла «Небышино. Война». Не случайно была выбрана и дата – в преддверии 9 мая 2010 года – 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне.

Целиком пересказывать сей весьма объёмный труд нет смысла – постараюсь сделать это кратко. Главный смысл книги и газетных публикаций в следующем: война для Белоруссии началась 1 сентября 1939 года, когда два союзника – фашистская Германия и Советский Союз напали на Польшу. Белорусы оказались между молотом и наковальней. Немцы, оккупировав Белоруссию и быстро изгнав трусливую и бездарную Красную армию, были настроены к белорусам лояльно и даже на первых порах (по словам автора – до осени 1942 года) помогали населению: организовывали школы, налаживали жизнь. Люди вздохнули свободно, не испытывая гнёта большевизма, но коварный Сталин, ненавидевший белорусский народ, в конце 1942 – начале 1943 годов стал засылать в немецкий тыл регулярные войска, которые под видом сельских жителей и партизан обстреливали немцев и вызывали карательные немецкие экспедиции. Люди бежали в партизаны, и всё повторялось заново. Причём партизаны в своей массе грабили население, часто были пьяницами и неуравновешенными садистами, боялись немцев,

занимались массовыми приписками своих подвигов. Порой сами сжигали деревни (из «стратегических соображений»). Повезло тем деревням, где находились «власовцы» или отряды местной самообороны – они, дескать, защищали белорусов от партизан и немцев. Освобождение от немецкой оккупации тоже описывается в книге, как не самое радостное событие – вновь вернулись колхозы и красный деспотизм. Фашистская оккупация сменилась советской. Люди встречали советских солдат молча – не было ни цветов, ни радости.

Вот типичное описание партизан в книге И. Копыла: «В их доме на постое был какой-то партизанский чин, по фамилии Аксютин. Он всегда был пьян, ко всем цеплялся, угрожал пистолетом. Все жители дома жили в страхе и опасности». И вновь на эту же тему: «Вечерами партизаны устраивали танцы. Однажды один из этих партизан, будучи пьяным, пригласил на танец девушку Фаню Пашевич. Она отказала ему, сказала: «Я с пьяными – не танцую». «Сука, – закричал он, – а с пьяными немцами ты танцуешь?!». «Я их никогда не видела, немцы у нас танцы никогда не устраивали», – спокойно ответила Фаня. Озверевший партизан выхватил пистолет и два раза выстрелил в Фаню». И вновь чуть дальше по тексту: «Когда немцы и полиция убивали людей в деревнях Шунявка, Витуничи, Небышино, партизаны спокойно наблюдали из своих укрытий, как происходит процесс. Они палец о палец не ударили, чтобы защитить людей. Никто из них не проявил героизма и самоотверженности, не вступил в бой с оружием в защиту сельчан... Партизаны – соучастники преступлений. Однако сами исправно составляли акты, протоколы о зверствах немецко-фашистских захватчиков и отправляли их в Кремль».

И, как верх лжи и цинизма, И. Копыл обвиняет Кремль и Центральный штаб партизанского движения в... организации массовых убийств белорусского населения: «Для исполнения второй задачи – создать на оккупированной Белоруссии «всенародное» партизанское движение – был разработан очень простой, направленный против населения, бесчеловечный план. Главное – нужно было спровоцировать немцев на начало репрессий. План разрабатывался в Центральном штабе партизанского движения. Вначале был определён и создан список деревень, которые подлежали уничтожению. Эти деревни были равномерно распределены по всей территории Белоруссии, чтобы слухи о зверствах немцев мгновенно распространились во все уголки республики. Нужно

было как можно сильнее напугать население». И далее следует окончательные выводы автора, для чего и написана вся эта книга: «Хочу отметить, это мои личные выводы, что если бы на территории оккупированной Белоруссии не было партизан, потери населения были бы значительно меньшими, не было бы сожжённых деревень, и мы после войны быстрее бы отстроили свою страну». Поэтому, по мнению И. Копыла, «Германия и СССР являются виновными в разжигании самой кровавой, самой бесчеловечной войны XX столетия».

И.Копыл далеко не одинок – выпуск подобных книг поставлен на поток. Помимо прямой дискредитации партизанского движения мысль о прямой вине Москвы в гибели миллионов белорусов преследует и ещё одну цель – создать некий аналог украинского голодомора и обвинить в массовой гибели белорусского населения не фашистскую Германию, а Советский Союз.

Этим самым в среде белорусской молодёжи, для которой война – давно минувшее время, сеются семена не только антисоветизма, но и откровенной пещерной русофобии, а заодно закладывается основа для совместных белорусско-украинских претензий к Москве в будущем.

Это общее, магистральное направление фальсификации истории партизанского движения в Белоруссии. Однако прямой атаке подвергаются и конкретные партизаны-герои, реальные исторические персонажи – Вера Хоружая, Константин Заслонов, Пётр Машеров, Минай Шмырёв, Сидор Ковпак, Иван Дорощенко, Сергей Притыцкий. В этом же ряду и фальсификации в отношении Зои Космодемьянской, Александра Матросова, героев-панфиловцев и даже, как ни странно, Павлика Морозова.

Рассмотрим данные случаи более подробно.

Вера Хоружая, несмотря на беременность (она была на шестом месяце) с приданной группой партизан пешком, преодолевая реки, болота и леса, перешла линию фронта и решила вопрос снабжения своего партизанского отряда, которым командовал В.З. Корж. В. Хоружая хотела вернуться назад, но С.Притыцкий добился её возвращения к эвакуированной семье. Пробыв некоторое время в эвакуации, где у неё родился сын, Хоружая добилась возвращения в строй, вновь перешла линию фронта и занялась организацией подполья в Витебске. В эвакуации остались её малолетняя дочь и четырёхмесячный сын. Витебское подполье было разгромлено, а Вера Хоружая погибла. В настоящее время высказывается со-

вершенно необоснованное предположение о том, что В. Хоружую вынудили бросить детей и заставили перейти линию фронта для организации подполья, так как 10 августа 1937 года Вера Хоружая была арестована по ложному доносу как «польская шпионка» и два года провела в лагерях. Однако эти измышления не выдерживают никакой критики, потому что 15 августа 1939 года В. Хоружая была полностью оправдана, освобождена, возвратилась в освобождённую от поляков и воссоединённую с СССР западную часть Белоруссии и сразу же была назначена пропагандистом райкома партии в Телеханах. Сохранились многочисленные свидетельства того, что Вера Хоружая сама стремилась за линию фронта, несмотря на все запреты и уговоры советского руководства.

Пётр Машеров известен далеко за пределами Белоруссии. Это был один из немногих советских руководителей высокого ранга, удостоенный высшей награды страны в военное время за боевые подвиги – Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 августа 1944 года «за героизм и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков» ему было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Между тем и здесь наши недруги пытаются бросить тень на легендарного руководителя Белоруссии, указывая на «малоизвестный факт» нахождения П. Машерова в плену в самом начале войны. На самом деле молодой учитель сразу же ушёл добровольцем на фронт в рядах Красной Армии. После тяжёлых боёв в августе 1941 года попал в окружение, и, соответственно, в плен. Но Петру Машерову удалось бежать – когда фашистский эшелон уже подходил к границе, ему удалось выбраться из товарного вагона через боковой люк и прыгнуть на ходу с поезда.

Вернувшись в родные края, Машеров не смиряется с фашистской оккупацией и вместе со своими единомышленниками начинает собирать силы в Россонах для сопротивления врагу. Ему дают партизанскую кличку Дубняк. Так часто поступали, чтобы враг не узнал настоящие имена и фамилии партизан, потому что тогда могли бы расправиться с их родственниками. В августе 1941 года Машеров становится во главе россонского подполья, а затем уходит в лес и с апреля 1942 года командует партизанским отрядом имени Н.А. Щорса. На базе этого отряда со временем развернулось сильное партизанское движение. Было освобождено 10 000 квадратных километров территории, восстановлена советская власть. Уже в марте 1943 года Пётр Машеров становится комиссаром партизан-

ской бригады имени К.К. Рокоссовского, в сентябре возглавляет Вилейский подпольный райком комсомола. Машеров принимал самое активное участие в разработке и проведении боевых операций. Машеров был дважды ранен. Его мать – Дарью Петровну Машерову, фашисты расстреляли 16 сентября 1942 года за то, что её сын был партизаном. Вместе с матерью Машерова расстреляли ещё восемь человек, в том числе и детей. Перед смертью женщин и захваченных детей пытали. Большинство из первых партизан отряда «Дубняк», которые ушли в лес вместе с Петром Машеровым, были учителями и недавно закончившими школу учениками. Почти все они погибли.

Ещё одним объектом фальсификации стал знаменитый подпольщик и партизан Константин Заслонов, который также добровольно перешёл линию фронта для организации сопротивления врагу на оккупированной территории. К. Заслонов в Орше организовывал подрывы фашистских эшелонов при помощи мин, замаскированных под куски угля. Всего за три месяца Заслонов и его подпольщики отправили под откос 100 поездов, взорвали 93 паровоза, сотни вагонов и цистерн. Начались аресты. Заслонов понимал, что его вот-вот может схватить гестапо – немецкая тайная полиция, поэтому в начале марта 1942 года ушёл из Орши, не дожидаясь ареста, и создал партизанский отряд. Главной базой Заслонова была деревня Куповать. 14 ноября 1942 года фашисты и полиция начали наступление. Карателям удалось временно захватить Куповать. В этом бою погиб и К. Заслонов. В последнее время получила распространение версия о том, что К. Заслонов и его штаб пьянствовали, поэтому были захвачены карателями врасплох и погибли. Это ещё один пример грубой фальсификации. В условиях немецкой карательной операции об алкоголе не могло быть и речи. К.Заслонов погиб потому, что партизаны ожидали, согласно предварительной договорённости, перехода части бывших советских военнопленных, воюющих на стороне фашистов, на свою сторону. Однако навстречу подошло другое подразделение, и завязался бой. Партизанское охранение было уничтожено, каратели добрались к Куповати и атаковали центр партизанской зоны силами в 2000 человек. Партизан было менее сотни. К. Заслонов героически погиб в неравном бою. Фашисты так и не смогли найти его тело, которое спрятал в подвале одного из домов верный ординарец Заслонова (который также погиб в том бою).

Не избежал спекуляций и фальсификаций и знаменитый партизанский командир батька Минай – Минай Шмырёв. Этот легендарный герой Первой мировой и Гражданской войн в Великую Отечественную создал одно из самых первых и самых боеспособных партизанских соединений. К апрелю 1942 года партизаны М. Шмырёва образовали Суражский партизанский край. На освобождённой территории была восстановлена советская власть, которая сохранялась вплоть до прихода Красной Армии. Вдоль берега Западной Двины, через знаменитые Суражские ворота, можно было переходить из захваченной немецко-фашистскими войсками Беларуси на занятую Красной Армией территорию. Через Суражские ворота на Большую землю шли мирные жители, новобранцы, перегонялся скот, вывозилось зерно, здесь же партизаны получали оружие. Суражские ворота действовали шесть месяцев. Это была беспрецедентная в истории Второй мировой войны ситуация. М. Шмырёва платиновым клинком наградил лично И. Сталин, а 15 августа 1944 года М.Шмырёву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Но и в данном случае находятся те, кто хотел бы принизить подвиги Батьки Миная, упрекнуть его в карьеризме и жестокости по отношению... к собственным детям.

Дело в том, что фашисты приговорили Миная Шмырева, как «особо опасного бандита», к смертной казни. За его голову давали 50 тысяч немецких марок. Победить или захватить батьку Миная не могли. Тогда оккупанты захватили семью партизанского командира – её выдал предатель Фоменков. Демонстрируя пойманную семью Шмырёва, немцы заявили: «Этот ваш бандит Минай убил много солдат великой германской армии. Поймать его пока нам не удалось. Мы забираем с собой детей и родственников бандита. Сдастся в плен Минай – отпустим всех, а нет – убьём всех до единого».

Батька Минай был вне себя от горя: идти на штурм Суража, как предлагали партизаны, он не хотел – Сураж им было не взять, но именно на это и рассчитывали фашисты. Что же ему было делать? Поначалу Минай Шмырёв хотел сдаться немцам в обмен на жизнь детей, затем решил покончить с собой, надеясь, что немцы не станут убивать детей. Старшая дочь Лиза смогла передать отцу записку: «Папа, за нас не волнуйся, никого не слушай, к немцам не иди. Если тебя убьют, то мы бессильны и за тебя не отомстим. А если нас убьют, папа, то ты за нас отомстишь». В феврале всех

четверых детей бабки Миная, сестру его жены и свекровь расстреляли фашисты. У него больше не осталось родных. Записку Лизы Минай Шмырёв всю войну носил в кармане возле самого сердца. Нужно ли говорить, какую цену заплатил герой за нашу общую Победу.

Наиболее тяжёлой была война для пехоты, которую не зря называли «царицей полей». Меся грязь, задыхаясь от пыли, замерзая в глубоких снегах, ночуя в окопах, пехотинцы прошли с боями по необъятным военным просторам.

Его имя было практически неизвестно до 1985 года, когда неожиданно в Белоруссии узнали о сначала партизане, а затем разведчике-пехотинце Иване Дорощенко, полном кавалере ордена Славы, участнике Парада Победы 1945 года. Особенно значителен последний, третий подвиг Дорощенко, после которого он и стал полным кавалером самого почётного ордена Великой Отечественной. Это произошло под Муромом в Верхней Силезии. Используя при взятии важной высоты повороты и небольшие неровности в траншеях, действуя где автоматом, где гранатами, Дорощенко, словно былинный богатырь, вышел победителем из схватки с тридцатью(!) фашистами. Двадцать четыре из них были убиты, а шестеро получили ранения и сдались в плен... Всё это произошло на глазах у роты наших бойцов, которая перед этим так и не смогла взять высоту.

До 1985 года имя Дорощенко было мало известно по одной простой причине – лишь к 40-летию Победы после серии публикаций о его личности и подвигах разведчику возвратили ордена и медали, которые отобрали сразу после войны – Иван Дорощенко послевоенные годы провёл в лагерях и тюрьмах. Первый свой срок он получил за то, что во время отпуска в родной деревне Дубровка Городокского района праздновал с земляками встречу и Победу. Выпитого показалось мало, и Дорощенко сбил замок с государственной лавки, чтобы продолжить вечер. За всё взятое он собирался расплатиться утром – лавка уже не работала. Похмелье было тяжёлым – гарнизонная гауптвахта, суд, лишение всех наград и первый большой лагерный срок.

Второй срок Дорощенко получил уже в лагере. Он старался поддержать попавших в лагерь фронтовиков, не стал мириться с воровским беспределом. В наказание разведчик получил новый срок. Потом был и третий – Дорощенко отстаивал свою правоту перед начальником тюремной стройки.

Бесшабашный легендарный герой так и не смог адаптироваться в мирной жизни и найти себя, что ничуть не умаляет его подвигов.

Все же попытки использовать его историю в качестве иллюстрации «несправедливости, неблагодарности и кровожадности советского строя» провалились. Мне довелось лично общаться с героем. На мой вопрос, нет ли обиды на советскую власть, на СССР – ведь столько лет в лагерях, лишение всех наград, забвение, Дорошенко ответил со свойственной ему прямоотой: «Виноват – вот и посадили. А другие два срока из-за горячности, может быть, и мог бы не получать, ну да как по-другому-то было быть? Благодарен, что, несмотря на лагеря, награды вернули – всё же за дело их дали. Обидно было бы без них умирать – вроде и не было ничего».

Колоссальная по своему трагизму и масштабу война выдвинула из народной среды огромное множество подлинных героев. Судьбы иных из этих людей настолько легендарны, что на их основе можно писать множество романов и снимать огромное количество кинофильмов. Это нужно делать уже сейчас, потому что спустя два десятилетия после распада СССР выросло новое поколение, для которого необходимо искать новые формы подачи правдивых исторических сведений.

Это в США приходится выдумывать разного рода военные истории в духе «Спасти рядового Райана», потому что, при всём уважении к союзникам и их помощи СССР, основную тяжесть войны с фашизмом пришлось вынести именно нашему народу. Но идёт время, меняются поколения. Необходимо не уходить от сложных и тем более малоизвестных страниц партизанского движения в Белоруссии (и всего периода войны) – этим неизбежно воспользуются, и уже пользуются те, кто намеренно фальсифицирует историю, ставя своей целью отрыв Белоруссии от России, стремясь направить белорусский народ по пути Украины.

Фальсификации и спекуляции на теме партизанского движения носят продуманный и системный характер, активно поддерживаются из-за рубежа противниками российско-белорусской и постсоветской интеграции, эмигрантскими белорусскими националистическими организациями, являющимися прямыми наследниками бежавших после разгрома фашистской Германии полицейав и коллаборантов. Основная цель этих фальсификаций и спекуляций – создание негативного мнения о партизанском движении и его последствиях и конструирование белорусского варианта укра-

инского «голодомора», когда Москва и Советский Союз (а косвенно – и нынешняя Россия) объявляются главными виновниками массового геноцида белорусского населения фашистами в годы оккупации. Все эти измышления носят агрессивно русофобский и антисоветский характер и направлены на ослабление и даже разрушение исторической памяти о российско-белорусском единстве в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны в составе СССР.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПОЛЬСКОМ ВОССТАНИИ 1863 – 1864 гг. И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА

А.Д. Гронский,
кандидат исторических наук,
доцент БГУИР

Формирование политических идей связано с представлениями о себе как о группе, выделяемой из иных групп. Для выделения существует достаточно много способов. Однако иногда происходят сбои в формировании идей, т.к. члены группы, на которых эти идеи направлены, не принимают их в силу собственных представлений, житейского опыта, исторической памяти и других факторов. Проблема выделения своей группы из остальных похожих групп строится на придании им негативных характеристик. Один из таких методов – закрепление за определённой группой образа врага.

«Образ врага – это качественная (оценочная) характеристика (имидж), сформированная в общественном сознании»¹. Причём, оценки, используемые в формировании характеристики врага, могут быть как относительно объективными, так и сугубо субъективными, базирующимися на предположениях и фальсификациях. Часто образ врага формируется в настоящем, а потом переносится на ранние периоды истории, даже если в те времена нынешние отношения отсутствовали. Образ врага формируется заинтересованной группой лиц, которой может выступать государственная элита, партийная номенклатура, активисты общественных объединений, представители творческой интеллигенции, публицисты, писатели,

¹Козырев Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Федеральный образовательный портал ЭСМ. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/881/626/1219/kozyrev.pdf> (дата обращения: 17.12.2014)

учёные и псевдоучёные, политики. Эти люди любят говорить не только от своего имени, а от имени всех и часто не видят «ничего зазорного в том, чтобы своё мнение выдавать за мнение народа»².

Определение кого-то как врага ведётся разными путями. В более простых случаях кого-либо попросту называют врагом. При этом заинтересованные в формировании образа врага лица предлагают поверить такому определению на слово, ссылаются на определённые авторитеты или общественное мнение, иногда готовят доказательную базу, состоящую обычно из подобранных определённым образом источников, знакомство с которыми заставляет сделать вывод о том, что некто есть враг. В этом случае, знакомясь с предложенными документами, человек попросту подтверждает сам для себя те выводы, которые сделали до него. Таким образом ведётся любая современная этнофобская пропаганда, когда на показ выставляются лишь негативные исторические примеры и характеристики, большая часть из которых (а может, и все) попросту выдумана. К тому же негативные характеристики, свойственные одному лицу, можно распространить на целую группу. И если для одного лица эти характеристики будут верны, то для всей группы они могут быть вообще незначительными или практически отсутствующими. Так формировался образ врага из противников в гражданской войне, когда научные исследования и сборники документов отражали лишь одну сторону явления, а содержание документов подводило читателя к определённому выводу.

Иногда врага врагом не называют, а просто намекают, описывая качественные характеристики потенциального кандидата на роль врага. Естественно, что такие характеристики должны вызывать у читателей и слушателей определённое негативное отношение к объекту. Таким образом, представление о враге формируется исподволь. Ведь инициаторы создания образа врага прямо не заявляли о том, что определённый объект и есть враг. Они лишь предлагают применить к кому-то определённый набор характеристик и сделать вывод. Например, таким образом формируются идеологические штампы, когда носитель конкретных характеристик – допустим, приверженец определённой идеи – определяется как враг. А приверженцем может быть любой человек, независимо от пола, возраста, социального происхождения и т.д. Главное, что определённое лицо соответствует заданным характеристикам, этого достаточно.

²Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – С. 456.

И ещё более тонкий вариант формирования образа врага – это вообще отсутствие каких-то негативных характеристик. Взамен описывается некий герой или герои, их описание сугубо положительное, иногда даже подчёркивается их жизненная наивность, некая искренность, порой доходящая до инфантилизма, что оправдывает иногда неоднозначные, а иногда и откровенно отрицательные поступки героя. Обычно эти герои борются за «светлые идеалы». В таких случаях противники героев автоматически воспринимаются как враги, характеристики которых уже не важны. Главное, что они выступают против героя. Вот тут уместно вспомнить участников киевского майдана, поступки которых оправдывались борьбой за европейские, а значит – положительные идеалы и фразой «они же дети». А детям многое простительно. Они же якобы не по злему умыслу, а по наивности и искренности. Соответственно противники «онижедетей» – «титишки», «Беркут», москали и любые другие лица и группы, независимо от своих характеристик, воспринимаются как враги.

Более серьёзную опасность представляет поиск врага в прошлом, исходя из представлений о том, кто является врагом в настоящем. В таком случае враг приобретает черты вечного, исторического, который представляет опасность сейчас так же, как и в прошлом. «Самое худшее – это конструирование национальных версий прошлого на основе создания враждебного образа других народов и государств или на основе коллективной травмы, ответственность за которую возлагается исключительно на внешние силы»³, – пишет российский академик В.А. Тишков. Заинтересованным группам, стремящимся навязать своё видение большинству, необходимо провести негативную мобилизацию общества. И этим группам не важно, насколько их конструкции соответствуют реальности. Важна «не столько реальность, сколько мнения и иллюзии субъектов политических действий»⁴.

Мне было интересно проанализировать образ врага, который формируется на основе представлений о восстании 1863 – 1864 гг. как о белорусском, а не польском сопротивлении. Желание возникло не сегодня. Некоторое время назад я разбирал в кабинете ксерокопии различных статей из журналов. На одной из них было фото виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьёва. Моя коллега-фи-

³Тишков В.А. История и историки в современном мире // Мир истории. Электронный журнал. 2010. №1. URL: <http://www.historia.ru/2010/01/tishkov.htm> (дата обращения: 15.12.2014)

⁴Гозман Л.Я. Психология перехода // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 20.

лолог, увидев фотографию, заинтересовалась, кто это. И когда узнала, что это Муравьев, спросила, почему я держу фотографию врага белорусского народа. Когда я спросил, а почему Муравьев является врагом, она ответила: «Все говорят». На моё уточнение, кто это – все, ответа вообще не последовало. На этом разговор исчерпался. Почему кого-то объявляют врагом, объясняя это принципом «все говорят»? К сожалению, ограниченный объём статьи не позволяет рассмотреть формирование образа врага в отношении конкретных лиц и государств, в частности, России второй половины XIX в., более пристально. Поэтому очень кратко остановимся на книгах, по которым учились и учатся студенты.

Если посмотреть эти книги, то самой востребованной в 90-х гг. и кое-где до сих пор, является двухтомник «Нарысы гісторыі Беларусі». В первом томе рассматривается восстание 1863 г. Восстание описано относительно корректно. Но при пересказе содержания «Писем из-под виселицы» получается, что в последнем пропагандистском обращении Калиновского к белорусским крестьянам «поднималась тема насильственной русификации поляков, литовцев и белорусов, с гневом говорилось о запрещении учиться в школах по-польски, по-литовски и по-белорусски»⁵. Однако, если внимательно читать последнее произведение Калиновского, то станет понятным, что его пафос заключается в постоянной демонизации России и ориентации на польское правительство, при котором якобы будет хорошо. Описания разнообразных страданий народа служат лишь антироссийским пугалом⁶. Более того, практически все белорусские исследователи игнорируют ещё один документ – «Письмо Яськи-гаспадара из-под Вильны к мужикам земли польской», в котором тот же К. Калиновский, обращаясь к белорусским крестьянам, заявляет: «Мы, что живём на земле Польской, что едим хлеб Польский, мы, Поляки из веков вечных»⁷.

В шеститомнике «Гісторыя Беларусі» раздел по восстанию 1863 – 1864 гг.⁸ практически полностью повторяет то, что было

⁵Нарысы гісторыі Беларусі. У 2 ч. Ч. 1. – Мінск: Беларусь, 1994. – С. 328.

⁶Полностью текст «Писем из-под виселицы», чтобы убедиться в его основном содержании, можно найти в: Giller A. *Historja powstania narodu polskiego w 1861 – 1864 r.* – Paryż: Księgarnia luxemburska, 1867. – S. 327 – 335.

⁷Giller A. *Historja powstania narodu polskiego w 1861 – 1864 r.* – Paryż: Księgarnia luxemburska, 1867. – S. 327. Существует другой вариант текста, в незначительных деталях отличающийся от напечатанного Гиллером. См.: Каліноўскі К. За нашу вольнасць. Творы, дакументы / Уклад., прадм., паслясл. і камент. Г. Кісялёва. – Мн.: «Беларускі кнігазбор», 1994. – С. 241 – 242.

⁸Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 4. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – С. 233 – 243.

написано в «Нарысах», поскольку автором обоих разделов был один и тот же человек.

В этих книгах образ врага формируется исподволь. Современный автор не называет никого врагами, это право получают упоминаемые исторические персонажи. Тот же Калиновский. Другие книги, к сожалению, анализировать не буду по причине ограниченного объёма статьи.

Ярким примером формирования образа врага служит интервью профессора А. Грицкевича о К. Калиновском, в конце интервью были приведены «самые известные цитаты Калиновского»: «Толькі тады, народзе, заживеш шчасліва, калі над табою Маскаля ўжэ ня будзе!»⁹. Достаточно чёткое указание на тех, кто мешает жить счастливо, и неважно, что Калиновский боролся за польское государство и не предлагал белорусам суверенитета.

Когда фактов мало, приходится привлекать не имеющие отношения к конкретной проблеме. В частности, среди «самых известных цитат Калиновского» есть и такая:

«— Каго любіш?

— Люблю Беларусь.

— Так узаемна!»¹⁰

Во-первых, эта цитата построена в форме диалога. Т.е. получается, что это беседа К. Калиновского с самим собой? Интересным человеком был «белорусский герой», если сам с собой беседовал.

Во-вторых, в скобках за этой цитатой указано, что она является паролем повстанцев. Т.е. это не цитата Калиновского. Это пароль. Кстати, нет никаких указаний на то, что пароль как-то был связан с К. Калиновским. Пароль был получен В. Парфиановичем в Могилёве и использован им в Вильно на явочной квартире Ю. Баневич¹¹. То, что хозяйка квартиры позже связала В. Парфиановича с К. Калиновским, абсолютно не говорит о том, что К. Калиновский мог знать этот пароль или хоть как-то принимать участие в его разработке.

Так что, когда фактов мало, их разбавляют похожими и интерпретируют. «Факты никогда не говорят сами за себя. Возможность

⁹Кастуся Калиновского на самом деле звали Викентий. Интервью с А. Грицкевичем // Салідарнасць. [Электронный ресурс] – 2008 – URL: http://www.gazetaby.com/cont/print.php?sn_nid=11203 (дата обращения: 18.12.2014).

¹⁰Там же.

¹¹Каліноўскі К. За нашу вольнасць. С. 351.

говорить за них составляет предмет некой постоянной подспудной войны, войны языков. Поступая в распоряжение ее победителей, факты могут внушать гордость, причинять боль, могут убивать наповал»¹².

Любой текст, в том числе и любой текст К. Калиновского, имеет ещё и подтекст. «Методологический и мировоззренческий уровень исследователя существенно влияет на выделение и понимание этого подтекста, а значит, и на понимание всего текста документа. В таких ситуациях трудно ожидать одного варианта интерпретации самого исторического события (практически этого достигнуть сложно)»¹³. Именно поэтому в конструировании образа врага субъективное мировоззрение всегда будет играть важнейшую роль. Соответственно акценты будут расставляться, исходя из идеологических соображений.

Белорусские учёные не акцентируют внимание на том, что сам повстанец называл восстание польским¹⁴ и не мыслил категориями, появившимися позже. Казнённый в 1864 г. Калиновский попросту не мог знать и даже предположить тех лозунгов, которые позже поставит на повестку дня белорусский национализм. Конструирование мифа о героических белорусских повстанцах во главе с белорусом Калиновским началась ещё в 1916 г. С этого момента прошло почти сто лет. Однако, несмотря на всю мощь советской пропагандистской машины, освещавшей белорусские мотивы в деятельности Калиновского, на всю мощь постсоветских мифов о «белорусском национальном герое Кастусе Калиновском», в народе образ польского повстанца остался не востребуемым. Ярким примером этому может служить соцопрос, проведённый в марте 2013 года (это был год 150-летия польского восстания и 175-летие самого Калиновского). Соцопрос выяснял, какие политики прошлого и настоящего вызывают наибольшие симпатии. Рейтинг «белорусского героя», который в лучшие годы (это был 2012 г.) был равен 15,1 %, в юбилейный период не поднялся, как было бы логично предположить, глядя на широко развернувшуюся

¹²Ремизов М. Война, язык и невращения // Русский журнал. URL: http://old.russ.ru/politics/meta/20000309_remizov.html (11.12.2014)

¹³Любичанский В.А., Любичанский С.В. Можно ли устранить многовариантность интерпретации одних и тех же исторических событий? (Методологический анализ) // Credo new. Теоретический журнал. URL: <http://credonew.ru/content/view/463/57/> (дата обращения: 16.12.2014)

¹⁴Giller A. Historia powstania narodu polskiego w 1861 – 1864 r. – Paryż: Księgarnia luxemburska, 1867. – S. 328.

пропаганду и очередную попытку актуализации мифа о Калиновском-белорусе, рейтинг повстанца упал до 11,7 %¹⁵.

Таким образом, все попытки представить русских или Россию в образе врага наталкиваются на то, что этот образ востребован лишь в небольшой группе, но не в обществе в целом. В этом смысле, видимо, прав Л. Гудков, который указывает, что эффективность риторики врага зависит не от «изобретения» элитой факторов угрозы, а от актуализации образа в массе. Элита лишь тиражирует и конкретизирует «врага», если образ появился в обществе¹⁶. Образ русских или России как врага в белорусском массовом сознании отсутствует. Он актуален лишь для некоторых групп, исповедующих определённую идеологию. Вера в миф о русской угрозе, как минимум для представлений о XIX в., является уделом немногих. Расширится или сузится круг этих немногих, зависит от ряда факторов, обсуждение которых выходит за рамки данной статьи.

¹⁵Белорусские герои: Калиновский и другие // Независимый институт социально-экономических и политических исследований. URL: <http://www.iiseeps.org/analitica/544> (дата обращения: 18.12.2014)

¹⁶Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. – М.: ОГИ, 2005. – С. 13.

ПРИЗНАКИ «ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛОВУШКИ» БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ПРИМЕРАХ АРХИТЕКТУРЫ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МИНСКА

И. Ф. Зеленковский,
г. Минск

2014 год в Республике Беларусь проходил под знаком гостеприимства, что было связано с важным для страны событием – Чемпионатом мира по хоккею. Надо отметить, что республика достойно справилась с организацией столь масштабного международного мероприятия, гости увидели современный и гостеприимный город. Однако спортивных туристов из России, которых было большинство, часто смущали появившиеся внешние признаки уже чужого и не столь близкого, как ранее, города. Было отмечено появление указателей на «белорусской латинице», удивляли объявления в транспорте на белорусском и английском языках при отсутствии таковых на русском, хотя подавляющее большинство и гостей, и жителей Минска – русскоязычные. Но указатели на «латинице», как и прочие «европейские мелочи», не столь существенны. Гораздо важнее то, чего не замечает поверхностный взгляд приезжего, но заметно коренным минчанам, хорошо знающим историю своего города.

Например, если посмотреть на фотографии центра Минска в районе площади Свободы советского периода, а тем более конца XIX и начала XX веков, то сразу бросается в глаза то, что на месте общественных и культовых зданий в стиле, характерном для Российской империи, за последние полтора десятка лет появились реконструированные строения в так называемом «сарматском», и в стиле Виленского барокко, модных в конце XVII - XVIII вв. на

территории восточной части Речи Посполитой, то есть нынешней Республики Беларусь. Этот архитектурный облик городов бывшей Речи Посполитой с ее костелами, униатскими церквями, ратушами и памятниками польско-литовским князьям и магнатам как раз и пытаются сейчас представить как истинно белорусский. И все это является ничем иным, как визуализацией в камне фальсификации белорусской истории.

Что же было на самом деле в конце XVII и в XVIII веках? После казацко-крестьянских войн под предводительством Богдана Хмельницкого и русско-польской войны 1654-1667 годов все белорусские города радикально изменились по своему этническому и конфессиональному составу. Во время тех событий православные горожане и крестьяне массово вливались в казацкие полки и сражались против польской шляхты. Шляхетское ополчение и немецкие наемники под общим командованием гетмана ВКЛ Януша Радзивилла, подавляя народные выступления, уничтожили почти все крупные города в центральной и южной части Белой Руси.

Особенно пострадали Брест, Пинск и Бобруйск, в которых было вырезано все православное население от грудных младенцев до стариков. Западнорусское православное дворянство и горожане, не пожелавшие изменить вере и ополячиваться, массово уходили в Русское царство. В итоге, с конца XVII столетия белорусские города окончательно изменили свой этнический состав и стали опорными пунктами польско-католической колонизации Западной Руси. Тогда же, в 1693 году, был запрещен западнорусский письменный язык, и всё делопроизводство было переведено на польский. Древнерусская культура, веками развивавшаяся на белорусских землях, выдвинувшая целую плеяду общерусских просветителей, таких как Георгий Скорина, Симеон Полоцкий и многие другие, была уничтожена, а ее остатки только теплились в сельских церквях и крестьянских избах. Минск в XVII-XVIII веках был уже в основном польско-католическим и униатским городом с соответствующей архитектурой.

Однако исторический центр Минска сегодня почему-то реконструирован как польский город XVIII века, а не более ранний древнерусский, или такой, каким он был во второй половине XIX и начале XX веков, когда стал крупным губернским центром Российской империи.

В 2003 г. на площади Свободы по «вольному проекту» был отстроен новодел городской ратуши, в которой, якобы, в XVIII веке

заседали предки современных белорусов. Вдобавок рядом с ней в 2014 году установили еще и бронзовую скульптуру польского войта. Но ведь известно, что белорусы были допущены к управлению городом только со второй половины XIX века в Минской городской думе, а ратуша из-за ветхости давно была снесена.

В 2011 году на месте православного кафедрального Петропавловского собора, взорванного большевиками в 1936 году, было построено здание, полностью повторяющее вид бывшей униатской церкви Святого духа, в том виде, в каком она была в XVIII веке, до пожара, после которого на этом месте и был построен Петропавловский собор. При этом надо отметить, что изначально с древних времен на этой, господствующей над всем городом точке, стояла православная церковь. И было бы символично и справедливо, если бы там воссоздали православный кафедральный собор, как это сделали в Москве с Храмом Христа Спасителя, тоже взорванном в 1936 году.

Возникает вопрос: почему в историческом центре города на площади Свободы (бывшая Соборная) не воссоздан архитектурный облик второй половины XIX века, когда после подавления польского мятежа 1863 года и Великих реформ императора Александра II Минск вновь стал наполняться белорусами, а над всем городом господствовал православный Петропавловский кафедральный собор? Почему в сквере, где стоял памятник Александру II Освободителю, находится огромная яма, застекленная в виде мажонетской пирамиды? Это ряд совпадений или что-то иное?

Архитектор Сергей Багласов, разрабатывавший проект реконструкции площади, в своих интервью неоднократно заявлял, что он еще с начала восьмидесятых годов, работая над этим проектом, тесно сотрудничал с Олегом Трусовым¹, который известен как последовательный белорусский националист, весь национализм которого сводится к русофобии и ненависти к Русской Православной Церкви².

21 апреля 2013 г. в Минске во Дворце искусств, в рамках 11-й православной духовно-просветительской выставки «Вербны кірмаш», состоялась публичная конференция «Династия Романовых

¹«Покажите нам Багласова». *Ольга Жарина*, // Минский курьер. URL: <http://mk.by/2011/10/05/48356/> (дата обращения 19.12.2014)

²«Трусаў: Адзеньне беларусаў ад расейцаў значна вырасла». *Сяргей Абламейка*, // Радио Свобода, URL: <http://www.svaboda.org/content/article/24557860.html> (дата обращения 19.12.2014)

в исторической судьбе Западной Руси», посвященная 400-летию Дома Романовых. На конференции было принято обращение к властям города Минска с просьбой рассмотреть вопрос о восстановлении памятника Александру II на площади Свободы³. После длительной переписки от городских властей был получен отказ в восстановлении памятника, со ссылкой на экспертное заключение Института истории НАН Беларуси, в котором, в частности, говорится: «Роль Аляксандра II у гісторыі Беларусі супярэчлівая, неадназначна ацэньваецца ў сучаснай гістарычнай навуцы і ў грамадстве. Аднаўленне помніка Аляксандру II можа з'явіцца дэманстрацыяй сімвалізма расійскага самаўладдзя на беларускіх землях і будзе неадназначна ўспрымацца ў грамадстве.»⁴.

Однако на площади Свободы рядом с тем местом, где ранее стоял памятник Александру II, городскими властями уже принято решение установить памятник польскому композитору Монюшко, предположительно бывшего автором популярного у польских повстанцев 1863 года «Марша зуавов» и потом, уже с новым текстом, ставшего революционной «Варшавянкой». Следует отметить, что решение об установке памятника Монюшко последовало после обращения группы общественников, стоящих на националистических «литвинских» позициях, отвергающих родство белорусов и русских, во главе с одним из идеологов «литвинства» Алесем Белым⁵.

И тут со всей очевидностью перед нами проявляется следующая парадоксальная ситуация: белорусы в подавляющем большинстве православные (82.5%), с Православной Церковью у государства установлены партнерские отношения, существует Союзное государство Беларуси и Российской Федерации, в официальных заявлениях постоянно подчёркивается нерушимость братских уз белорусского и русских народов, и в то же время в культурной жизни не только белорусской столицы, но и других городов преобладают и официально поддерживаются работы представителей

³«В восстановлении памятника Александру II Освободителю в Минске – ОТКАЗАНО!», // Сайт «Западная Русь» URL: <http://zapadrus.su/rus/zizn/783-v-vosstanovlenii-pamyatnika-aleksandru-ii-osvoboditelyu-v-minske-otkazano.html#p1> (дата обращения 19.12.2014)

⁴«Ответ Мингорисполкома на коллективное обращение по вопросу восстановления памятника Александру II в Минске», // Сайт «Западная Русь», URL: <http://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2013/400-let-dinastii-romanovykh/824-otvet-mingorispolkoma-na-kollektivnoe-obrashchenie-po-voprosu-vosstanovleniya-pamyatnika-aleksandru-ii-v-minske.html> (дата обращения 19.12.2014)

⁵«Памятник Станиславу Монюшко появится в Минске» // Сайт «Холидей бай» URL: <http://by.holiday.by/blog/2516> (дата обращения 19.12.2014)

творческой интеллигенции, исповедующих католичество или униатство, стоящих на националистических и русофобских позициях, и вдобавок находящихся в оппозиции к нынешнему политическому режиму. Все это выливается в массовые исторические фальсификации, воспроизводимые в культурной жизни в виде театральных постановок (пьеса «Пане Коханку», балет «Князь Витовт»...), поп-музыки (группы «Стары Ольса», «Ліцвіны»...), популярной псевдоисторической литературы (Владимира Орлова, Анатолия Тараса, Михаила Голденкова ...). И если отдельными белорусскими историками вольно интерпретируется история с более-менее осторожной фальсификацией, то творческая интеллигенция, опираясь на работы этих историков, уже не стесняясь массово тиражирует русофобские и, следовательно, белорусофобские мифы.

В чем причина вышеуказанного парадокса? По нашему мнению, это результат «идеологической ловушки», в которой оказалось современное белорусское государство. Официальная белорусская идеология обозначает начало современной белорусской государственности с образования БССР после Октябрьской революции 1917 года в результате краха Российской империи. Вторая ключевая дата – это 19 сентября 1991 г., когда в процессе распада СССР Верховным Советом БССР была провозглашена независимость и образована Республика Беларусь. Таким образом получается, что две эти ключевые даты связаны с распадом государств, в которых в основной своей массе белорусы были верноподданными и равноправными гражданами и воспринимали эти события как трагические. Нет реальных фактов массового участия белорусов в борьбе против Российской империи и СССР. В то же время, о монархических настроениях, преобладающих среди белорусов во времена Империи, имеется множество документов. Также показательны результаты Всесоюзного референдума о сохранении СССР 17 марта 1991 года, когда 82,7% белорусов высказались за сохранение единой страны. Соответственно, отсутствует необходимый для государственной мифологии пантеон героев-борцов за независимость, поскольку те, кто выступал против собственной страны в народе однозначно воспринимаются как коллаборанты. Большинство белорусов согласны с тем, что кризисные явления, возникшие во время переломных исторических событий, и в Российской империи, и в СССР можно было решить путем реформ, но не через уничтожение этих государств. Праздник 7 ноября, до сих пор отмечаемый в Республике Беларусь, приобретает все более

блеклый и невнятный характер, в то время как последний император Николай II для подавляющего числа православных белорусов является святым царем-мучеником. Беловежский сговор Ельцина, Кравчука и Шушкевича по ликвидации СССР однозначно оценивается как предательский. Таким образом основные вехи образования белорусской государственности ассоциируются с трагическими событиями и антигероями.

Далее официальные белорусские идеологи, всячески подчеркивая преемственность Советской Белоруссии, как и во времена Советского Союза, отвергают все, что связано с Российской империей, на руинах которой и возникла БССР. Здесь важно отметить, что самые яркие примеры фальсификации истории дал именно большевистский режим. Чего стоит один только сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», в котором вымарывалось множество политически неудобных имен. И вот все исторические фальсификации советской эпохи, включая героизацию польского повстанца Калиновского в роли борца за лучшую долю белорусов, переключались в белорусские учебные программы.

Но далее у общества возникает вопрос: а что было до этого, неужели у нас нет истории более чем на сотню лет? Поскольку период царской России – это история «тюрьмы народов», включая белорусов, то, соответственно, обращаются к предыдущим государствам, в состав которого входила территория нынешней Белоруссии, то есть к Речи Посполитой и Великому княжеству Литовскому. В результате этот период идеализируют, называя его чуть ли не «золотым веком», сопровождая массовыми подтасовками и искажением понятий, когда, например, польско-литовскую католическую шляхту, угнетавшую белорусов, называют «белорусской». В противовес весь период XIX века маркируется как подневольная жизнь белорусов под гнетом царизма в чужом для них государстве. Опираясь на все вышеуказанное, конструируется уже целый ряд антиисторических построений, когда, например, Отечественная война 1812 года становится франко-русской, в которой «белорусская» шляхта воевала на стороне Франции, а мятежи польской шляхты, вызванные в том числе и реформами по освобождению белорусского крестьянства, объявляются белорусскими освободительными восстаниями. Ну, и заглядывая далее вглубь веков и следуя логике официальной идеологии, все польско-русские и литовско-русские войны превращаются в бесконечные русско-белорусские войны, включая раздутый миф об Оршанской битве, а древнерусский пе-

риод поверхностно обозначается только повествованием о «независимом» от Киевской Руси Полоцком княжестве. При этом, как и в советской историографии, за рамками остается богатая история Белоруссии XIX века, когда произошел разрыв унии и воссоединение с Русской православной церковью. Вскользь отмечаются, как реакционные, целый ряд прогрессивных реформ Александра II по освобождению крестьян, в гражданском праве с преобразованием судебной системы, в области образования, в результате которых появился феномен «западнорусского возрождения», когда из детей простых крестьян стала формироваться белорусская интеллигенция, начавшая занимать административные посты, ранее полностью бывшие в распоряжении польской шляхты. Умалчивается, что именно в период вхождения белорусских земель в Российскую империю представителями новой белорусской интеллигенции западнорусской ориентации была создана богатая историческая литература и заложены основы современной белорусской филологии и этнологии.

Таким образом, в современной Белоруссии мы на каждом шагу наблюдаем проявление целой цепочки исторических фальсификаций, собранной как из звеньев, доставшихся по наследству от советской историографии, так и новых, нанизанных современными «литвинствующими» историками и транслируемыми в массы националистически ориентированной интеллигенцией.

Логично ожидать, что на этой зыбкой историографической основе рано или поздно в Белоруссии начнется отрицание общего с Россией советского периода с переосмыслением Великой Отечественной войны. То, что это неминуемо произойдет, подтверждают события на Украине, где подобные процессы прошли со значительным опережением. Да и в Белоруссии уже появляется публицистика с оправданием белорусских коллаборантов, в которой ставится под сомнение «отечественный характер» войны 1941-1945 годов, и она трактуется как «гражданская», по тем же критериям, как это уже сделано с Отечественной войной 1812 года, представленной в учебниках франко-русской и чужой для белорусов.

Описанная «идеологическая ловушка» как раз и объясняет то парадоксальное явление, когда у белорусских властей оказываются востребованными недружественные им же прозападные националистически ориентированные историки и представители творческой интеллигенции, результаты чьей деятельности мы сейчас наблюдаем на каждом шагу. При этом надо отметить все возрас-

тающий разрыв между большинством православных белорусов, ментально не отделяющих себя от русских, и набирающей силу «литвинизации» и «криптополонизации» под названием «мягкая белорусизация», которая к подлинной белорусской истории и культуре не имеет отношения. Эти проявления вышеописанной «идеологической ловушки» как раз являются одними из самых серьезных угроз стабильности белорусской государственности.

Выход же из этого тупика довольно простой – рассматривать весь исторический процесс объективно и непрерывно, без мифотворчества и всяких изъятий, от Древнерусского государства и Крещения в Киевской купели до сегодняшнего дня, с позиции традиционных для белорусов ценностей Русской православной цивилизации, частью которой является Республика Беларусь. И конечно, у Республики Беларусь, как и у всякого государства, есть свой герой, это – весь белорусский народ, который в сложной ситуации последнего столетия, когда дважды пали общие с остальными частями русского суперэтноса державы, проявил силу воли, смог самоорганизоваться, не допустил хаоса, разрухи и всплеска взаимной ненависти, основанной на национализме и человеконенавистнических идеях. Но, если не будет найден выход из «идеологической ловушки», то опасность негативного сценария сохраняется. Уроком в этом должен быть трагический опыт Украины.

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ И МЕТОДАХ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В.Е. Козляков,

доктор исторических наук,
профессор Белорусского государственного
технологического университета

Развал СССР, провозглашение независимых государств на постсоветском пространстве вызвал определенное воодушевление и надежды среди части местных национальных элит. В своих притязаниях и оправданиях на власть национально-ориентированные элиты бросились обосновывать отдельными историческими сюжетами, зачастую вырванными из контекста истории или вообще придуманными. При этом совершенно явно выявились стремления «удревнить» свою историю, доказать исторический опыт борьбы за свою «независимость» зачастую удельных княжеств, естественно, прежде всего от Руси, России, Российской империи.

Один из основных ударов наносился по древнерусской народности и древнерусскому государству как корневым основам этнического и государственного единства белорусов, русских и украинцев. Ставилась очевидная цель: развести братские народы по разные стороны исторического развития, противопоставить их друг другу, заменить нашу собственную историю чужой, точнее, чужими анти-историческими взглядами на пройденный путь нашими народами. Для реализации данной цели в ход пошли гнуснейшие приемы и изощренные методы фальсификаций в наукообразных формах.

Прием первый был связан с первыми древнерусскими княжествами на нашей территории. Уже Полоцкое и Туровское княжества стали рассматриваться некоторыми «свьядомыми» историка-

ми как белорусские государства, дескать, постоянно воевавшими с киевскими князьями за свою независимость. При этом забывают, что «Великим князем», в отличие от других князей, мог называться только киевский князь. Вряд ли феодальные уособицы следует выдавать за борьбу за национальную независимость. К тому же Полоцкое княжество было составной частью Киевской Руси, этой, по выражению Маркса, «плоскутой империи Рюриковичей», а полоцкий князь Всеслав Чародей находился, пусть кратковременно на киевском троне, т.е. был «Великим князем». Это доказывает единство Русской земли.

Прием второй заключается в том, чтобы навязать белорусскому обществу привлекательный образ Великого княжества Литовского, Русского, Жамойского в качестве сугубо «белорусской державы», которая, дескать, постоянно подвергалась агрессии со стороны Москвы. Историком-любителем Н. Ермоловичем была придумана даже «концепция» о том, что «Летописная Литва – это древнее название Беларуси». Данное утверждение было вполне доказательно отвергнуто научным сообществом. Казалось бы, все ясно. Но не тут-то было. Так, в одном учебном пособии, вышедшем в 2010 г., читаем: «Старажытная Літва размяшчалася паміж Мінскам і Навагрудкам і паміж Маладзечна і Слонімам» [1, с. 24-25].

Историк В. Насевич еще в 1993 г. показал, что центр летописной Литвы располагался в районе Кернова, Вильно, Троков и Девайтвы, в состав которого входили литовские княжества Упита, Девайтва, Нальшаны и, возможно, некоторые другие, что жамойты и аукштайты – две части неразрывного единого литовского этноса. А этническая граница между Литвой и западными землями Руси не связана с современной и проходила по линии Браслав-Поставы-Сморгонь [2, с. 19-20]. По мнению современного литовского исследователя Э. Гудавячюса, колыбелью литовских племен следует считать территорию между средним течением Немана и реками Нярис и Мяркис. Более того, доказано, что среди всех балтских племен в районе современного Вильнюса в древности проживало племя «литва». Так что древняя Литва составляла основу территории современной Литвы [3, с. 73].

Но подобные доказательства для наших «свядомых» историков – не аргумент. А одна ложь, как известно, порождает другую – например, «белорусов называли литвинами». «Сам тэрмін «беларускі», – читаем в том же учебном пособии (с. 42), – у дачыненні да яе тэрыторыі з'явіўся пасля падзелаў Рэчы Паспалітай, калі на

яе ўсходніх землях была створана Беларуская губерня з цэнтрам у Віцебску, а пазней Беларускае генерал-губернатарства».

Подобные измышления возникли под воздействием еще одного, *третьего циничного приема*: литвины, дескать, не имеют ничего общего с русскими, зато есть много общего с поляками. Появились даже так называемые «генетические изыскания», призванные доказать данный тезис, усиленно тиражируемый оппозиционными интернет-ресурсами.

Давно доказано, что литвинами называли, как правило, все население Великого княжества Литовского. Белорусы, как этнос, считали себя русскими, русинами, русичами. Это достаточно убедительно показал Г. Голенченко [4, с. 46-47]. Г. Саганович, которого никак не заподозришь в симпатиях к России, в свое время вынужден был признать, что привелей польского короля и великого князя Литовского С. Батория от 1581 г., выданный рижским купцам, разрешал им беспрепятственно торговать в границах Лифляндии, Жмуди, Литвы и Белой Руси. Это говорит о том, что со второй половины XVI в. термин «Белая Русь» использовался в государственных документах. Г. Саганович пришел и к другому, не менее интересному выводу: в первой половине XVII в. население определенной части Беларуси уже «карысталася этнанімічнай формай беларусцы як саманазвай» [5, с. 69-70]. М. Пилипенко приводит свидетельства польского летописца Янки из Чарикова о пребывании князя Ягайла с матерью в Полоцке – крепости Белой Руси. «Белорусцы», считает М. Пилипенко, в поздний древнерусский период являлись субэтнотомом, т. е. частью общеславянского древнего русского этноса [6, с. 81]. Так что приведенные факты свидетельствуют, что название «белорусцы» не является «изобретением» царских чиновников начала XIX в.

К сожалению, много вопросов вызывает и большой труд, подготовленный сотрудниками Института истории НАН Беларуси, «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.». Сразу возникает вопрос: а что уже в конце XVIII в. существовала белорусская государственность? Правда, в преамбуле к изданию оговаривается: «Упершыню ў беларускай гісторыяграфіі раскрыты перадумовы і заканамернасці нацыянальнага самавызначэння беларускага народа». Но «литвинская теория» происхождения белорусского народа отнюдь не отвергается.

Таковыми же фальсификациями являются попытки представить «шчырымі беларусамі» Т. Костюшко, А. Мицкевича. Да, это

уроженцы белорусской земли, но отнюдь не белорусы. Они себя белорусами никогда не считали. На региональном уровне эти деятели называли себя литвинами, а по национальности – поляками. Например, Т. Костюшко мечтал о тотальной полонизации нашего народа, считал, что «их (русинов) надо приучить к польскому языку». «Со временем польский дух в них войдет», – был уверен этот видный представитель польской нации. Белорусы же для А. Мицкевича – народ без традиций собственной государственности, «народ неисторический, тотально зависимый от своих соседей» [7, с. 77-78]. Представить Т. Костюшко и А. Мицкевича истинными белорусами – типичный метод примитивной фальсификации.

Своеобразной методологической «указивкой» для русофобов стали опусы З. Позняка. В интервью, данном «Народной газете» еще в октябре 1990 г., лидер националистов откровенничал: «Мне как человеку другой культуры многое чуждо, неприемлемо и неприятно в творчестве русских писателей и поэтов, обожаемых в России, начиная от Державина и до сегодняшних ниспровергателей» [8, с. 168]. «Историку» от фотографии не мешало бы знать, что Г. Р. Державин, известный русский поэт и государственный деятель, дважды посещал Беларусь и защищал белорусских крестьян от произвола польских помещиков, еврейских торговцев и русских бюрократов. Об этом Г. Р. Державин поведал в записке «Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев». О миссии Г. Р. Державина в Беларуси известно и из других источников. Но наши «свядомыя» историки предпочитают подобные факты не знать или замалчивать.

Но, пожалуй, наиболее злобной русофобией проникнуто сочинение З. Позняка «Беларуска-расейская вайна», изданное в Варшаве в 2005 г. Известный оппозиционер, кормящийся и по сей день за счет западных грантов, безосновательно утверждал, что «Расея, забраўшы Беларусь, паставіла задачу знішчыць беларускі народ дазваньня на культурна-гістарычным і этнічным узроўні» [9, с. 6]. На самом деле включение белорусских земель в состав России прекратило межусобные шляхецкие войны, насильственную полонизацию. Традиционные истоки русскости помогли не только сохранить, но и возродить белорусскую культуру на новой основе, способствовали формированию белорусского этноса.

Прием четвертый направлен на то чтобы извратить сформировавшееся в сознании большинства людей священное понятие «патриотизм», трактовать его в выгодном для прозападной оппо-

зиции свете. Таких примеров можно привести немало. Например, с 90-х гг. XX века в белорусской публицистике и литературе стала раскручиваться тема «Дня белорусской войсковой славы», которую некоторые «свядомыя» историки связывали с победой войска ВКЛ над войсками Московского княжества 8 сентября 1514 г. в битве под Оршей. Такой факт действительно имел место. Но некоторые историки постарались растиражировать миф о 80-тысячном московском войске, которое чуть не в 3 раза превосходило войско ВКЛ. Однако «москалі» были «ушчэнт разбіты беларускім войскам». Это была, по утверждению некоторых авторов, «бліскачая перамога нашае зброі». Как показали объективные исследования, соотношение в этой битве было примерно равным. В составе войска ВКЛ были не только представители княжества, но и польские пехота и конница, а также наемники из разных стран Европы. Перевес в артиллерии был на стороне ВКЛ. Это и стало основой для победы войска К. Острожского в битве под Оршей, однако вся военная кампания ВКЛ была проиграна.

Тем не менее дату «8 сентября» некоторые белорусские русофобы стараются втиснуть в «календарь знаменательных дат», придать ей псевдопатриотическое содержание. В 1992 г. в день очередной годовщины Оршанской битвы на площади Независимости в г. Минске была даже попытка осуществить процедуру «присяги белорусских воинов» на «верность своему народу». Но подобные «инициативы» были тем же народом решительно отвергнуты.

Возвращаясь к труду, изданному Институтом истории НАН Беларуси, следует отметить всяческое в нем превозношение тайных пропольских товариществ «филоматов», «филаретов» и др. на территории белорусских земель после их включения в состав Российской империи. Но о деятельности декабристов в Беларуси сказано крайне скудно. А ведь именно один из руководителей Северного общества Н. Муравьев в Минске в 1821 г. написал известный проект Конституции России. Согласно этому проекту будущая Россия представлялась Н. Муравьеву федеративным государством, в которое входило 15 держав (и областей). Среди них – Западная держава (со столицей в г. Вильно), куда были включены белорусские земли. Во главе каждой из держав стоял двухпалатный парламент. Польше представлялась независимость [10, с. 93]. Так может началом строительства белорусской государственности следует считать проект Конституции «террориста» Н. Муравьева?

Разумеется, подобные проекты, в т. ч. дворянских революционеров, не интересуют «свядомых» историков. Главное для них – найти общие корни белорусской истории с Западом. Параллельно во многих изданиях назойливо муссируется тезис о пресловутой «русификации», хотя подобный термин не встречается в официальных документах России. Там зачастую говорится о необходимости изучения и распространения русского языка, достижениях русской культуры, единении России и т.д. К тому же не лишним будет подчеркнуть, что в условиях так называемой «русификации» появляются идеи белорусского Возрождения, ярко проявляется творчество Я. Купалы, Я. Коласа и др. А известный белорусский поэт М. Богданович практически всю свою короткую жизнь провел в г. Ярославле, где писал и по-русски, и по-белорусски. Так может так называемая «русификация» спасла белорусов и их самобытную культуру от полонизации? Вопрос звучит чисто риторически.

В последнее время возрос интерес к теории и идеологии «западнорусизма». Однако серьезного научного осмысления этого феномена пока нет. И в публицистике, и в большинстве работ представителей официальной исторической науки господствует стереотип, сформулированный еще А. Цвикевичем в книге «Заходнерусізм»: «Пад «западнорусизмом» мы разумеем тую плынь у гісторыі грамадзкай думкі, якая лічыла, што Беларусь не зьяўляецца краінай з асобнай нацыянальнай культурай і ня мае гэтага права на самастойнае культурнае і палітычнае разьвіцьцё. Але што яна зьяўляецца культурнай і дзяржаўнай часткай Расіі і таму павінна быць разглядана як адзін з яе састаўных элементаў» [11, с. 7]. При этом А. Цвикевич без всяких на то оснований «навесил на западнорусизм» ярлык «кулацкой идеологии».

Один из известных идеологов «западнорусизма», известный в свое время историк М. Коялович писал: «Под именем Западной России нужно разуметь Белоруссию, Западную Малороссию, или так называемую Украину, и Литву в собственном смысле, т.е. страну, населенную литовским народом, словом, под именем западной России нужно разуметь всю ту страну, которая лежит на Запад от Днепра и юго-запад от областей верхней Двины до границ Пруссии, далее Польши, или так называемых привислянских губерний, и, наконец, до границ Австрийского государства» [12, с. 1].

При этом не лишним будет заметить, что «западнорусизм» не был однородным течением. В нем четко выделились консервативное и либеральное направления. Консервативное направление, призна-

вая особенности белорусов как части общерусского этноса, делало упор на то, что белорусам надо поскорее избавляться от своих особенностей и сливаться с великороссами. В этом их залог успешного движения к прогрессу. Эта идея в дальнейшем нашла отражение в позициях монархических партий типа «Союза русского народа».

Либеральная идея «западнорусизма» в определенной степени была воплощена в деятельности «Белорусского общества», возникшего в 1908 г. и тяготевшего к кадетам. Его платформа основывалась на утверждении, что кроме интересов общих со всем русским народом у белорусов имелись свои особые интересы. Их особенности обуславливались особенностями географического положения Беларуси, культурным влиянием соседних народов, своеобразием этнографического состава населения, социальных и религиозных отношений, особым законодательным статусом края. Лидеры «Белорусского общества» весьма мрачными красками рисовали жизнь простых белорусов во времена Речи Посполитой, изображали их забитыми и униженными, с одной стороны, – шляхтой, с другой, – евреями-предпринимателями. Платформа организации признавала существование особого белорусского языка, но в государственной и культурной жизни допускала использование преимущественно русского языка [13, с. 206-207, 211].

Однако наиболее рельефно в начале XX в. идеи Белорусского национального Возрождения нашли отражение в программных установках Белорусской социалистической громады. Но сначала Громада ориентировалась на польское движение. Убедившись, что польские социалисты не обещают белорусам даже куцей автономии, громадовцы обратили свои взоры на общероссийские (общерусские) политические партии левой ориентации, отстаивавшие идеи автономии национальных регионов (или национально-персональной автономии) в будущей Российской Федеративной Демократической Республике.

Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, революционные события в Европе привели к крушению монархических империй и способствовали реальному самоопределению народов, усилению борьбы этнических элит за расширение прав своих этносов. И все же тенденция интеграционных процессов даже в условиях Российской империи явно преобладала над тенденцией к дезинтеграции. Вот почему до октября 1917 г. идеи национального самоопределения, как правило, не выходили за рамки территориальной или культурно-национальной (персональной)

автономии. Другое дело, что бюрократизм царской монархии, бездействие Временного правительства в 1917 г., последовавший затем Октябрьский переворот в Петрограде создавали ощущение крушения централизованного государства и угрозы разгула анархии, от чего многие деятели, претендовавшие на роль национальных элит, постарались себя обезопасить провозглашением независимости и строительством национально-государственных образований.

Не секрет, что поначалу идеи независимости были призваны служить национально-либеральным элитам для воплощения главной для них в тот момент цели – отстранению от власти большевиков. Что касается самой большевистской партии, то, провозглашая право народов на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, она рассматривала это право в большей степени в качестве тактического средства в борьбе против «империалистических метрополий», делая основной упор на экспансию социалистических революций, в первую очередь на европейском континенте.

На таком фоне развертывалось строительство белорусской национальной государственности, в котором выявились две тенденции. Первая – отражала потребности преодоления на основе советской формы модернизации и государственного строительства национальной и социальной отсталости. Другая – выражала стремление к самоопределению белорусского народа в форме независимой республики на основе парламентской демократии, которая воспринималась все же подавляющим большинством трудового народа как попытка реанимировать или реставрировать старые буржуазно-помещичьи порядки.

Провозглашенная умеренными интеллигентами-социалистами в марте 1918 г. Белорусская Народная Республика (БНР) ориентировалась на тогдашние образцы европейской демократии, но так и не стала государственным образованием, поскольку практически все властные полномочия в тот момент принадлежали администрации германских оккупационных войск. Отсутствовали местные органы власти, судебная, финансовая системы. Немецкие оккупанты даже и слышать не хотели о какой-то независимости БНР. Не признали БНР и ведущие европейские государства, а также США. БНР официально признала лишь Финляндия.

Очередной «холуяж» перед оккупантами отдельные члены Рады БНР продемонстрировали в известной телеграмме германскому императору Вильгельму II. В ней выражалась благодарность

за освобождение Беларуси немецкими войсками от «тяжелого давления чужого господствующего издевательства и анархии». «Только под защитой Германской империи видит край свою добрую долю в будущем», – подчеркивалось в телеграмме.

Кроме того, появление нового независимого государства на карте бывшей Российской империи привело к недоразумениям и с русскими белогвардейцами. Так, командующий белой армией на юге России генерал А. Деникин запросил у деятелей БНР, на каком основании они провозгласили независимость. Напомним, что все это происходило на фоне «суверенизации» и «огосударствления» того же Дона. Однако пришедший от белорусских интеллигентов ответ остудил даже самых видных «великодержавных шовинистов». «Независимость Белорусской Народной Республики, – говорилось в заявлении Народного Секретариата БНР, – не является недружественным актом в отношении России. Сделано это было в силу сложившихся по вине ваших и наших общих врагов – большевиков, чтобы не допустить официального признания итогов позорного Брестского мира, которым белорусский народ безоговорочно передавался под ярмо германской оккупации. И акт о независимости от 25 марта сего года стоит рассматривать в первую очередь как акт непризнания советской власти и как временное явление. Мы рассматриваем народы России и Белой Руси как единое и неразрывное целое и не намерены следовать путем Украины, кавказских и прибалтийских окраин» [14, с. 1].

Тем не менее провозглашение независимости БНР стало важным шагом в создании белорусской государственности, поскольку привлекало внимание общественности, в том числе и в Советской России, к белорусским проблемам. Не принимая БНР как таковую, белорусский трудовой народ все чаще высказывал намерение создать белорусскую государственность на советской основе. Об этом свидетельствуют деятельность Белорусского национального комиссариата (Белнацкома), функционировавшего в качестве белорусского отдела Наркомата по делам национальностей РСФСР, белорусских секций РКП(б), митинги и собрания трудящихся, красноармейцев, беженцев из Беларуси.

Образование БССР с функциональными центральными и местными органами власти – это, в первую очередь, результат продолжительной и упорной борьбы левого крыла белорусской интеллигенции, выражение чаяний всего белорусского народа.

Провозглашением 1 января 1919 г. Белорусской ССР был заложен прецедент создания политико-территориальной единицы с реальными атрибутами белорусской государственности в рамках советского строя.

В то же время опыт гражданской войны, окончание иностранной интервенции, переход к мирному строительству свидетельствовали, что выжить поодиночке советские республики не смогут, как не смогут построить новое общество. В этих условиях начался переход к новому этапу государственного строительства – объединению республик в одно государство с общими для всех республик органами управления. Так в декабре 1922 г. возник СССР. При всей ограниченности реального суверенитета в советский период БССР отнюдь не была «фикцией». Первый опыт реальной белорусской государственности имел огромное значение для развития белорусского народа на протяжении всего XX столетия.

Именно БССР выполнила государственную, политическую, экономическую и культурную роль объединения белорусской нации. Был создан мощный экономический потенциал, произошли серьезные изменения в социальной сфере. Впервые были сформированы реально действовавший национальный аппарат государственной власти, государственная национальная система просвещения, образования и науки, профессионального искусства и культуры, массовая национальная пресса, созданы другие институты современного государства. Советская система продемонстрировала огромные мобилизационные возможности.

Следовательно, реальная белорусская государственность была создана на советской основе. Противопоставить Белорусской Советской Республике Полоцкое княжество, ВКЛ или Речь Посполитую антиисторично по своей сути. Но подобные идеологические выверты не остаются обычными бумажными фантазиями. Отдельные деятели стараются их внедрить в политическую практику. Например, белорусские оппозиционеры пытаются создать свой плацдарм в западных регионах Беларуси. Тут действуют ряд объединений, как правило, пропольской ориентации. В свое время в западных областях Беларуси возникло движение «Лига литвинов». Программа «Лиги» содержала идею раздела Беларуси по федеративному принципу на три самостоятельных округа: Литванию (западная территория Беларуси), Столичный и Восточный. Пресловутая «литвинская теория» дала свои зловещие плоды, пока на региональном уровне. Подобные идеи «балканизации» Беларуси могут иметь серьезные

последствия для всей республики, но именно эти ориентиры некоторые деятели стараются внедрить в общественное сознание.

Таким образом, реальная белорусская государственность является частью русской, советской цивилизации, для которых характерно стремления к справедливости, созидательному труду и духовности. Несмотря на различные приемы и методы, прикрываемые «научнообразными флёрами» фальсификаторами в области истории, разрушить единство русского, белорусского и украинского народов никому не удастся, несмотря на тяжелейшие испытания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Сямечык, М. Я.* Гісторыя Беларусі. Курс лекцый для студэнтаў 1 курса ўсіх спецыяльнасцей / М. Я. Сямечык. – Мінск: БДТУ, 2010. – 349с.
2. *Насевіч, В. Л.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы / В. Л. Насевіч – Мінск: Полымя, 1993. – 160 с.
3. *Гудавичюс, Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Том 1 / Э. Гудавичюс. - М.: Фонд им. И. Д. Сытина Valtrus, 2005. – 679 с.
4. *Галенчанка, Г. Я.* Царква, канфесія і нацыянальная свядомасць беларусаў у XV – XVI стст. / Г. Я. Галенчанка // Наш радавод. 1992. Кн. 4. – Гродна, 1992. – С. 45-48.
5. *Сагановіч, Г. М.* Да гісторыі назвы Бelaya Русь / Г. М. Сагановіч // Старонкі гісторыі Беларусі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – С. 63-73.
6. *Пилипенко, М. Ф.* Возникновение Белоруссии: Новая концепция / М. Ф. Пилипенко. – Минск: Беларусь, 1991. – 143 с.
7. *Марзалюк, І. А.* Фальшывая гісторыя – маці фальшывай палітыкі / І. А. Марзалюк // Беларуская думка. -2010. - № 7. – С. 72-79.
8. *Пазьняк, З.* «Альтернатива всегда существует...» / З. Пазьняк // Сапраўднае аблічча. Мінск: ТВЦ «Паліфакт», 1992. – С. 163-168.
9. *Пазьняк, Зянон.* Беларуская-Расейская вайна / Зянон Пазьняк. – Варшава, 2005. – 35 с.
10. *Нечкина, М.В.* Декабристы / М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1982. – 185с.
11. *Цьвікевіч, А.* «Западнарусызм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. – Мінск: Наука і тэхніка, 1993. – 352 с.
12. *Коялович, М.О.* Чтения по истории Западной России / М.О. Коялович. – С-Пб: Общественная польза, 1884. – 462 с.
13. *Лавринович, Д.С.* Деятельность Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905-1918) / Д.С. Лавринович. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова, 2009. – 336 с.
14. *Балмасов С.* «День воли»: великий миф белорусских русофобов // www.pravda.ru. – Режим доступа 25.03.2008.

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА

Л.Е. Криштанович,
доктор философских наук

Ни для кого не секрет, что в основе разрушения Советского Союза и последующей дезинтеграции постсоветского пространства лежала масштабная фальсификация отечественной истории. Под предлогом приобщения к благам и ценностям западной цивилизации нашим народам навязывались всевозможные антиисторические концепции с единственной целью – дискредитировать нашу отечественную историю и сменить ментальность наших людей, лишить их национального самосознания, уважения к своей истории, к своим великим соотечественникам и предкам. Ибо народ, лишенный своей исторической памяти, своего исторического самосознания, прекращает свое историческое бытие, исчезает как народ. Разумеется, главный свой удар фальсификаторы направляли против советской истории как наиболее близкой и осязательной для наших людей и, следовательно, наиболее опасной для дезинтеграционных, антиисторических замыслов фальсификаторов.

Выделим наиболее характерные формы и приведем наиболее используемые примеры фальсификации отечественной истории XX века.

1. Важно уяснить, что сам процесс выбора и обоснования исторической темы может быть уже определенной формой фальсификации истории. Это когда несущественная, малозначащая тема изображается крупной и сложной проблемой, давно изученная – якобы не исследованной историками, а бесперспективная, локальная с точки зрения выхода на теоретические знания представляется актуальной и фундаментальной для исторической нау-

ки. Зачастую формулируются надуманные темы. К примеру, к какой войне готовился СССР – оборонительной или наступательной? Кто руководил страной во время Великой Отечественной войны – Сталин или Жуков? Очевидно, что сама постановка таких вопросов ориентирует уже на фальсификацию исторических событий.

2. Включение в объект изучения элементов, которые существуют вне предмета исторической науки, ее познавательных задач. К примеру, «бесовщина» по Достоевскому преподносится как действительная история 1861-1917 годов и последующих лет. Политические и религиозно-философские взгляды белой эмиграции о судьбе России трактуются как элементы исторической науки. Мнения писателей, журналистов объявляются в качестве научных фактов в процессе познания истории нашей страны.

Так 4 июня 1991 года в «Комсомольской правде» было опубликовано интервью А.И. Солженицына, которое он дал испанскому телевидению еще в 1976 году. В этом интервью, ссылаясь на «данные» профессора И. Курганова, А.И. Солженицын утверждает, что, дескать, от внутренней войны советского режима против своего народа с 1917 по 1959 годы страна потеряла 110 млн. человек: 66 млн. в результате Гражданской войны и последующей политики советской власти, а 44 млн. – во время Второй мировой войны от пренебрежительного, неряшливого ее ведения. Интервью было опубликовано под названием «Размышления по поводу двух гражданских войн». Смысл этих размышлений сводился к тому, чтобы обелить преступлении фашистов и франкистов в развязанной ими войне против республиканского правительства Испании в 1936-1939 годах, под видом приведения гротескной фальсифицированной статистики якобы преступной политики советского социализма против своего народа. И тем самым внедрить в умы испанцев в 1976 году и в сознание наших граждан в 1991 году, что социализм, так сказать, страшнее фашизма. Логика здесь была та же, что и у Геббельса: чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее поверят. И когда современный фальсификатор Ю.Л.Дьяков в книге «Идеология большевизма и реальный социализм» (М., Тула, 2009) воспроизводит так называемые «расчеты» профессора И.Курганова, которые в 1976 году повторял А.И. Солженицын, то, как правильно заметил российский историк В.Н. Земсков, все эти выводы и обобщения «нельзя назвать иначе, как патологическим отклонением от магистрального направления в данной области исторической науки» [1, с.117].

3. Фабрикация фальсифицированных документов, приписывание документам идей и смыслов, которых они не имели, и абстрагирование от тех функций, которые этим документам предназначались.

В настоящее время общеизвестно, что специально с целью дискредитации Сталина еще в хрущевские времена было сфабриковано подложное «донесение» советского разведчика Рихарда Зорге, якобы датированное 15 июня 1941 года и сообщавшее дату немецкого вторжения – 22 июня 1941 года. «На самом же деле Зорге такого донесения не посылал, так как не знал точной даты немецкого нападения на СССР» [1, с.111].

Кстати, глубоко невежественны современные фальсификаторы и в своем понимании морального духа советского общества накануне и во время Великой Отечественной войны. Свою продажную душу и раболепное преклонение перед Западом они пытаются перенести на воинов Красной Армии, изображая последних в виде неких недоразвитых субъектов, уголовников и штрафников, которые боятся и ненавидят Сталина и советскую власть, и воюют с немцами только из-за своей глупости и из-под палки. Так, писатель Владимир Войнович в своем пасквильном романе «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» изобразил советского воина маленьким, кривоногим, с красными ушами, глупым и забитым. А резонерствующий театрал Эльдар Рязанов назвал его «нормальным народным типом, подлинно русским характером». Отличие этих «деятелей искусства» от действительно выдающегося русского писателя Алексея Толстого с его «Русским характером» как раз и представляет собой отличие настоящего писателя-патриота от литературных и театральных пакостников и фальсификаторов. Последним в силу их прозападного лакейства никогда не понять, что могут быть воины, которые способны на высочайший героизм и самопожертвование во имя свободы своей Родины.

Знаменитый белорусский скульптор Валентин Занкович, автор главного памятника мемориального комплекса «Хатынь», в казематах Брестской крепости нашел потрясающую надпись, сделанную защитниками крепости, которая широкой общественности еще не известна. Это лаконичные, но обжигающие душу слова: «Нас было пятеро. Мы умрем за Сталина». Вот и вся правда о морально-психологической атмосфере советского общества во время войны. В этих словах весь смысл, дух Великой Отечественной во-

йны, нашей отечественной истории: нравственность, патриотизм и героизм наших людей.

4. Восприятие как высших достижений мировой исторической науки различных схем и моделей, которые либо не имеют к ней никакого отношения, либо фальсифицируют отечественный исторический процесс и его научное познание.

В частности, это касается и так называемой «концепции тоталитаризма», которую нынешние фальсификаторы и просто недалекие историки положили в основу изучения отечественной истории XX века. Американский историк Стивен Коэн в своей книге «Переосмысливая советский опыт: политика и история с 1917 года», изданной на русском языке в 1986 году, констатировал: «Все советологические концепции, созданные вне подлинной истории, социологии, культуры и даже подлинной политики, получили наиболее полное воплощение в «тоталитарной модели» 1953-1956 гг.» [2, с.101]. Стивен Коэн указывает, что эти исследования финансировались не только частными фондами (Рокфеллера, Карнеги), но и Министерством обороны, ЦРУ США. Кстати, советское Министерство обороны, КГБ такой деятельностью никогда не занимались, и в этом отношении американистика, англоведение в СССР приобретали иной тип развития в системе научных знаний, где история зарубежных стран освещалась более корректно, чем это имело место в западной советологии, в которой, по словам С.Коэна, антикоммунизм и антисоветизм стали источником и базой для появления «тоталитарной школы», модели тоталитаризма. Анализируя позиции авторов «тоталитарной школы», Коэн пришел к выводу, что «они стали отождествлять сталинскую Россию с гитлеровской Германией, советский коммунизм с нацизмом и т.д.» [2, с.102]. Вот откуда, оказывается, заимствовали сегодняшние доморощенные фальсификаторы свои убогие идейки об отождествлении Сталина с Гитлером и СССР с фашистской Германией. Из фашистской и западной реакционной историографии 1940-1950 годов.

Важно отметить, что многие западные советологи полностью отвергли концепцию тоталитаризма, придя к выводу, что ее несоответствия и идеологические обертоны слишком очевидны и что единственная ее функция состоит в навешивании оскорбительных ярлыков на советскую систему правления. Как отметил американский историк М.Карпович, научные труды в США «слишком часто создавались в атмосфере лютой ненависти к нынешнему русскому (советскому – Л.К.) режиму» [2,с.129].

В 2015 году великое событие в нашем историческом календаре – 70-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне над немецко-фашистскими захватчиками. В этом плане есть резон остановиться еще на некоторых фальсификациях, связанных с событиями Великой Отечественной войны.

Известно, что фальсификаторы, пытаясь дискредитировать великий подвиг наших народов в годы Великой Отечественной войны, внедряли в массовое сознание установку, что руководство СССР будто бы всех пленных воинов Красной Армии записало в разряд предателей. Это была сознательная кощунственная фальсификация, когда Сталину приписывалось выражение – «у нас нет пленных, у нас есть предатели». На самом же деле эта фальсификация была сочинена в писательско-публицистической среде в 1956 году на волне критики культа личности Сталина. Эта фальсификация до сих пор имеет широкое хождение в публицистике, кинофильмах, художественной литературе.

Следует заметить, что в уголовном законодательстве СССР не фигурировало такое «преступление», как «сдача в плен». В статье 193 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР в перечне воинских преступлений было зафиксировано: «Сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой» [3, с.251]. Само собой разумеется, что понятия «сдача в плен» и «сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой» – не тождественные понятия. Поэтому не существовало никакого отождествления понятий «пленные» и «предатели». К предателям относились те, кто таковыми и являлись на деле (полицаи, каратели, выпускники разведывательно-диверсионных школ, чиновники оккупационной администрации и т.п.), а к военнопленным такое определение в принципе не применялось.

Фальсификаторы Великой Отечественной войны сочинили также миф о неких «расстрельных списках», «расстрелах» части репатриантов, т.е. возвращающихся людей в СССР (военнопленных, остарбайтеров, перемещенных лиц, коллаборационистов) якобы сразу же по прибытии в советские сборные пункты. Это была также чудовищная ложь. Правда в том, что подавляющее большинство репатриантов не подвергалось не только никаким расстрелам, но даже и каким-либо репрессиям. Парадокс здесь состоял в том, что многие прямые пособники фашистов были удивлены тем, что в СССР с ними обошлись далеко не так сурово, как они ожидали.

Приведем показательный пример. Летом 1944 года при наступлении англо-американских войск во Франции к ним попадало в

плен большое количество немецких солдат и офицеров, которых обычно направляли в лагеря на территории Англии. Вскоре выяснилось, что часть этих пленных не понимает по-немецки и что это, оказывается, бывшие красноармейцы, попавшие в немецкий плен и поступившие затем на службу в немецкую армию. По статье 193 тогдашнего Уголовного Кодекса РСФСР за переход военнослужащих на сторону противника в военное время предусматривалось только одно наказание – смертная казнь с конфискацией имущества. Англичане знали об этом, но, тем не менее, поставили в известность Москву об этих лицах и попросили забрать их в СССР. 31 октября 1944 года 9 907 репатриантов на двух английских кораблях были направлены в Мурманск, куда они прибыли 6 ноября 1944 года. Среди этих репатриантов, перешедших на службу в немецкую армию, высказывались предположения, что их расстреляют сразу же на мурманской пристани. Однако официальные советские представители объяснили, что Советское правительство их простило и что они не только не будут расстреляны, но и вообще освобождаются от привлечения к уголовной ответственности за измену Родине. Больше года эти люди проходили проверку в спецлагере НКВД, а затем были направлены на 6-летнее спецпоселение. В 1952 году большинство из них было освобождено, причем в их анкетах не значилось никакой судимости, а время работы на спецпоселении было зачтено в трудовой стаж.

И последнее, что необходимо отметить, говоря о фальсификации отечественной истории XX века. Это так называемые сталинские репрессии. Общественному сознанию постсоветских стран усиленно навязывается извращенное представление о том, что в СССР большинство населения пострадало от репрессий и якобы было ими запугано. Важно отметить, что разоблачение этой фальшивки было сделано не только объективными отечественными историками, но и западными. В этом плане представляют интерес выводы американского историка Роберта Терстона, издавшего в 1996 году монографию «Жизнь и террор в сталинской России. 1934-1941».

Вот к каким выводам на основе документальных фактов и статистики пришел американский историк. «Система сталинского террора в том виде, в каком она описывалась предшествующими поколениями западных исследователей, никогда не существовала. Влияние террора на советское общество в сталинские годы не было значительным, массового страха перед репрессиями в

1930-е годы в Советском Союзе не было. Репрессии имели ограниченный характер и не коснулись большинства советского народа. Советское общество, скорее, поддерживало сталинский режим, чем боялось его. Большинству людей сталинская система обеспечивала возможность продвижения вверх и участие в общественной жизни» [4].

Не надо быть специалистом, чтобы не признать абсолютную правильность выводов Роберта Терстона. Даже больше. Сложившаяся в довоенные годы социально-политическая система в сознании многомиллионных масс народа прочно ассоциировалась с идеалами справедливости, дружбы и прогресса. И советская цивилизация однозначно расценивалась подавляющим большинством наших граждан как самая гуманная и справедливая на всей нашей планете. И это было так в действительности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Земсков, В.Н.* О масштабах политических репрессий в СССР // Политическое просвещение. – М., 2012. – № 1.
2. *Алексеева, Г.Д., Маныкин, А.В.* Историческая наука в России XXI века / Г.Д.Алексеева, А.В.Маныкин. – М., 2011.
3. *Земсков, В.Н.* Народ и война: страницы истории советского народа накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938-1945 / В.Н.Земсков. – М., 2014.
4. *Thurston, R.* Life and Terror in Stalin's Russia 1934-1941 / R.Thurston. – New Haven, 1996.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В. И НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ «БЕЛОРУССКАЯ СТАРИНА»

Ю.Н. Миккульский,
г.Минск

Белорусская историческая школа, зародившись в Российской империи и окончательно сформировавшись в БССР, была неразрывно связана с общерусским цивилизационным пространством и временем. Позднее, во времена так называемого «возрождения», белорусская историческая наука попала под губительное националистическое влияние. Сейчас отечественная историография обнаруживает весьма сильную зависимость от идей национального «Возрождения» 1980-1990-х гг., когда получили популярность являвшиеся ранее маргинальными псевдонаучные концепции части белорусских националистов прозападной ориентации, которые объявляли Великое княжество Литовское основой традиции белорусской государственности, а Речь Посполитую считали едва ли не периодом расцвета белорусской культуры. История Беларуси начала искусственно исключаться из контекста русско-византийской цивилизации, отменялось даже исконное название белорусского населения – «Русь», «русины». А поскольку политические ориентиры всегда влияют на формирование научных интересов историков, это во многом предопределило дальнейшее развитие белорусской исторической науки в целом. Стали непопулярными и были практически полностью заброшены исследования древнего белорусского православного наследия, преимущество начало отдаваться изучению более позднего «кресового» польского и литовского наследия, которое, тем не менее, объявлялось «белорусским». История Беларуси начала рассматриваться в контексте истории Польши и Литвы без учёта того факта, что белорусские

элиты в составе Великого княжества Литовского всегда характеризовали свои, отличные от польских и литовских, историческое сознание и взгляды, восходящие ещё к временам Киевской Руси. Тем не менее, подобная концепция отечественной истории успела стать уже *de facto* преобладающей в Республике Беларусь, хотя, подчеркнём, она абсолютно противоречит как старобелорусской традиции, так и классической белорусской историографии XIX – начала XX в.

В итоге в настоящее время исследования древнейшего собственно белорусского наследия во многом остановились на уровне XIX – начала XX в., когда здесь при поддержке царского правительства действовали археографические комиссии, а усилиями местных исследователей в разных губерниях издавались исторические сборники, посвящённые белорусской старине («Минская старина», «Могилёвская старина», «Витебская старина» и др.). О многих важнейших центрах белорусской культуры, церквах и монастырях, рукописях и реликвиях с того времени почти ничего не писалось. Не рассматривались и многие вопросы, которые во времена зарождения белорусской исторической школы были крайне актуальны, как, скажем, борьба белорусских элит за свою самобытность в Речи Посполитой, развитие церковных интеллектуальных центров и т.д. Изданный западнорусскими археографическими комиссиями комплекс источников по истории Беларуси не существенно расширился до нашего времени. Это касается в первую очередь истории православной Церкви, с которой связаны ценнейшие произведения белорусского искусства, письменности и т.д. Остаются не выявленными и часто даже не описанными ещё многие белорусские грамоты, рукописи, памятники искусства, хранящиеся в отечественных и зарубежных хранилищах. Слабо развиты исследования древней белорусской книжности. До сих пор не опубликован целый ряд белорусских исторических трактатов и хроник XVII-XVIII вв. А тем временем они лежат в архивах нередко в открытом доступе и просто ждут, когда у неблагодарных потомков пробудится память. Создаётся впечатление, что белорусской науке эти исторические ценности не нужны. Пока мы стремимся присвоить достижения соседей и ведём с ними бессмысленные дискуссии, пропадают наши собственные памятники. Кроме того, многие уже давно изданные источники и даже общеизвестные памятники зачастую скрывают в себе не меньшую тайну, поскольку соответствующим образом не изучены. Во многом это

объясняется отсутствием у нас надлежащих источниковедческих штудий. Нельзя забывать также и о том, что немало белорусских исторических ценностей погибло уже во времена Речи Посполитой, и важной задачей сегодня является поиск в актах того времени хотя бы описательной информации о них.

Идеологизированность белорусской историографии существенно влияет на её общий уровень. Сейчас в стране отсутствуют периодические издания, посвящённые древнему периоду белорусской истории (Средние века и начало Нового времени) и нацеленные на публикацию и исследование письменных источников и иных памятников старины. С учётом этого в 2014 г. мною был основан научный альманах «Беларуская даўніна» («Белорусская старина»), задачей которого является прежде всего введение в оборот новых источников и их всесторонний анализ. Одной из основных целей издания является возрождение археографических экспедиций за границей с целью выявления новых документов по истории Беларуси, памятников белорусской письменности, искусства и т.д. Рецензентами издания выступили известные учёные, доктора наук из Беларуси и России. К сожалению, как осуществление археографических экспедиций, так и издание самого альманаха осуществляется преимущественно собственными средствами. И, тем не менее, за полгода выпущено уже два номера издания, в котором опубликовано множество ценнейших документов по истории Беларуси из отечественных и зарубежных архивов и библиотек (Россия, Украина, Польша, Литва и т.д.). Найдены древнейшие грамоты городов Минска, Гродно, Новогрудка и т.д. В издании представлены также грамоты западнобелорусских монастырей – Гродненского и Лавришевского – важнейших оплотов древнерусской культуры в Западной Беларуси, которые даже в самые тёмные века польского владычества напоминали своей деятельностью об исконно русском характере этих территорий. Опубликованы древнейшие белорусские летописи, неизвестные доселе памятники славяно-русской книжности Беларуси, прослежена история важнейших реликвий белорусского народа, связанных с православием и Киевской Русью. Все эти памятники являются нагляднейшим свидетельством принадлежности Беларуси к русско-византийской цивилизации. Напечатаны также и документы, иллюстрирующие национально-освободительную борьбу белорусского народа в Речи Посполитой, сопротивление засилию католичества и полонизации. Так, в свете новых источников рассмотрена история белорусско-

го казачества – верного оплота православия, найдены документы, свидетельствующие об отнятии иезуитами и униатами православных храмов и разграблении белорусских культурных ценностей. Проект «Белорусская старина» уже получил положительные отзывы историков¹. Впереди перед альманахом стоит ещё множество целей, которые, надеюсь, хватит сил реализовать. Искренне верю, что данное издание сможет напомнить белорусам об их древнейшей истории, которой нас сейчас так активно пытаются лишить невежественные «европеизаторы», готовые предать забвению память предков. Ведь только сохранив память о своих исконных истоках, Беларусь останется, как когда-то писал великий её сын Максим Богданович, «народом русского корня».

¹См., например: *Гігін В.Ф.* Актуальная даўніна // Беларуская думка. № 7. 2014.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СССР ПЕРИОДА «ЗАСТОЯ» 1964 – 1985 гг.

А.В. Морозов,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой межкультурных
коммуникаций БГУКИ

Период «застоя» – обозначение периода в истории СССР, охватывавшего два с небольшим десятилетия – с момента прихода к власти Л. И. Брежнева (1964) до XXVII съезда КПСС (февраль 1986 года), после которого был взят курс на реформирование советского общества. Также зачастую в публицистике используется пропагандистско-литературное клише «эпоха застоя».

Проведённый нами анализ научных и учебных изданий показал, что значительное количество авторов используют именно это клише при оценке самобытного периода истории культуры СССР. Так, в учебном пособии для старшеклассников и студентов «Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времён до наших дней» В.В.Долгов в главе 18 «Культура периода застоя» [1, с. 69-72] уже в первом абзаце формулирует мрачную общую оценку развития всей культуры: «Застой, постепенно охватывавший общественно-политическую и экономическую жизнь в СССР после окончания краткой хрущёвской «оттепели», затронул и культуру. Советская культура при Л. И. Брежневе развивалась во многом по инерции, заданной ей предыдущим периодом. Нельзя сказать, что достижений не было, но большинство из них уходят корнями в тот краткий период относительной свободы творчества, который был результатом XX съезда. Росли количественные показатели, но яркого и нового было создано немного» [1, с. 69].

В обнародованной в 2013 году работе Ю.А.Никифорова и А.В. Дождикова под броским названием «Основы государственной

политики в области противодействия фальсификации истории» разделу «Культура и духовная жизнь в «эпоху развитого социализма» уделяется всего 3 страницы [3, с. 93-95], причём основное внимание авторов обращено на альтернативные формы художественного творчества, которые развивались в сложных условиях диктата идеологических установок и цензуры. Авторы позиционируют свое электронное издание как «учебный курс для специалистов органов власти, ответственных за реализацию профильных направлений государственной политики» в Российской Федерации, «практические рекомендации по организации сетевой коммуникации, отдельных мероприятий и комплексных элементов государственной политики на федеральном, региональном и местном уровнях» [3, с. 1]. При этом практически с самого начала раздела духовная жизнь в рассматриваемый период анализируется авторами «практических рекомендаций» в трагических тонах: «Настроения «оттепели» в среде интеллигенции постепенно перерастали в настороженное и критическое отношение к существующему режиму. Власть проявляла неспособность и нежелание вести диалог со своими гражданами о путях дальнейшего развития страны. Появились признаки возврата к прошлому, тема преодоления последствий культа личности Сталина исчезла из печати, были приняты серьёзные меры против тех, кто активно выражал своё несогласие с пересмотром политического наследия «оттепели» [3, с. 93].

Убеждённые борцы с фальсификаторами истории по сути сами её и фальсифицируют – достижениям «официальной» культуры Никифоров и Дождилов сообразовали выделить всего 10 строчек. Скромный перечень достижений сводится к упоминаниям о создании фильмов «о духовном мире и гражданской позиции современника» и первых отечественных телесериалах, о «настоящем взлёте» театрального искусства и размахе книгоиздательского дела: «Ежедневно (!) в стране выходило 4,3 млн. экземпляров книг и брошюр (более 1,5 млрд. в год, данные 1971 г.), число наименований к концу десятилетия достигало 85 тыс.» [3, с. 93-94]. Однако и здесь авторы усматривают значительные препоны (в виде цензуры) и упущения советской власти. Например, упоминание о развитии книгоиздательского дела дополняется следующим замечанием авторов, которое призвано нивелировать достижения: «Но значительную часть этой продукции составляла общественно-политическая литература – произведения Маркса, Энгельса, Ленина, программные выступления руководителей КПСС, документы съездов и пропагандистские материалы» [3, с. 94]. Никифоров и

Дождиков замалчивают многие факты. В 1980 г. по сравнению с 1975 г. удельный вес художественной литературы в общем объеме книжных изданий возрос с 35 до 44%; к 1985 г. эта цифра превысит 50%. В Советском Союзе выпускалась литература 136 государств мира на 80 языках народов СССР. По данным ЮНЕСКО, СССР издавал переводной литературы в 5 раз больше, чем Великобритания, в 2 раза больше, чем Япония, США и Франция. По выпуску переводной литературы Советский Союз вышел на первое место в мире. Были реализованы масштабные издательские проекты, рассчитанные на массового читателя: например, в 70-е годы 300-тысячным тиражом была выпущена 200-томная «Библиотека всемирной литературы», куда вошли произведения всех великих писателей планеты от античности и до наших дней (цена одного тома не превышала 2-х рублей). Удельный вес учебной литературы в общей массе изданий занимал 30%.

По мнению авторов подобных учебных работ и «практических рекомендаций», подлинным творцом в условиях СССР периода «застоя» можно было стать только в условиях диссидентства и самиздата, либо эмигрировав за границу.

Вместе с тем, прежде всего, в рамках официальной культуры активно развиваются разнообразные жанры литературы: военная проза (К. Симонов Ю. Бондарев, Б. Васильев, В. Быков, А. Адамович, Г. Бакланов, К. Воробьев, В. Закруткин, В. Кондратьев, П. Проскурин, И. Стаднюк, А. Чаковский), деревенская проза (В. Шукшин, В. Распутин, В. Астафьев, Ф. Абрамов, В. Белов, В. Липатов, Б. Можаев, Е. Носов, В. Песков, В. Чивилихин, С. Залыгин), историческая проза (Д. Балашов, Ю. Давыдов, В. Пикуль, В. Короткевич, А. Чапыгин, В. Шишков), научная фантастика (братья Стругацкие, И. Ефремов, А. Казанцев, К. Булычев, А. Днепров). В драматургии выделяются пьесы А. Вампилова, В. Розова Г. Горина, А. Володина. В центре произведений авторов рассматриваемого периода – нравственное начало, духовные искания человека, а не доминирующие в современном искусстве жажда наживы, ценности потребительства и гедонизма.

Помимо литературы, несомненны достижения культуры СССР и в других видах искусства.

Только в 1971-1975 гг. советские фильмы завоевали на международных кинофестивалях 227 золотых, серебряных, бронзовых наград и почётных дипломов. Широкой популярностью у советских зрителей пользовались работы таких режиссёров как Лео-

нид Гайдай, Эльдар Рязанов, Георгий Данелия, Василий Шукшин, Алексей Герман, Леонид Быков, Станислав Говорухин, Татьяна Лиознова и многих других. В период «застоя» 3 советские киноленты получили премии американской Академии кинематографических искусств и наук «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке: киноэпопея Сергея Бондарчука «Война и мир» (1969), фильм японского режиссера Акиры Куросавы «Дерсу Узала» (1976; совместное производство СССР и Японии) и мелодрама режиссера Владимира Меньшова «Москва слезам не верит» (1981). На советском кинематографе уже выросло несколько поколений зрителей, до сих пор с ностальгией вспоминающих добрый и интеллигентный юмор, талантливых разноплановых актеров и фразы, ставшие крылатыми. Развивались детское кино и мультипликация, которым была обеспечена прочная государственная поддержка.

Советское музыкальное искусство во всем своем многообразии занимает по праву место на вершине мировой культуры XX столетия. Значительными были достижения культуры СССР рассматриваемого периода в области инструментальной и хоровой музыки, оперного и балетного искусства. Всемирное признание получили: композиторы Д. Шостакович, Г. Свиридов, А. Хачатурян, Т. Хренников, А. Пахмутова, Р. Щедрин, В. Гаврилин, А. Шнитке, С. Губайдуллина; дирижеры Е. Мравинский, Е. Светланов, Г. Рождественский, В. Федосеев; пианисты Л. Оборин, С. Рихтер, Н. Петров, М. Плетнев; скрипачи Л. Коган, Д. Ойстрах, В. Спиваков, В. Третьяков; виолончелист М. Ростропович; певцы С. Лемешев, И. Козловский, И. Архипова, Г. Вишневецкая, Е. Образцова, Е. Нестеренко, В. Атлантов и многие, многие другие. Поистине народными стали песни В. Соловьева-Седого, А. Бабаджаняна, А. Пахмутовой, М. Таривердиева, Д. Тухманова, Р. Паулса, Ю. Антонова, Е. Мартынова, В. Шаинского, Г. Гладкова, М. Минкова, А. Зацепина, Э. Ханка, написанные на стихи поэтов Л. Дербенева, Н. Добронравова, Р. Рождественского, М. Пляцковского, И. Шаферана, А. Поперечного, В. Харитонов, Л. Завальнюка, М. Танича и др. Для эстрады было характерно сочетание традиционной школы с утверждением культуры вокально-инструментальных ансамблей («Самоцветы», «Песняры», «Синяя птица», «Верасы», «Сябры», «Лейся, Песня!», «Земляне», «Машина времени» и др.).

В 60-80-е гг. дальнейшее развитие получил и самый массовый вид народного творчества – художественная самодеятельность.

Только краткий анализ достижений художественной культуры СССР периода так называемого «застоя» мог бы занять значительную по объёму книгу. То же самое относится и к науке: по многим направлениям советская наука занимала ведущие позиции, обгоняя соответствующие научные школы на Западе. Фундаментальные исследования были выполнены в области твердого тела и низких температур, сверхпроводимости, физики полупроводников, радиофизики, теоретической и экспериментальной ядерной физики, физики плазм и управляемого термоядерного синтеза, астрофизики и радиоастрономии. Мировое признание получили исследования советских учёных в области физики высоких и сверхвысоких энергий (Б. М. Понтекорво), химии цепных реакций (Н. Н. Семёнов, Нобелевская премия), теории сверхтекучести (Л. Д. Ландау, Нобелевская премия), исследований молекулярных квантовых генераторов (Н. Г. Басов, А. М. Прохоров, Нобелевская премия), космонавтики (С. П. Королев, В. Н. Челомей). Советский Союз лидировал в освоении космического пространства. Ракетно-космическая техника расширила возможности исследовательских работ в области астрофизики и астрономии: с помощью искусственных спутников был открыт и исследован внешний радиационный пояс Земли, магнитное поле Земли и Луны, началось изучение дальних космических объектов (Марса, Венеры и др.).

Высокие достижения советской науки и культуры во многом были обусловлены состоянием отечественной системы образования в СССР, которая давала одинаково качественное образование и детям из семей представителей высшей номенклатуры, и детям рядовых советских граждан, благодаря чему формировалась единая для всех социальных слоев культурная среда. Новому уровню задач, решаемых школой, способствовал начатый в середине 1960-х гг. переход ко всеобщему среднему образованию. Он был завершён в течение нескольких лет, и в Конституции СССР 1977 года закреплялось право граждан на получение бесплатного среднего образования.

Предельно сжатое перечисление достижений художественной культуры, науки и образования в рассматриваемый период является свидетельством того, что культура СССР – это динамично развивающееся, многоплановое, сложное и противоречивое явление. Называть «застоем» период развития культуры СССР в 1964 – 1985 гг. антинаучно. Безусловно, в культуре так называемого «застоя» присутствовали идеологические установки, факты цензуры и политических гонений. Однако сводить непревзойдён-

ные достижения только к тому, насколько успешно неофициальная культура боролась с официальной, советской – по меньшей мере, безрассудно: «застоя» в официальной советской культуре 1964 – 1985 гг. могут позавидовать очень многие народы и страны, в том числе, и постсоветские.

При разоблачении фальсификаций различных исторических событий и явлений следует помнить, что само функционирование фальсификаций в псевдонаучной среде и массовом общественном сознании может иметь серьёзные геополитические и цивилизационные последствия для народов восточнославянской общности. Об этом писал ещё философ-эмигрант А.А.Зиновьев: «Русская трагедия еще не завершилась. Успешно осуществляется второй этап антирусского проекта. Впереди предстоит третий этап, пожалуй, самый страшный: он касается присутствия русских в истории человечества. Сущность этой части проекта – постепенно искажая и занижая вклад русских в историю человечества, в конце концов исключить из памяти человечества все следы пребывания их в истории вообще, сделать так, как будто никогда такого великого народа на Земле не было. Это «вычеркивание» русских из истории уже практически делается. Причем делается педантично, планомерно, со стопроцентной уверенностью в том, что это делается на благо человечества. Такая фальсификация истории не раз делалась в прошлом. А с современными средствами это – заурядная проблема.

Надо различать два типа фальсификации истории. Первый – произвольная, рутинная и подетальная фальсификация, обусловленная самими средствами познания и описания исторических событий, то есть средствами исторической памяти человечества. Второй – преднамеренная, экстраординарная и комплексная фальсификация, обусловленная причинами сугубо социального порядка» [2, с. 96].

Следует также привести слова-предостережения философа: «...искажения истории так или иначе разоблачаются. Разоблачаются, но не любые. Можно разоблачить отдельную ложь. Но когда их миллионы и миллиарды, когда происходит их отбор и комбинирование, когда это делается из года в год, из десятилетия в десятилетие, когда в деле фальсификации заняты миллионы профессионально подготовленных людей, используются баснословная техника и специально разработанные приемы фальсификации, когда миллиарды людей идеологически оболваниваются из поколения в поколение, никаких шансов для преодоления этого мирового по-

тока лжи и восстановления истины не остается» [2, с. 96]. Плохо, когда фальсификацией отечественной истории целенаправленно занимаются иностранцы, но ещё хуже, когда сознательно или неосознанно этим увлечённо занимаются доморощенные авторы многочисленных учебных пособий, монографий, «практических рекомендаций».

Важнейшим фактором устойчивого развития русского, белорусского и украинского народов является возрождение лучших традиций, накопленных как в дореволюционное время, так и в советский период. Только при эффективном применении опыта многовековой культуросозидающей деятельности предыдущих поколений неотъемлемая часть духовной культуры восточных славян – политическая и правовая культура – сможет выработать новые ценности и традиции, которые станут достоянием всего человечества и альтернативой современному однополярному миру.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Долгов, В.В.* Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времён до наших дней: Учебное пособие для старшеклассников и студентов / В.В.Долгов. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. – 196 с.
2. *Зиновьев, А.А.* Планируемая история / А.А.Зиновьев. – М.: Изд-во АСТ, 2009. – 544 с.
3. *Никифоров, Ю.А.* Основы государственной политики в области противодействия фальсификации истории / Ю.А. Никифоров, А.В. Дождиков – М., 2013 – 231 с. – Режим доступа: http://mggu-sh.ru/sites/default/files/osnovy_gosudarstvennoy_politiki_v_oblasti_protivodeystviya_falsifikacii_istorii.pdf. – Дата доступа: 12.12.2014.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ю.С. Павловец,

кандидат исторических наук,
доцент БГУИР

Как известно, современная западная идеология, направленная на разъединение славянских народов и формирование в обществе осознания необходимости европеизации, стремится использовать любые инструменты для достижения поставленной цели. Поэтому фальсификация той части истории, которая наиболее близка каждому на постсоветском пространстве и все еще остается одним из объединяющих начал интеграции – трагедия Великой Отечественной войны – прекрасно подходит на роль одного из основных методов изменения сознания простых граждан.

Попытки переписать историю Второй мировой войны не прекращаются уже более полувека, однако в нынешних условиях они, как никогда прежде, становятся заметны. С конца XX – начала XXI веков как на западе, так и в ряде постсоветских республик стремление ликвидировать из общественного сознания через систему образования, средства массовой информации, а также политическую идеологию само понятие «Великая Отечественная война», заменив его терминами «советско-германская» или «нацистско-большевистская» война, из года в год неизменно росло. Более того, вместе с этим усилились попытки подмены фактологии и намеренного искажения исторических событий.

По мнению большинства нынешних историков, в настоящее время существует несколько основных методик фальсификации истории ВОВ. Во-первых, это не только ограничение доступа к архивным документам, но и подмена их фактами из различного рода мемуаров и дневников участников военных действий, которые, по

сути своей, не могут носить объективный характер, поскольку основываются на личных переживаниях и собственном отношении человека к происходящим событиям.

Во-вторых, с точки зрения профессора А.В. Козлова, сегодня можно говорить и о «новом» прочтении доступных для изучения архивных источников, когда происходит намеренное искажение исторических фактов¹. Особенно это характерно для тех националистически настроенных историков и политиков, которые стремятся сделать свою карьеру на разжигании национальной и расовой вражды, доказывая правомерность массовых убийств ради создания «независимого» государства.

В-третьих, происходит открытая подмена различных понятий, которые несут основную смысловую нагрузку. Подобные методы особенно популярны в случаях, когда необходимо обосновать современную вражду между народами некими историческими событиями. Последствия всего этого можно сегодня наблюдать на Украине, где издаются документы, содержание которых является односторонним и не представляет никакой научной и исторической ценности. Но при этом, на основании подобных «источников» появляются как в научных изданиях, так и в средствах массовой информации материалы с псевдоисторическими «открытиями». Дополнительно к этому, именно через эти документы в массы вбрасывается совершенно новая и искаженная информация о преступлениях и преступниках, когда черное становится белым и наоборот. Поэтому и появляются утверждения о порабощении украинского, белорусского и других народов Советского Союза со стороны Москвы, виновными во всем становятся коммунисты, а главными ярлыками, которые навешиваются всему советскому периоду, а значит, и России – террор, геноцид и тоталитаризм.

Исходя из вышеописанных методик, сегодня можно выделить и несколько основных направлений фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. К сожалению, все эти направления, в той или иной степени, присущи и белорусской действительности.

Пожалуй, основным направлением действий современных фальсификаторов является разработка и внедрение в общественное сознание «теории о равной ответственности гитлеровского и

¹Козлов А.В. Адвокаты дьявола. История вооруженного националистического подполья на Западной Украине в 40–50-х годах XX века: основные способы и направления фальсификации. М.: На боевом посту, 2012 – С. 14

сталинского режимов за развязывание Второй мировой войны» а, значит, и Великой Отечественной. Более того, среди западных историков и их «коллег» из постсоветского пространства уже не первое десятилетие существует желание пересмотреть и итоги войны и, в первую очередь, за счет Российской Федерации. Интересно то, что подобное желание поддерживается на Западе на самом высоком уровне. Например, еще в 2008 году тогдашний президент США Дж. Буш-младший заявил, что «германский национал-социализм и русский коммунизм – два зла XX века». А один из его самым главных саттелитов в Восточной Европе президент Польши Л. Качиньский приравнял фашистскую Германию и СССР, высказавшись 1 сентября 2009 года, что «Вторую мировую войну развязали Германия и Советский Союз».

Подобные утверждения не новость, так как они, как правило, основываются на «Пакте Молотова – Риббентропа», который националисты не устают демонстрировать в качестве своего главного аргумента. Главное утверждение, на котором строятся все их утверждения: сговор Гитлера и Сталина 23 августа 1939 года («Германо-советский договор о ненападении») привел к главной трагедии XX века. При этом в Европе, как и в США, совершенно забыли о безответственной политике союзников накануне войны, когда США, Великобритания и Франция пытались сдержать Гитлера, скармливая ему всю Центральную и Восточную Европу в надежде на столкновение Германии и СССР. Более того, западный мир как бы «забыл» Мюнхенский договор и расчленение Чехословакии в сентябре 1938 года при попустительстве и непосредственном участии европейских держав, когда фактически рухнула не поддерживавшаяся и пяти лет международная система европейской безопасности, выстроенная в 1935 году. Более того, из виду упускается и то, что Великобритания и Франция подписали с Германией декларации о ненападении, открыто направив фашистскую агрессию против СССР, в то время как советское руководство неоднократно предлагало согласовать свою внешнюю политику с западными союзниками, но каждый раз натыкалось на стену молчания.

Далее, основываясь на стремлении пересмотреть как настоящие причины начала, так и итоги Второй мировой войны, в странах постсоветского пространства, вслед за Западом, давно решено развязать настоящую информационную войну в различного рода научных изданиях и СМИ. При этом на свет стали появляться статьи и книги, которые не имели и не имеют ничего общего с реаль-

ной наукой, однако представляются в обществе в качестве реальной истории. Нечто похожее наблюдается не только в странах Центральной Европы, Украине, Прибалтике, но и в Беларуси. Характерным примером подобного является появление в республике на рубеже веков «Белорусского исторического журнала», а также журнала «ARCHE».

На страницах «Белорусского исторического журнала» долгое время проводилось открытое искажение исторических фактов, когда немецкие захватчики представлялись как «безобидные люди», которые ничего «плохого», кроме уничтожения евреев, не делали, а гауляйтер Вильгельм фон Кубе представлялся чуть ли не как национальный герой Беларуси, по приказу которого открывались школы на белорусском языке, театры и действовала национальная символика. И при этом полностью были забыты сотни тысяч уничтоженных в концлагерях, расстрелянных и сожженных белорусов, русских, евреев и цыган. Главной мыслью стала идея о том, что «белорусские националисты сотрудничали в годы войны с фашистами с целью возрождения белорусской государственности и армии», а «советскому режиму удалось выстоять через привязку белорусских националистов к изменникам и предателям».

Что касается «ARCHE», то ситуация с данным изданием еще более удручающая, о чем свидетельствует тот факт, что его деятельностью заинтересовался Комитет государственной безопасности Беларуси, который объявил один из номеров экстремистским. И несмотря на то, что начатые судебные тяжбы были прекращены, назвать «ARCHE» журналом, который доносит до читателя проверенную научную информацию, достаточно сложно: большинство статей и материалов здесь преподносятся с позиции национальной нетерпимости и непроверенных источников с одной лишь целью — спровоцировать читающего. И наиболее ярко это проявляется в позиции издания относительно событий Великой Отечественной войны, когда в ряде случаев победы антифашистского советского движения сводятся к минимуму, а деятельность коллаборационистов, наоборот, преувеличивается. Интересно и то, что, по мнению ряда исследователей, большинство авторов данного журнала, которые пишут под псевдонимами, никакого отношения к белорусской интеллигенции и белорусскому национальному самосознанию не имеют, а занимаются переписыванием антирусской и антисоветской европейской литературы.

Помимо периодических изданий белорусская действительность полна различного рода и учебной литературы, где сплошь и рядом приводятся перевернутые с ног на голову факты, принижающие роль советского народа в победе, а так же внедряется мысль о том, что такого понятия, как Великая Отечественная война, нет. Например, в учебнике «История Беларуси», которая была разработана преподавателями БГУ еще в 2002 году, в разделе «Беларусь в период Второй мировой войны» нет даже упоминания термина «Великая Отечественная война»². Еще более ангажированное издание – «Нарысы па гісторыі Беларусі» 2003 года под редакцией профессора З. Шибекі, преподносит освободительный поход Красной Армии в сентябре 1939 года в качестве «советской захватнической акции», а А. Гитлер и И. Сталин называются соратниками, которые вместе готовились напасть на Польшу. Здесь же есть и вовсе странное утверждение: «Война вновь выявила стремление белорусов к независимости. Для народа, который веками терпел национальное угнетение и не имел суверенного государства, сотрудничество с немцами стало единым шансом спасения и укрепления своей отменности...»³. И уж совсем неприлично выглядят работы, где СССР представляется агрессором в отношении белорусских земель: в вышедшей в 2011 году книге М. Бартушка «Партизанская война в Беларуси в 1941–1944 гг.» есть глава, которая называется «Советская оккупация 1939–1941 гг. – начало гражданской войны», где утверждается, что события осени 1939 года приветствовали только евреи, которые попросту боялись погромов и немецких зверств, происходивших на территории Польши. Белорусы же и украинцы приход новой власти воспринимали без особого энтузиазма. Как будто и не было никакого притеснения местного населения со стороны польских властей, а белорусы жили счастливо и в достатке при Ю. Пилсудском⁴.

Однако, пожалуй, наиболее серьезным моментом в современной фальсификации истории ВОВ является то, что сегодня в странах постсоветского пространства и, к сожалению, в Беларуси проводится идеологическая обработка населения в духе национальной независимости и крайней исторической значимости. При этом тема войны используется в качестве основы. Подобное происходит

²История Беларуси: в 2-х ч. Мн., 2002.

³Нарысы па гісторыі Беларусі / Пад рэд. праф. З.Шыбекі. Мн., 200 – С. 298, 299, 333

⁴Бартушка М. Партизанская война ў Беларусі ў 1941–1944 гг. Мн., 2011 – С. 39

повсеместно, особенно на фоне попыток России сохранить единство славянских народов. Например, один из знаменательных символов Победы – георгиевскую ленточку – в ряде республик стали воспринимать как показатель имперских амбиций российского руководства. Даже в Республике Беларусь, где ее массово заменяют на ленточки с национальной символикой. Нечто подобное происходило в свое время в Прибалтике и на Украине, где местные националисты начинали с оскорблений России, пересматривая ее роль во Второй мировой войне, а закончили реабилитацией нацистских преступников и возрождением фашистской риторики.

Идеологическая война уже всюду развернулась и на просторах интернета, где упорно насаждается идея о том, что вся история ВОВ – это всего лишь выдумки советских историков, которые сегодня поддерживаются российским руководством. Даже, казалось бы, в абсолютно простых и проверенных исторических фактах пытаются найти «руку Кремля». Например, утверждается, что Россия намеренно фальсифицирует данные в Википедии, делая героев войны, родившихся на территории современной Украины или Белоруссии, «россиянами». Приводятся даже примеры того, что месторождением ряда героев войны (Йосиф Ираклевич Гусаковский, Степан Елизарович Артеменко, Иван Никифорович Бойко и даже Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский) значится Российская империя, а не Польша, Украина или Белоруссия⁵. И то, что на тот момент это было именно так, «патриотов-экспертов» совершенно не смущает. Главное – зародить тень сомнения и посеять зерно ненависти к России, выпатив свою национальную гордость, и получить от этого как можно больше похвалы от западных грантодателей.

Исходя из сложившейся ситуации, необходимо сделать неутешительный вывод, что сегодня на постсоветском пространстве повсеместно продвигается концепция Второй мировой войны, разработанная на Западе, где СССР и Германия несут одинаковую ответственность за начало кровавой бойни XX века. При этом не Советский Союз и его народ являются победителями, а Запад, который представляется таким «спасителем человечества» от тоталитаризма в виде «нацизма» и «большевизма». Россия же представляется правопреемником «агрессивной тоталитарной системы

⁵Правда и мифы о роли Украины в ВОВ: 25% дважды Героев Советского Союза – украинцы
// <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/entry1008213106.html>

или империи», с которой «демократически настроенным» странам ничего общего иметь нельзя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Бартушка М.* Партизанская война в Беларуси в 1941–1944 гг. Мн., 2011.
2. История Беларуси: в 2-х ч. Мн., 2002.
3. *Козлов А.В.* Адвокаты дьявола. История вооруженного националистического подполья на Западной Украине в 40–50-х годах XX века: основные способы и направления фальсификации. М.: На боевом посту, 2012. – 98 с.
4. Нарыс па гісторыі Беларусі / Пад рэд. праф. З.Шыбекі. Мн., 2003.
5. Правда и мифы о роли Украины в ВОВ: 25% дважды Героев Советского Союза – украинцы // <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/entry1008213106.html>

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ БЕЛАРУСИ КАК СИСТЕМА ФАЛЬСИФИКАЦИЙ (на примере происхождения этноса и государственности)

С.Е. Рассадин,
доктор исторических наук,
профессор Белорусского государственного
технологического университета

*Я – гісторык з «патрыётаў»!
Адрабляю свае трыццыць...у злотых:
услаўляю Рэч Пасапалітаю
(атрымоўваю таксама і ў літах я).
За тыя ж грошы нянавісьць сею:
Усяляк паклёпнічаю на Расею!
Малюю сваю «гістарычнаю карціну»:
Перакручваю беларусаў у нейкіх «ліцьвінаў»,
Гетмана-ляха выдаю за... «нашага»,
і, – патроху! – гаўляйтэра страшнага...
(«Споведзь ілжэ-гісторыка»)*

«Когда говорит он ложь, говорит своё...», – сказано в Евангелии от Иоанна (VIII: 44). Этим, фактически, характеризуется истинная сущность националистической историографии Беларуси как системы лжи. Что она представляет собой именно таковую, признаётся, между прочим, также и самими её представителями. В частности, один из них откровенно декларирует, что его задача заключается не в установлении исторической правды, а, в сущности, в обратном: в создании мифов. «Распрацоўка нацыянальнай візіі мінулага, – пишет Г.Н. Саганович, – непазбежна звязана

са стварэннем нацыянальных міфаў – маркераў, якія аддзялялі б карэнную нацыю ад іншых» [7]. Кстаті, вядома, як менавіта аддзяліў ад астатніх «арыйскую расу» прэтворэны ў жыццё «Der Mythos des zwanzigsten Jahrhunderts», – «миф XX века». Вядома, істочкі нацыяналістычнай фальсіфікацыі гісторыі Беларусі, нават, знайдзем па крайняй меры яшчэ ў XVI в. У 1620-х гг. ў інтарэсах літоўскай па паходжанню эліты Вялікага княства буквальна перапісваецца гісторыя заходніх зямель Древняй Русі. У выніку яе асноўнымі дзейснымі асобамі, асновамі нашых гарадоў і княстваў, «становяцца» выходцы з Прыбалтыкі. «А ў тую дзею даводзіўся князь вялікіі Монтывіл жомотскіі, – сказана, ў частнасці, ў так званай летапісі Красінскага, – іж Руская зямля спустела і князі рускіі розогнаны, і он, даўшы войско сыну сваяму Скірмонту, і паслаў з ім панавых радных, напярвей з Колюмнов іменем Кгрумпа, а другога з Врсіном іменем Екшис, а трэцяго з Рож іменем Кгровъжис. І зашлі за реку Велю, і потым пераішлі реку Немон і нашлі ў чатырох мільях ад рэкі Немна гору красную, і сподобалася ім, і вчынілі на ёй горад і называлі яго Новъгарадок. І вчыніў сабе князь вялікіі ў нем столец, і назваўся князем вялікім новъгарадскім» [4, С. 129]. Некаторыя нацыяналістычныя настроеныя «гісторыкі», відавочна, пераважаюць падобныя «беларуска-літоўскія летапісы» дрэвнерускім. Но, к прымеру, міфавы Кгрумп, які быў прадок Альбрэхта Гаштольда, які быў адным з заказчыкаў данай гістарычнай фальсіфікацыі, атрымаў сваё імя ад Грумпішэк, яго імяны ў Ошмянскім повете [2, С. 153].

Вядома, гістарычныя прадшэственнікі сучасных фальсіфікатараў пастаянна праявлялі сябе і пазней. У другой паловіне XIX в. аб гэтым з горечыю пісаў іеромонах Сяргій: «... каковае змяшчэнне латынскіх і польскіх паведамленняў? Пры гэтым пытанні толькі лі дастаткова аднаго пачуцця грусты і скорбы, калі бачыш, як безбоязненна і безнаказанна, ў вачах жа нашых, рука ворага насіла гістарычныя дакументы і пераказвала факты ў імя і карысць сваяй прапаганды, супраць і ў шкоду праваславія» [9, С. 5]. Вядома, не інакш як насілом над фактамі нельга, па-выглядна, назваць таксама і адну электронную публікацыю, тиражыраваную сайтамі «Хартыя-97» і «Беларускі партызан», як правіла, без паказання аўтарства. Аднак удалося атыскаць, калі яна ўсё ж суправаджаецца такім. Пры гэтым аўтар атрекамендован ў якасці «члена правлення польскага грамадства

«Полярис»» [5]. Вполне очевидна, впрочем, вторичность данной публикации по отношению к появившейся несколькими годами ранее [3]. Последняя была подготовлена на основании интервью, взятого у О.П. Балановского, ведущего сотрудника лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического научного центра Российской академии медицинских наук. Ему принадлежит не заставившее себя ждать опровержение [1]. Там содержится, кстати, следующее: «Но действительно надо было постараться, чтобы так всё переиначить!», «необоснованная интерпретация неверно изложенных результатов», «Как же можно было написать «да», если было однозначно сказано «нет»? Авторы интервью уличены в фальсификациях, так как сознательно «перепутали» данные по Кемеровской области и Краснодарскому краю, выдумали некий сенсационный результат французских генетиков, «который им пришлось утаить от граждан своей страны», опубликовали подложную, составленную ими же самими, карту территории, где «ещё сохраняются истинно русские гены», якобы совпадающую «с Русью времён Иоанна Грозного», наконец, когда утверждали, что, будто бы, «по Y-хромосоме генетическое расстояние между русскими и финнами Финляндии составляет всего 30 условных единиц», вследствие чего первые, якобы, «даже не славяне». «Таких данных по Y-хромосоме нет. Есть данные только по мтДНК», — сказано в опровержении О.П. Балановского. Тем не менее, в материале за подписью Д. Мезенцева как ни в чём не бывало значится: «А вот финны Финляндии оказались для русских куда генетически ближе, чем белорусы. Так, по Y-хромосоме генетическое расстояние между русскими и финнами Финляндии составляет всего 30 условных единиц (близкое родство)».

Впрочем, там же к «Коммерсантъ»-овскому первоисточнику добавлено довольно-таки много своего. Им утверждается, например, что великий князь Витовт якобы «был Рюриковичем». Общеизвестно, однако, что Vytautas, он же Wigand, он же Александр, был сыном вайделотки (литовской жрицы) Бируте и великого князя Кейстута, сына великого же князя Гедимина. Но кто был по происхождению сам основатель знаменитой одноименной, успешно конкурировавшей, кстати, с Рюриковичами, династии, точно неизвестно. Даже легенды связывают его происхождение с языческими литовскими князьями Пукувером или Витенем, но никогда — с Рюриковичами.

Не более доказательно и утверждение, что будто бы «этнос поляков и белорусов был создан на растворении в себе западных балтов».

Кстати, нам уже приходилось однажды ссылаться на результаты нашего признанного специалиста в области популяционной генетики: «Бесспорно достоверные и репрезентативные данные по этногеномике белорусов, полученные О.Г. Давыденко, демонстрируют несходство генома балтов и белорусов. Белорусы оказались генетически ближе, чем к своим ближайшим балтским соседям, не только к русским или украинцам, но и к любым другим славянам» [6, С. 188].

Знакомство с нашей историографией показывает, что подобной насильственной полонизации / литуанизации не избежала также и история государствообразования на территории Беларуси. Эту историю уже пытались скроить, к примеру, по польско-литовскому шаблону, к сожалению, явно имея в виду эпохальный брак «короля» Ядвиги и великого князя Ягайлы. Правда для этого потребовалось, просто-напросто, выдумать некую «Изяслаўну», якобы, дочь Изяслава Новогрудского. самого этого князя Г.Н. Семенчук & А.И. Шаланда сделали сватом Миндовга и, соответственно, дедом его старшего сына Войшелка. «...Паміж Міндоўгам і Ізяславам, – пишут они, – маглі быць сваяцкія адносіны, г. зн. літоўскі князь мог быць жанаты з дачкой князя Ізяслава»; «...Сын ад Ізяслаўны, Войшалк, стаў дарослым і як законны нашчадак мог распадраджацца землямі Наваградскага княства, бо правы Міндоўга, відаць, былі надалей намінальнымі». От воображаемого ими брака «рождается» не только будущий государь, Войшелк, но и само его государство: «Утварэнне Вялікага княства Літоўскага адбывалася шляхам аб'яднання Наваградскага княства («рускай Літвы») і ўладанняў Літоўскага князя Міндоўга («уласнай Літвы») у выніку магчымага шлюбу апошняга з дачкой Ізяслава Наваградскага; іншымі словамі, шляхам славянска-балцкай дынастычнай уніі» [8, С. 18–44]. Впоследствии А.И. Шаланда попытался повторить ту же версию о мифической «Изяслаўне» уже отдельно от Г.Н. Семенчука [78, С. 6], однако поддержки научного сообщества она не получила. Так, согласно А.С. Кибиню, родственные связи между Изяславом и Миндовгом, не подтверждающиеся источниками, – «не более, чем гипотеза» [10, С. 148]. В самом деле, с не меньшей вероятностью можно полагать, что Изяслав Новогрудский не имел ни одной дочери, или что он закончил своё правление вообще без каких-либо наследников, и литовским кунигасам его вотчина досталась как выморочная, или что его изгнали из Новогрудка по той же причине, по которой около 1186 г. изгнали из Грузии первого

мужа царицы Тамары «География Руси», то есть сына Андрея Боголюбского Юрия, оказавшегося, как известно, гомосексуалистом.

Версия об образовании Великого княжества Литовского посредством «Изяслаўны» представляет интерес, по-видимому, как показатель глубокого кризиса националистического «падыходу», который заставляет продуцировать явный вымысел.

Бедя неизбежно к заведомо ложным выводам, системно представленные в историографии домыслы вполне определённого характера далеко не безобидны. Обратим, однако, внимание только на один из них, – ввиду очевидного сходства с известными клише нацистской пропаганды. «Именно этой генетической разницей со славянами объясняется неприятие Москвией европейского образа жизни, ненависть к ВКЛ и полякам (то есть вообще к славянам), огромная любовь к Востоку и азиатским традициям», – значитесь в публикации за подписью Д. Мезенцева. Между прочим, 13 июля 1941 г. Гиммлером было заявлено: «...Вы продолжаете ту же борьбу против того же недочеловечества, против тех же низших рас, которые когда-то выступали под именем гуннов, ...затем они явились снова под именем Чингисхана и монголов. Сегодня они называются русскими под политическим знаменем большевизма».

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Балановский О.П.* Занимательная журналистика /О.П. Балановский // <http://genofond.invint.net/genofond.ru/default20451.html?s=0&p=380/>. – Дата доступа: 29.12.2014. Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. С.24-31.
2. Кибинь А.С. От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках /А.С. Кибинь. – М.: Квадрига. – 2014. – 272 с.
3. *Лаане Д., Петухов С.* Лицо русской национальности /Д. Лаане, С. Петухов // Коммерсантъ-Власть. – 2005. – №38. – С. 5.
4. *Летописи белорусско-литовские.* / Сост. и автор предисл. Н.Н. Улащик. – М.: Наука. – 1980. – 306 с.
5. *Мезенцев Д.* Российские генетики: белорусы и поляки – близнецы-братья, а русские даже не славяне /Д. Мезенцев // <http://diletant.ru/blogs/2610/5290/>. – Дата доступа: 29.12.2014.
6. *Рассадин С.Е.* Актуальные проблемы славяногенеза /С.Е. Рассадина // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2011. – Вып. 26. – С. 185–189.
7. *Сагановіч Г.М.* Аршанская бітва 1514 г. – канфлікт гістарыяграфій і ідэнтычнасцяў /Г.М. Сагановіч // Бібліятэка гістарычных артыкулаў // <http://www.jivebelarus>.

net/history/gistografia/orsha-battle-and-historical-identity-conflict.html?page=2#lnk1.
– Дата доступа: 29.12.2014.

8. *Семянчук Г.М., Шаланда А.І.* Да пытання аб пачатках Вялікага княства Літоўскага ў сярэдзіне XIII ст. // *Białoruskie zeszyty historyczne*. – 1999. – №11. – С. 18–44.

9. *Сергий* (иеромонах). Святая преподобная Евфросиния, княжна полотская, с историческим описанием основанного ею полотского девичьего Спасо-Преображенского монастыря и устроенного для монастырской церкви креста /иеромонах Сергей // Памятная книжка Витебской губернии на 1864 г. – СПб.: Типография К. Вульфа. – 1864. – С. 3–42.

10. *Шаланда А.І.* Паходжанне і лёс роду Міндоўга // Герольд Litherland. – 2003. – № 1–2 (9–10). – С. 3–9.

ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Н.М. Сергеев,
г. Минск

Прошло 15 лет, как был принят и вступил в силу Договор о создании Союзного государства России и Белоруссии. Однако нельзя сказать, что за это время достигнуты какие-то прорывные успехи в деле союзного строительства, хотя, конечно, определенные достижения имеются, в основном в области социально-экономической. И все же проект Союзного государства далеко не исчерпал свои возможности.

Так, выступая 21 октября 2014 г. на заседании Совета Министров Союзного государства глава правительства Российской Федерации Д.А. Медведев заявил, что «формат Союзного государства не исчезает, а, наоборот, последовательно укрепляется. В практическом плане это означает, что взаимодействие Постоянного комитета Союзного государства с Евразийской экономической комиссией нам необходимо расширить», т.к. «решающее значение имеет производственная кооперация и крупные совместные проекты, которые мы осуществляем в различных сферах: в промышленности, энергетике, а также выполнение научно-технологических и инновационных программ»¹.

Но только одного этого недостаточно. Для дальнейшего успешного развития и Республики Беларусь, и Союзного государства белорусскому обществу необходимо глубокое осознание принадлежности Белоруссии к Русскому миру и что ее будущее неотрывно от России. Только в этом случае могут быть устранены

¹http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Sojuznoe-gosudarstvo-s-sozdaniem-EAES-ne-ischeznet-a-budet-posledovatelno-ukrepljatsja---Medvedev_i_683780.html

существующие между Минском и Москвой определенные гуманитарно-психологические проблемы, которые не афишируются, но имеют место и реально создают сложности в союзном строительстве. Это особенно важно, т.к. постсоветский этап российской истории с его геополитическим отступлением и соглашательством в международных делах уходит в прошлое.

Союзнические отношения, как известно, предусматривают не только взаимные политические, торгово-экономические и иные преимущества и льготы в отношениях между союзниками, но и конкретные обязательства друг перед другом, каковые должны быть оформлены обязательными к исполнению документами.

В этой связи рассмотрим, как обстоят дела в такой важнейшей сфере как военная безопасность, тем более, что война на Украине и резкий рост военной активности НАТО на границах Союзного государства требуют соответствующего реагирования со стороны его стран-участниц. И здесь вырисовывается значительное несоответствие положений Договора набирающим силу военно-политическим тенденциям в мире и европейском регионе.

События на Украине показали, что для достижения своих военно-политических целей в восточнославянском регионе, главная из которых – закрепить на неопределенно продолжительный срок раскол исторической Руси, посеять раздор, а лучше ненависть среди русских (восточных) славян – геополитические противники России идут на взаимодействие с носителями такой человеконенавистнической нацистской доктрины как бандеровщина, которая стала официальной идеологией украинского государства. Носители бандеровщины (а их на Украине миллионы!) готовы не только убивать любого, кто думает иначе, чем они, но и имеют конкретные территориальные претензии как к Российской Федерации (Белгородская, Курская, Брянская, Воронежская обл.), так и к Республике Беларусь (Гомельская, Брестская обл.)².

Конечно, Украина на официальном уровне каких-либо территориальных притязаний не выдвигала. Так, этим сейчас никто и не занимается. Агрессия и вторжение осуществляются чаще всего посредством террора и экспорта революций, точнее, государственных переворотов. И это нешуточная угроза, ведь политический террор, диверсионно-подрывная деятельность, подлость и коварство являются главными методами войны по-бандеровски.

²<http://vz.ru/world/2014/3/7/676070.html>

Насколько готова система обороны Союзного государства к подобному, крайне неблагоприятному развороту событий? Статья 18 Договора о создании Союзного государства, определяет, что одной из основных целей этого интеграционного объединения являются: «совместная оборонная политика, координация деятельности в области военного строительства, развитие вооруженных сил государств-участников, совместное использование военной инфраструктуры и принятие других мер для поддержания обороноспособности Союзного государства».

И в соответствии с данным положением между военными ведомствами Белоруссии и России существует довольно тесное взаимодействие. Об этом, в частности, говорилось на прошедшем 29 октября 2014 г. в Минске заседании совместной коллегии министерств обороны Российской Федерации и Республики Беларусь³. Во время своего выступления тогдашний министр обороны РБ генерал-лейтенант Ю.В. Жадобин отметил «ежегодное усиление оборонного потенциала Союзного государства», «развитие и совершенствование региональной группировки войск». Особое внимание глава белорусского министерства обороны обратил на дальнейшее развитие Единой региональной системы ПВО и укрепление военно-технического сотрудничества. «В настоящее время заключено уже более 50 контрактов на поставку и модернизацию военной техники, еще десятки контрактов находятся на стадии согласования или разработки».

В свою очередь, министр обороны Российской Федерации генерал армии С.К. Шойгу подчеркнул, что в современных условиях важно иметь не только боеспособные вооруженные силы, но и дееспособные коллективные механизмы обеспечения международной безопасности.

Это чрезвычайно важный посыл, но насколько он воплощен в союзнических отношениях Республики Беларусь и Российской Федерации? За последний год военно-политическая обстановка на западных рубежах Союзного государства существенно накалилась. Жестокий конфликт на Украине коренным образом изменил обстановку в восточноевропейском регионе. Еще в 2013 г. даже самые прозорливые военные эксперты не могли предсказать ожесточенную войну между Донбассом и Луганщиной с одной стороны и Украиной с другой. При этом украинское руководство открыто

³<http://vsr.mil.by/2014/10/30/v-interesax-bezopasnosti-soyuznogo-gosudarstva-2/>

демонстрирует свое крайне враждебное отношение к России и к любым интеграционным начинаниям на постсоветском пространстве, включая и Союзное государство. Украина, по замыслу западных стратегов, должна стать «передовым рубежом давления на Союзное государство, повлиять на устойчивое развитие России и Белоруссии»⁴. По сути дела речь идет о намерении разрушить Союзное государство как интеграционное образование, тем более, что за прошедшие полтора десятилетия процесс воссоединения России и Белоруссии так и не приобрел необратимый характер.

На конец ноября 2014 г. количество беженцев с Украины на территории Белоруссии превысило 40 тысяч человек⁵, подавляющее большинство из которых действительно вынуждено было спасать себя и свои семьи от гибели и войны. Но никто не сможет поручиться за то, что среди этих десятков тысяч обездоленных людей могут оказаться опытные специалисты по подрывной деятельности, организации жестких беспорядков и мятежей. Данный вопрос усугубляется еще тем обстоятельством, что все они имеют славянскую внешность и говорят по-русски без иностранного акцента, т.е. ничем не отличаются от обычного белорусского гражданина.

Органы государственной власти Республики Беларусь уделяют большое внимание обустройству украинских беженцев. Так, 30 августа 2014 г. А.Г. Лукашенко подписал специальный указ «О пребывании граждан Украины в Республике Беларусь»⁶, который значительно упрощает процедуру назначения государственных пособий беженцам с Украины, обеспечивает право на дошкольное, общее среднее и специальное образование их несовершеннолетним детям, а также предоставляет возможность быстрого трудоустройства. Для решения последней задачи министерством труда и социальной защиты РБ опубликован список вакансий на предприятиях и в учреждениях республики. На начало декабря 2014 г. более трети лиц из числа украинских беженцев уже получили работу. При этом многие предприятия предоставляют не только работу, но и общежитие. Большинство из трудоустроившихся беженцев выбрали рабочие специальности в Минске и Минской области⁷.

⁴<http://itar-tass.com/politika/1539646>

⁵<http://ej.by/news/sociaty/2014/11/26/chislo-ukrainskih-bezhentsev-v-belarusi-udvoilos.html>

⁶http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/ukaz-420-ot-30-avgusta-2014-g-9659/

⁷<http://ej.by/news/sociaty/2014/11/19/tret-ukrainskih-migrantov-v-belarusi-uzhe-nashla-rabotu.html>

Однако украинскими беженцами занимаются не только белорусские власти, но и посольство Украины в Белоруссии, а также Белорусское общественное объединение украинцев «Варта», Центр украинской культуры «Січ», Гродненское культурно-просветительское общественное объединение украинцев «Барвинок», Украинское научно-педагогическое общество «Берегиня», Украинское музыкальное товарищество «Криниця»⁸. В условиях войны против Новороссии эти общественные организации поддерживают действия официального Киева, пропитаны бандеровским духом и стремятся сформировать в белорусском обществе положительное восприятие преступной политики киевских властей в отношении Донецкой и Луганской народных республик. С этой целью представители упомянутых украинских обществ используют проходящие в Белоруссии концерты украинских музыкальных коллективов и встречи с украинскими деятелями культуры и искусства. На подобных мероприятиях не только воспеваются «Єдина країна», но и всячески разжигаются антироссийские настроения.

Так, 21 ноября 2014 г. в Минске в крупнейшем спортивно-развлекательном комплексе «Минск-Арена» состоялось выступление львовской рок-группы «Океан Ельзи» («Океан Эльзы»), известной своей поддержкой, проводимой киевским режимом т.н. АТО. Вот как описывает концерт этой рок-группы один из самых посещаемых в Белоруссии интернет-ресурсов:

«Вокалист и лидер группы весь вечер благодарил белорусов за поддержку как самих музыкантов, так и их Родины – Украины. После этих слов Святослав объявил «очень интимную песню памяти тех, кого уже нет» – «На лінії вогню». Вся арена засверкала огоньками мобильных телефонов»⁹. А если к этому добавить, что на сцене и в зале пестрели «желто-блакитные» ленты и флаги, то несложно себе представить, какое идейное наполнение было у этого рок-представления.

К этому следует добавить не прекращающийся «польский интерес» к Белоруссии, в частности, как к наиболее слабому звену Союзного государства, который в последнее время начал заметно возрастать. К примеру, 4 декабря 2014 г. в комиссии по иностранным делам сейма Польши состоялась встреча польских депутатов с представителями белорусской прозападной оппозиции и бело-

⁸<http://ukraine.by/>

⁹<http://afisha.tut.by/news/kaleidoscope/424835.html>

русской диаспоры в Польше. Речь шла о предстоящих в 2015 г. президентских выборах и перспективах сближения Белоруссии с Польшей, Евросоюзом и НАТО. После встречи заместитель председателя прозападного движения «За свободу» Юрий Губаревич с удовлетворением заявил, что «Беларусь возвращается в круг интересов польской политики»¹⁰.

Что такое польский интерес относительно Белоруссии хорошо известно – это отрыв Белоруссии от России и Русского мира и втягивание Республики Беларусь в антироссийский геополитический проект под наименованием «4-я Речь Посполитая». Для достижения же своих целей в регионе Польша и ее западные покровители, как показывает трагический и кровавый опыт Украины, готовы использовать самые неприглядные методы. Поэтому никак нельзя исключать, что уже в ходе предстоящей предвыборной президентской кампании Запад постарается сформировать из прозападной оппозиции с привлечением радикальной части украинских беженцев ударные силы для проведения белорусского «майдана». И это не сгущение красок, а один из наиболее вероятных вариантов развития событий.

Насколько Союзное государство, точнее, его субъекты готовы к подобному развороту событий, существует ли договорно-правовая база для решительного противодействия «украинскому» сценарию, а, следовательно, разрушению белорусско-российского Союза?

Пример Украины показывает, что опора только на силы МВД с ограниченной возможностью применения оружия может привести к обрушению государственной власти, как это имело место в случае с президентом Януковичем.

Как определены полномочия союзников в случае возникновения внутреннего конфликта и массовых беспорядков в Белоруссии, особенно если они перерастут в вооруженное противостояние? Как должны действовать вооруженные силы, включая Региональную группировку войск и другие воинские формирования в этих обстоятельствах? В случае использования белорусских вооруженных сил порядок их применения будет определять президент Белоруссии, а если государственная власть в РБ все-таки рухнет, кто будет принимать решения в этом случае? И вообще, какова должна быть роль Российской Федерации и ее силовых структур при развертывании подобного сценария?

¹⁰<http://pyx.by/rus/novosti/mir/3836/>

Ведь может случиться так, что, к примеру, белорусская сторона заявит, что нуждается в помощи, а российская объявит о нейтральной позиции в конфликте. Или наоборот, белорусские власти будут полагать, что контролируют обстановку, а российской стороне будет очевидно, что ситуация становится неуправляемой и несет прямую угрозу национальным интересам Российской Федерации и безопасности Союзного государства и возникла необходимость силовой помощи со стороны России. И таких непонятных сторон в союзнических отношениях достаточно много.

В нынешних условиях, когда происходит резкое обострение борьбы на международной арене, государствам-участникам Союзного государства необходимо перейти в области безопасности на четкую правовую основу, что не противоречит принятой в 2010 г. Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, предусматривающей «сохранение и укрепление основ Союзного государства, реализацию имеющегося конструктивного потенциала стратегического партнерства с Российской Федерацией»¹¹.

Речь идет о формировании Концепции безопасности Союзного государства, согласованной выработке военных доктрин государств-участников Союзного государства с последующим заключением полноценного военного союза для совместного обеспечения военной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь.

Однако безопасность Союзного государства предполагает не только сугубо военную составляющую, важнейшим ее элементом выступает гуманитарный компонент, т.к. любые общественные потрясения происходят не сами по себе, а становятся прямым следствием целенаправленного формирования соответствующих общественных настроений. Украинская трагедия яркий тому пример. За два десятилетия суверенного существования на Украине произошли катастрофические изменения самосознания миллионов восточных славян, в основе которых лежит преднамеренная историческая ложь, ставшая идеологической базой государственной идеологии современного украинского государства.

К сожалению, гуманитарная составляющая союзного строительства выражена явно недостаточно. Взаимодействие между субъектами Союзного государства в гуманитарной сфере в большинстве своем носит сугубо формальный характер и не способ-

¹¹http://mchs.gov.by/rus/main/koncepciya_nacionalnoi_bezopasnosti_respubliki_bielarus

ствует формированию у белорусских и российских граждан (а они в соответствии со ст. 14 Договора о создании Союзного государства являются также и его гражданами) осознания своей гражданско-политической общности.

При этом не исключено, что существующее политическое очертание Союзного государства будет сохраняться неопределенно длительное время и это обстоятельство ведет к резкому возрастанию значимости духовных и национально-культурных скреп белорусско-российского единства.

Поэтому усилия в гуманитарной сфере должны быть направлены на укрепления общерусского (восточнославянского) цивилизационного единства нынешних России и Белоруссии. Казалось бы, очевидный факт принадлежности Белоруссии наравне с Россией к Русскому миру вызывает ожесточенные нападки со стороны противников общерусского единства.

Уже в течение длительного времени в республике проводится системная политика в области культуры и образования, цель которой лишить белорусов исторической памяти об их русском происхождении. Отсюда едва ли не государственный культ оставивших кровавый след в истории Белой Руси польско-литовских магнатов Радзивиллов, переименование Отечественной войны 1812 г. в просто «войну 1812 г.» или даже в «русско-французскую войну». И наконец, упорное нежелание властей присвоить 17 сентября (день начала Освободительного похода Красной Армии 1939 г. в Западную Белоруссию) статус праздничной (как это было в советское время) или хотя бы памятной даты¹².

Подобная позиция имеет не только антиобщерусскую, но и антибелорусскую направленность, т.к. нацелена не только на разрушение общерусского единства, но и способна лишить белорусов их собственной национально-культурной основы и превратить в безродную русофобски настроенную массу, враждебно относящуюся не только к России и Русскому миру, но и к подлинной истории белорусского народа.

Исходя из сказанного следует, что будущее Союзного государства непосредственно зависит не только от успешности программ в области экономики, науки и техники, но и от умонастроений белорусского общества, особенно той ее части, которая претендует на роль политической и культурной элиты. И вот в этом вопросе

¹²http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=15703&SECTION_ID=6

дела обстоят очень непросто. Ныне существующие белорусские элиты по большей части не обладают самостоятельным кругозором, мыслят или категориями местечкового сиюминутного интереса или находятся под сильным польско-евросоюзовским влиянием.

Приходится констатировать, что за полтора десятилетия действия Договора о создании Союзного государства вопрос о формировании просоюзных, а точнее, общерусских настроений так и не был переведен в практическую плоскость и до сих пор остается уделом благих пожеланий и частных инициатив. С другой стороны, лишь одних экономических связей (пусть даже в виде единого экономического пространства) и военного сотрудничества недостаточно для создания реально дееспособного союзного образования. Давно перезрел вопрос о формировании и внедрении в практику многогранной программы созидания Русского мира, без которой рассчитывать на успешность интеграционных проектов на постсоветском пространстве не имеет смысла.

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПОЛОЦКОГО КНЯЖЕСТВА В X—XIII вв.

Священник *Алексий Хотеев*,
настоятель прихода
в честь св. Иоанна Кронштадтского в г. Минске

Изложение истории современных государств России, Украины и Беларуси не может обминуть тот значимый период их общей истории, который называется периодом древнерусским или временем Киевской Руси. Тогда восточные славяне создали свое государство, ставшее выражением их народного единства.

Нужно отметить, что сейчас произошел закономерный отход в изложении этой эпохи от прежних советских идеологических схем, когда делался акцент на социально-экономических отношениях, на генезисе феодализма. Одни исследователи пытаются теперь применить в изучении древнерусского периода новые методы, обращаются, например, к американской политической антропологии и адаптируют для этого времени концепцию «вождества»¹. Киевская Русь рассматривается как доклассовое «военное государство» или «дружинное государство»². Другие исследователи в условиях существования новых государственных образований в Восточной Европе обращаются к прежним опытам изложения национальной истории начала XX в. В Республики Беларусь популярными стали очерки В.Ю. Ластовского, В.М. Игнатовского, которые преподносятся как «незаслуженно забытые», а теперь актуальные³. История Полоцкой земли, ведущей якобы борьбу за независимость от Кие-

¹Дворниченко А.Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. Учебное пособие. — М.: Весь мир, 2010. — С. 102.

²Темушев С.Н. Образование древнерусского государства. — М.: Квадрига, 2014. — С. 121.

³Ластоўскі В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. — Мн.: Універсітэцкае, 1993. Ігнатаўскі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. — Мн.: Беларусь, 1992.

ва, стала интерпретироваться в таком контексте в качестве истока белорусской государственности⁴. Отдельные белорусские историки-публицисты вроде В. Орлова прямо заявляют о том, что «Киевская Русь» – это придуманный термин, лоскутное государство из разных этносов, а древнерусской народности никогда не существовало⁵. Впрочем, у некоторых современных российских исследователей также можно встретить похожее утверждение, что «идея об изначальном единстве восточных славян и распространения их из одного общего центра – Приднепровья должна быть окончательно отброшена»⁶.

Понятно, что ставшая популярной националистическая концепция изложения истории так или иначе значительно ее модернизирует под действием политической конъюнктуры. Можно выделить здесь следующие характерные признаки: абсолютизацию определенных ценностей, например, когда идея государственной независимости считается такой же ценностью в древнерусский период как и во время развития национальных государств; избирательность фактов для иллюстрации постулируемых положений, например, много говорится о военном противостоянии Полоцка и Киева, а об их совместных военных предприятиях и мирных взаимоотношениях не упоминается; конструирование мифов, например, мифологизация князя Всеслава Брячиславича, приложение к нему прозвища Чародей; сенсационность, описание якобы «неизвестной», «запрещенной» истории; ярко выраженный субъективизм – упор на авторское право интерпретации событий; популизм в изложении. Конечно, такие черты присущи, в первую очередь, литературе, рассчитанной на массового читателя.

Между тем в недавнее время появились несколько обобщающих работ крупных исследователей истории Западной Руси. В первую очередь, работа российского археолога Л.В. Алексеева «Западные земли домонгольской Руси» (М., 2006, в 2 книгах). И конечно, значимым событием уходящего года стало появление книги известного белорусского ученого Э.М. Загоруйского «Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века» (Мн., 2014). В последней книге, написанной достаточно популярным языком, представлена, что очень важно, аргументированная авторская позиция по многим спорным вопросам политической истории Полоцкого княжества, актуальным для Белоруссии.

⁴История Беларуси: Вопросы и ответы / сост. Г.Я. Голенченко, В.П. Осмоловский. –Мн.: Беларусь, 1993. – С.6.

⁵Арлоў У.А. Таямніцы полацкай госторыі. –Мн.: Беларусь, 1994. – С. 27.

⁶Дворниченко А.Ю. Указ. Соч. – С. 92.

Принципиальным является вопрос о характере государственности Киевской Руси. Ведь в письменных памятниках той эпохи главными действующими лицами являются князья, а не народ. Это они своими походами создают государственную территорию, устанавливают свой суд и налагают на покоренных дань. В летописях создание государства есть утверждение одной княжеской династии Рюриковичей, о других местных князьях и правителях говорится очень мало. В связи с этим возникает естественный вопрос: не было ли образование государства с центром в Киеве результатом только внешнего принуждения?

Нужно сказать, что мнение о силе киевского князя как единственном основании государственности в Древней Руси было пересмотрено русскими историками еще в середине XIX в. Уже С.М. Соловьев полагал, что славяне, расселяясь родами, призывали князей по традиции иметь родового владыку, старейшину, управителя, с передачей ему военных и судебных функций⁷. В.О. Ключевский видел в образовании Киевского государства соединение экономического интереса русских городов по торговому пути «из варяг в греки», призвавших варяжских князей для его защиты, с завоевательной политикой покорения соседних областей, напрямую в этом торговом движении не заинтересованных⁸. Эти представления были скорее логической, чем исторической схемой, однако в них происходил существенный переход от описания установления великокняжеской власти к уяснению самих условий ее возникновения. Здесь важно отметить то, что наряду с развитием правительственного начала стоит согласие самой земли-княжения. В советской историографии становление государственного строя связывалось с ростом производительных сил и выделением из среды равных общинников более состоятельных и знатных людей, их объединение и закрепление их наследственного господствующего положения в обществе⁹. В современной историографии отмечается, что государство не является просто репрессивным механизмом реализации целей господствующего класса, а системой отношений, обеспечивающих целостность и нормальное функционирование социального организма на определенной территории¹⁰. В связи

⁷Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М.: Мысль, 1988. Кн. 1. Т.1. – С. 213.

⁸Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т.1. Курс русской истории. Ч.1. – М.: Мысль, 1987. – С. 156–161.

⁹История СССР. Под. ред. Б.Д. Грекова. Т.1. С древнейших времен до конца XVIII в. – М.: ОГИЗ. 1947. – С.74–87.

¹⁰См. подробнее: Темушев С.Н. Образование Древнерусского государства. – М.: Квадрига, 2014. – С. 103–113.

с этим нужно отметить, что государственная власть характеризуется не только степенью принуждения, но и степенью ее добровольного признания, поскольку в любом политически развитом человеческом обществе признается право той или иной государственной структуры диктовать свою власть. Исходя из такой точки зрения, следует признать, что создание государства не есть дело отдельных правителей, а дело всего народа. Поэтому имеет смысл говорить о существовании общего этнического самосознания и древнерусской народности в обозначенный период. Причем немалую роль в формировании «общеземского чувства», в терминологии В.О. Ключевского¹¹, сыграло принятие восточного христианства.

Если посмотреть теперь на политическое развитие Полоцкого княжества в X–XIII вв., то можно увидеть, что оно органически происходило в государственной системе Киевской Руси. Как и другие русские города, центры ремесла и торговли, Полоцк возник на берегу реки, служащей торговым путем (в данном случае из Поднепровья в Прибалтику по Западной Двине). Одновременно он стал важным военно-административным центром. Уже под 862 г. «Повесть временных лет» упоминает его как город кривичей, вместе с другими городами Северной Руси относящийся к княжеству Рюрика. После объединения двух политических центров на севере и юге Руси, т.е. Новгорода и Киева, Полоцк не теряет своего значения. Под 907 г. он назван среди городов, где сидели под властью Олега другие «великие князья», а сам город получил наряду с другими важнейшими городами греческую дань. Вполне возможно, что уже при Святославе в Полоцке появился варяжский князь Рогволод, и трудно сказать, был ли он независимым правителем или же великокняжеским наместником.

При Владимире система наместничества была заменена удельной системой управления государством. В отдельные земли направляются сыновья великого князя. Вполне возможно, что таким образом виделся Владимиру наилучший способ распространения и укрепления христианской веры. В Полоцке закрепились княжеская линия Изяславичей. Представители этой династии не столько враждовали с киевскими Ярославичами, сколько не упускали случая поживиться за счет соседей, предпринимали грабительские походы на соседние новгородские и смоленские земли. Этим отличились Брячислав Полоцкий, его сын Всеслав и внук

¹¹Ключевский В.О. Указ. Соч. – С.212.

Глеб, князь Минский. Киевские князья неоднократно призывали Изяславичей к порядку, чем и вызваны были походы в 1021, 1067, 1071, 1077, 1084 (1085), 1116, 1119, 1128 годах. Во второй половине XII в. полоцкие князья воевали больше между собой, что опять же понуждало соседей вмешиваться ради их усмирения.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что полоцкие князья немало воевали в союзе с Киевом. Так, по замечанию летописца, Брячислав воевал в союзе с Ярославом до своей смерти в 1044 г. Можно заключить, что Брячислав подавал ему свою помощь в борьбе с Мстиславом Тмутараканским, в походах на литовцев и поляков, в окончательном поражении печенегов под Киевом, в последнем военном предприятии против Византии. Всеслав в 1060 г. участвовал в совместном походе русских князей на торков. Можно думать, что он и во время своего кратковременного княжения в Киеве в 1069 г. водил полки на половцев (как сказано в «Слове о полку Игоревом», «из Киева дорискиваша до кур Тмутароканя, великому Хрѣсови вълком путь прерыскаше»)¹². Сама высылка полоцких князей в Византию в 1129 г. была мотивирована их отказом защищать Русскую землю против половцев вместе с другими русскими князьями.

Нужно обозначить и то, что между полоцкими и киевскими князьями заключались брачные союзы. Например, в 1073 г. Всеслав Брячиславич женил своего сына Глеба на Анастасии, внучке своего противника Изяслава Ярославича. Князь полоцкий Василько в 1043 г. выдал свою дочь за сына киевского князя Всеволода Ольговича. В 1144 г. Рогволод Борисович, князь Друцкий, оказывается на полоцком столе благодаря женитьбе на дочери киевского князя Изяслава Мстиславича¹³.

Конечно, политическая история Киевской Руси ставит перед исследователями немало вопросов. Однако можно с уверенностью сказать, что Полоцкое княжество было органической частью Русской земли. Почему в договоре с Ригой в 1264 г. прямо говорилось магистру и братьям отступить и возвратиться в свои пределы, потому что «Руськая земля словет Полочская»¹⁴.

¹²Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. Т.1.— Мн.: АНБССР, 1959. — С. 74.

¹³Э.М. Загоруйский. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. Мн.: Четыре четверти, 2014. — С. 99, 115, 128.

¹⁴Белоруссия в эпоху феодализма... — С. 74.

О СУТИ ДЕФОРМАЦИИ САМОСОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ

И. А. Чарота,
заведующий кафедрой
славянских литератур БГУ,
доктор филологических наук,
профессор,
академик Сербской академии наук

Как бы ни старались мы избегать некоторых страшных определений по отношению к реальности, в которой пребываем, все равно не удастся. Говоря это, я имею в виду, прежде всего, ужасное понятие «война», которое неумолимо нас преследуют уже не как именование периода истории, а как объективная характеристика происходящего.

Вот и мне доводилось высказываться: третья мировая война идет... Конечно, даже произносить это страшно. А следует ли бояться так думать и говорить? Пожалуй, не следует. Хотя бы потому, что дело касается не событий прошедших, которые изменить уже невозможно, а происходящего ныне, свидетелями-участниками чего мы являемся и за что несем ответственность перед потомками. Так или иначе, ретроспектива обращается в перспективу.

Думается, большинство участников этого «круглого стола» видит и понимает, что война идет-таки. Причем мировая. Однозначно и категорично это определение использовать нам не дают формы ведения войны – иные, нежели в скорбно памятных предыдущих случаях. Кстати, показательно, что не только специалисты, но и широкие массы как-то свыклись было с понятием «холодная война», а теперь свыкаются с понятием «информационная война», пусть и без уточнений, что они мировые. Однако суть не только в

этом: ведь все мы – с разными, правда, реакциями – наблюдаем, как неудержимо расширяется да разгорается война цивилизаций, война мировоззрений, война идей и идеалов, война опорных смыслов бытия, война кодов сознания, война духовно-нравственно-психических моделей человека....

И охватывает она весь мир, имея уже очевидные результаты. Вряд ли кто-то сможет убежденно оспаривать то, что на наших глазах существенно меняется самосознание многих народов глобально «перестраиваемого» мира. Налицо утрата разумного начала и контроля разума, собственно самосознания – исторического, национального, духовно-культурного...

Но я собрался поразмышлять вслух не о других, более или менее отдаленных, а о народе моем, кровно родном. И не могу не поделиться тревогой из-за того, что у моих соотечественников-соплеменников за последние два десятилетия – в итоге «перестройки» советской и глобальной – самосознание подверглось весьма заметной деформации.

Приходится констатировать, что массовое общественное сознание граждан Республики Беларусь, как и большинства постсоветских республик, все более подчиняется идее Европы. Причем дело-то в притягательности не идеи самой по себе, в ее конкретно-историческом содержании или философской сути. Манящими, по прагматическим соображениям, оказываются всего лишь обещанные преимущества нового надгосударственного устройства жизни на континенте и, что особенно симптоматично, структуры, на которых будто бы клином сошелся свет – Европейский Союз, Европейский суд, Европейский Банк да плюс еще общеевропейская денежная единица. А вождеденность их для обедневшего после известных катаклизмов большинства населения бывшего СССР изначально предопределялась и все еще поддерживается идеологемами соответствующего рода: «европейский стандарт», «европейский уровень жизни», «европейские ценности как общечеловеческие», «передовая цивилизация Европы», «достижения европейской культуры» и, конечно же, «объединенная Европа», «общеевропейский дом».

Вследствие соответствующей «промывки мозгов», разного рода мытья и катанья, в Беларуси, прежде всего – среди интеллигенции, уже в самом начале 1990-х годов нашлось немало тех, кто стал полагаться на преимущества идеологического «евроопта» и с энтузиазмом приступил к капитальному «евроремонту» унасле-

дованного дома, а также к соответствующему «окультуриванию» среды: силами таких были созданы Европейский гуманитарный университет и просветительская организация «ЕвроФорум», «Европейский клуб», «Европейский учительский клуб», учреждены «Европейская газета», радиостанция «Европа Плюс» и т.д. и т.п. вплоть до «Еврообоев» и «Евродент Гинекологии» – «чтобы прояснить над Беларусью европейское небо...» [1]. Кстати, предпринимались также и активные попытки заменить кириллическую азбуку, которая, дескать, для белорусов сужает горизонты, ограничивает светлые перспективы интеграции в Европу...

Примечательно, что и до, и после того, как интеграционно-глобализационно-дебилизационный «процесс пошел», содержание фоновых идеологем вообще не подлежало хоть какому-то обсуждению, несмотря на то, что в каждом конкретном случае имелись поводы серьезные. Скажем, когда нам в качестве идеального предлагалось «открытое общество», все же стоило уточнять: для чего оно должно быть открытым – для перевалочных баз чужого оружия и наркотиков, для распространения сатанизма, для культа силы, для разрушения семей, для беспредела деморализации, т.е. для разрушения тысячелетних традиций и сформированного духовного генотипа? Да и когда декларировался «приоритет прав человека», никто внятно не мог и даже не собирался объяснить, как эти права сочетаются с правами наций и народностей, т.е. с процессами национально-государственной суверенизации в рамках существовавших объединений, равно как и с присвоением основных имущественных, да и гражданских в целом, прав ново-явленными олигархами. Пропаганда «передовой культуры и цивилизации», опять-таки, а priori отвергала опасения насчет того, что мы оказываемся в страшной зависимости от кока-цивилизации, американской псевдокультуры, о которой автору этих строк один старый сербский монах сказал так: «Что нам ихнее, когда у нас в каждом сельском доме сохранились культурные ценности, в несколько раз старше самой Америки?!» От себя добавим, ради уточнения: наша славянская, православная культура – это понятие, производное от культа иного, нежели культ доллара или культ овцы Долли. И в этом ее несомненная значимость, да и непреходящая актуальность.

Однако белорусов тоже манили ориентиры иные – ведущие в реальной перспективе к состоянию, которое публицист, соотечественник упомянутого монаха, без обиняков оценил следующим

образом: «Огромное большинство народов мира уже окончательно утратило свои корни, подвергшись декультуризации. Вместо активного развития и созидания собственных культур они стали пассивными потребителями «интернациональных» суррогатов утраченных ценностей, то есть антикультуры «made in USA» [2].

Особенно опасным было то, что в сознании большей части белорусов из желанной европейскости как бы закономерно и неизбежно выпадала славянскость, в прежние времена по всем критериям чрезвычайно важная для белорусской «самости». А со временем привычной стала установка, что славянскую общность следует понимать как надуманный концепт, абстракцию. В лучшем случае, у нас она трактуется как произвольно выборочное сочетание – чего с чем, неважно. Одним словом, в белорусском обществе исподволь складывались предпосылки для деславянизации в определении геополитических ориентиров, а также и векторов эволюции сознания. В частности, симптоматично распространение специфических «теорий» этногенеза белорусов не как славян, а народа, сложившегося на балтском субстрате, по специфической литовской линии; или – на субстрате ятвяжском, опять же специфически, отдельно от русских, формировавшегося... Незаметно, вроде бы, самоценным становился вопрос именно о субстрате, а несуществовавшей (что засвидетельствовано бесчисленным множеством документов) общности, в которой нынешние белорусы законно сами себя считали «РУСами», «РУСичами», «РУСкими», «РУСинами», «белоРУСцами» и как таковые именно воспринимались всеми иноземцами.

А к нынешнему времени под воздействием антирусских концепций уже выросло и воспиталось целое поколение граждан «суверенной и независимой» Беларуси, для которых по отношению к их стране, их согражданам не имеют особого значения, а то и просто неприемлемыми, являются понятия «общерусские корни», (бело)русский народ как «ветвь русской общности», «составляющая русской цивилизации», «сегмент/элемент русского мира», не говоря уже о сохранившемся в историографии определении «Западная Русь», которое по отношению к современности, геополитической реальности наших дней, в самом деле вряд ли уместно. Какие-то частности этого большого вопроса действительно следовало бы выносить на широкое обсуждение, не позволяя при этом, чтобы производилось искажение главного. Но, увы, у нас все упомянутые выше понятия стали почти безапелляционно интерпре-

тироваться как свидетельства утраты собственного национального сознания в результате влияния «российской имперской политики и идеологии». Так что представители молодого поколения, особо не задумываясь, легко могут солидаризироваться с небезызвестным в среде белорусской «образованщины» Яном Станкевичем (1891 – 1976), который предлагал «...отбросить смешное и вредное название «белорус» и назвать себя нашим исконным славным именем кривичи (*Здесь и далее в цитатах подчеркивания наши.* – И.Ч.) [3]. Стоит обратить внимание, что это позиция не одного Станкевича. Ее поддерживал ряд представителей «возрождения» начала XX века. В частности, высокоавторитетный в кругах нынешней белорусской интеллигенции Вацлав Ластовский (1883 – 1938), считавший, что именованию «Крывіа ... предназначено в истории народа замкнуть круг времени, быть очистительным огнём, магическим дорожным знаком, целебной и живительной водой Возрождения Народа», и активно это именование закреплявший своими историографическими и лексикографическими разработками [4]. Намерение «замкнуть круг времени» носителям такой идеологии окончательно привести к реализации пока не удалось. Однако сама эта идея, в «инвариантах», развивается также многими гуманитариями Беларуси наших дней – даже с усугублением антирусской-антироссийской и антиправославной направленности при интерпретации самых разных явлений. Например: «Заметим, что названия «Белая Русь», «белорусский», «белорусец» по отношению к нашим землям появились только в середине XVII в. во время войн Московского государства с Речью Посполитой. Видать, именно от москвитин исходила инициатива назвать жителей смежного государства [тех, кто исповедовал русскую (православную) веру] белорусцами. Потому использование термина «белорусы» было чрезвычайно удачным: это давало России возможность убедительно обосновать свою захватническую политику» [5]; «... Католичество, например, с его дисциплинированностью полезно подействовало на белорусскую психику, зачатки белорусского возрожденческого движения тоже появились в католической среде (К.Калиновский, Я.Барщевский, Я.Чачот, В.Дунин-Марцинкевич, Ф.Багушевич и др.), католичество оказало влияние и на православие, которое в Беларуси отличается от российского и не имеет ни цезарепапизма, ни крайней пассивности, оно открыло двери для белорусского народа и в международной жизни (например, Ватиканская радиостанция первая включила белорусские передачи в

свою программу), и благодаря католицизму белорусы причисляют себя к народу Запада и др.»; «Разделы Речи Посполитой в конце XVIII столетия осуществили извечную цель Москвы по отношению к Беларуси, которая включала в себя прежде всего воцарение на наших землях православия и самодержавия» [6]; «Под тревожные звуки органа национальная душа не могла уснуть, в то время как «малиновый звон» густым елеем обволакивал, утихомиривал и расслаблял мятежные мысли и устремления. Я не собираюсь оскорблять ничьих нынешних религиозных чувств, я только пытаюсь понять объективное преимущество в нашем колониальном прошлом фермента западнохристианской евроцентричности... Нетрудно догадаться, какую официальную роль выполняло православие с конца XVIII в. на аннексированных российским царизмом территориях Беларуси, – оно проводило колониальную политику в духовной сфере (...) Тогда католицизм на Беларуси выступил альтернативой, средством защиты своей духовной независимости в условиях наступления царизма (...) Все лидеры бунтарей, повстанцев, косионеров тех времен были преимущественно из католической среды (...) В конце концов, и само понятие «католицизм» переводится как «общечеловеческий», «международный»...» [7]; «Видать, кроме политических, есть и объективные, обусловленные состоянием и развитием культуры причины немассовости возрожденческого движения белорусов. Конечно, главная из них – подколониальное существование белорусской культуры в XX веке, существование ПОД культурой расейской» [8].

Результаты дерусификации получили уже закрепление не только в отдельных бесцензурных публикациях, но и в учебных пособиях для школ разных уровней:

так, для обозначения возврата русского языка (вместо польского) как языка школы, культуры и делопроизводства в конце XVIII и во второй половине XIX вв., общеупотребительным термином становится «русификация», нередко – с эпитетом «принудительная»;

многие историки вслед за публицистами подчеркивают значение «немосковских эпох» – особенно Великого княжества Литовского (1366–1569) и Речи Посполитой двух народов (1569–1795) – дескать, вместе с Россией предки нынешних белорусов были всего 120 лет (на протяжении 1795 – 1915 гг.), тогда как с Польшей – 236, да и удельные княжества, а затем ВКЛ тоже существовали без Московии;

давали все-таки свои плоды публичные дискуссии, является ли для белорусов Отечественная война 1812 года, в ходе которых действительно предлагалось установить памятники не только белорусам, воевавшим на стороне французов, но и самому Наполеону; в ряде СМИ подобные вопросы ставились в связи с Первой мировой войной; такого же плана диспуты навязывались неоднократно и по отношению к Великой Отечественной (Второй мировой) войне.

Уже четверть века у нас многие будто бы пекутся о национальной идее. Но, как правило, имея в виду не результат обобщенного исторического опыта нации, не выражение исконной сущности, не коллективное самосознание народа, а всего лишь желаемое актуальное политическое настроение, которое можно было бы выразить в лозунгах, еще точнее – в слоганах, как сейчас говорят. При этом сторонники так называемого «третьего белорусского возрождения» суть своего слогана, как правило, основывают на призыве-требовании: «Беларусь – в Европу!...» И ему, вроде бы, противопоставить нечего... Так что беспристрастному взгляду открывается реальность, без преувеличения, страшная: на этот катастрофически переломный момент белорусы не имеют и как бы не желают иметь общей идеи национальной, в полном и прямом смысле, а добровольно согласны обходиться тем, что им предлагается в уготованной архитекторами нового мироустройства ситуации; хотя нас ведь ориентируют на дробление, вычленение отдельных компонентов синтеза национального и государственного начал, подчинение общей идеологии партийным интересам, таким образом способствуя не единению нации, а противопоставлению частей ее, поляризации («шчырыя беларусы» і «прыхільнікі аб'яднання з Расіяй, г.зн. знішчэння беларускасці»), провоцированию гражданской войны в специфических формах – слава Богу, пока еще не таких, как в Украине. Соответственно, ведя речь о системе координат, в которой должна бы начертаться белорусская национально-государственная идея, мы никак не можем обойти чрезвычайно опасно проявляющееся безразличие к ряду важнейших моментов, необходимых при здравом уме для нормальной ориентации.

А разговор на данную тему, собственно, заводить не имеет смысла без объективной характеристики духовно-нравственного состояния, в котором оказалась «элита» нашего общества. И первое, что следовало бы выделить как определяющую черту сознания, – это растерянность. Впрочем, такая характеристика может

трактоваться, с полным правом, как поверхностная. Не потому, что она неверная, а потому, что отражает лишь видимое любому незашоренному взгляду частичное и внешнее проявление более серьезного и значительного по сути – общей потерянности, утраты ориентации, обусловленной всем произошедшим как за последние десятилетия, так и за последний век.

Собственно, размытыми оказываются едва ли не все начала, и прежде всего этно-духовные, за что белорусская интеллигенция несет ответственность, ибо не сохранила в должной полноте историческое сознание, не закрепила истинных представлений о реально существовавших и существующих основах и даже о потребности в них.

Тем более, что дезориентированность многих «творцов идей» очевидна уже в терминологии, в применяемом ими понятийном аппарате. Взять хотя бы опорную для данного случая категорию «нация/национальное», использующуюся, за редчайшими исключениями, некорректно, поскольку о белорусском как национальном – чего бы это ни касалось: языка, культуры, истории, геополитики... – обычно речь ведется по отношению ко всем временам, хотя вести речь о сформированности белорусской нации до XX столетия нет никаких оснований, и по-иному это не освещает никто, кроме публицистов, которые первыми и единственно определяющими считают факторы актуально-политические, а объективно-исторические разве что упоминают, да и то в трактовке, ситуативно удобной, а на самом деле – искаженной, вульгарно подчиняемой злободневности, т.е. «злобе» дней наших. Именно потому для вместе взятых граждан РБ и невозможным оказывается найти исторический идеал своей национальной государственности, поскольку для одних он в Великом княжестве Литовском (независимо от того, насколько оно было национальным, да и суверенным, самостоятельным государством), для других – в Белорусской Народной Республике (при всей ее мифичности), для третьих – в СССР (с его, мягко говоря, специфическими принципами определения национально-государственного суверенитета).

В силу этого граждане Республики Беларусь вовсе не одинаково, а наоборот, весьма различно относятся ко многим историческим событиям. Особенно таким, например, как битва под Оршей 1514 года, разделы Польши в 1772–1795 гг., присоединение белорусских земель к России в 1793–1795 гг., польские восстания 1831 и 1863 гг., великие войны 1812–1814, 1914–1918, 1939–1945 гг., а

также к созданию Союзного государства Беларуси и России, к воссоединению Крыма с Россией, к провозглашению самостоятельно-сти Донецкой и Луганской республик...

И дело не в частных случаях психоисторической девиации, а в системном изменении представлений граждан современной Беларуси о логике истории, о Божьем промысле относительно белорусов как народа и Республики Беларусь как национально-государственного образования, о фундаментальных ценностях, о реальных приобретениях и утратах в прошлом, настоящем и будущем. Короче говоря, имеются вполне достаточные основания вести речь о некоей деформации самосознания белорусов в конце XX – начале XXI веков, даже по сравнению с полными коллизий предшествующими временами.

Скажем, то, что Лев Сапега (1557–1633, великий канцлер, а затем великий гетман Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского) для поляков был и остается личностью положительно значимой, объяснимо и вполне понятно. Равно как и то, что для русских-великороссов он был и остается супостатом, предводителем захватчиков, да к тому же еще и вероотступником (будучи крещеным в Православии, перешел в кальвинисты, затем принял католичество). Собственно, при желании допустимо видимые с нынешних позиций противоречия объяснять-оправдывать – хотя бы тем, что речь ведется о личности, являющейся продуктом своего времени и своей среды. Но практически невозможно понять, на каких основаниях этой исторической персоне дается вот такая аттестация: «Лев Сапега – звезда первой величины на небосклоне белорусской истории и культуры»; «Позиция канцлера – это патриотизм высшей пробы, подтверждение того, что Лев Сапега никогда, ни при каких условиях не торговал Родиной» [9].

Ведь широко известно, что в интригах борьбы за польский трон Лев Сапега сначала подыгрывал Федору Иоанновичу (московскому), а затем Сигизмунду III Вазе (польскому), что сам он нарушил мир с Московским княжеством, которого добивался и который лично подписал в 1601 году; предостаточно свидетельств об истинной роли его – мягко скажем, не «высшей пробы» – в событиях 1607 года, в организации военной кампании 1609 года и особенно в развернувшейся войне 1610-1618 гг. Впрочем, пафос цитируемого частного мнения можно считать всего лишь апологетикой многообразной материализации безгранично широкого восславления канцлера Сапег. А она такова: Льву Сапеге в Беларуси

установлен памятник, его имя носит улица в Минске, с его портретом выпущена почтовая марка и отчеканена монета, его именем названо просветительское общественное объединение «Фонд им. Л.Сапеги», которое имеет статус наблюдателя в Конгрессе местных и региональных властей Европы.

Отнюдь не безобидной и безвредной (и бескорыстной?) является массовая увлеченность мантрами из слов с основами «европа» и «евро». Тем паче что она сопровождается также формированием иллюзорной картины мира – в прошлом, нынешнем и будущем.

Как ни досадно, а приходится говорить об опасности специфической – не от Интернета зависящей – «виртуализации» сознания, навязываемого современным белорусам, что замечается на разных уровнях и во многих аспектах, особенно по отношению к истории политической и культурной: тут и виртуальное Великое княжество Литовское как белорусское (а не Литовское, Русское и Жемойтское...), и виртуальные герои белорусской истории – помимо упомянутого выше Сапеги, литовские князья Миндовг, Альгерд, Витовт и Ягайло, и виртуальный покровитель белорусскости король Речи Посполитой венгр Штефан Баторий («Сцяпан Батура»), и виртуальные лидеры именно белорусского национально-освободительного движения Тадеуш Костюшко и Викентий Константи («Кастусь») Калиновский, и виртуальная толерантность в ВКЛ и Речи Посполитой на протяжении всех времен ее существования, и виртуально доминирующий на белорусских землях Константинопольский Патриархат в новое время, и виртуальная Белорусская Народная Республика начала XX века вкупе с виртуальной Радой БНР, которая заявляет о себе в начале XXI века, и виртуально благотворное значение Брестской церковной унии, которая сформировала виртуальную национальную веру – униатство, и виртуальная Белорусская Автокефальная Православная Церковь в Америке...

Чтобы избежать обвинения в досужем вымысле, укажем на некоторые факты: в Витебске установлен памятник Альгерду; в Гродно и деревне Пелеса Вороновского района – Витовту; на официальном уровне принимались также решения о необходимости установить памятники Гедимину в Лиде и Миндовгу в Новогрудке (а вот предложение установить в Новогрудке памятник Ярославу Мудрому поддержки не нашло); портреты Радзивиллов, Сапег и иже с ними тиражировались на почтовых марках, открытках, календарях; в РБ учреждались орден, литературная премия и стипендия имени Кастуся Калиновского, его имя носят гимназия, улицы ряда

городов страны (две из них – в столичном Минске, хотя именем основателя научного белорусоведения – первого академика-белоруса! – всемирно почитаемого Евфимия Карского не назван даже какой-нибудь переулочек). А в дополнение к указанному приведем конкретную иллюстрацию того, как ВКЛ и Речь Посполитая не только виртуально сопрягаются, но идентифицируются с безоговорочно идеализируемым Европейским Союзом: «Речь Посполитая двух народов – это же был первый Евросоюз в Европе! В Речи Посполитой в согласии жили разные народы, которые создали одно из самых больших государственных образований на континенте» [10].

Геополитический аспект данной проблемы при существующих подходах оказывается более чем условным, тоже виртуальным. В Беларуси, например, нередко можно было услышать и прочесть следующее: «Мы принадлежим к региону восточно-среднеевропейскому...»; до сих пор устно и письменно повторяется: «Мы живем в самом центре Европы», а в то же время часть элиты непременно добавляет: «Нам нужно возвращаться в Европу – как можно скорее!».

Не менее симптоматичны проявления этого плана дезориентации большинства современных белорусов в парадоксально сочетаемых «обнаружениях» нового центра Европы и стереотипных утверждениях, что уникальность Беларуси и ее народа – в статусе пограничья между Востоком и Западом.

Условный европейский ориентир, который иллюзорно представлен выше любого Александрийского столпа, является определяющим не только для публицистов отдельного толка. Представители разных политических платформ особую значимость придают идее «центра Европы» – именно в Беларуси. Соответственно, и научные силы задействованы: «Белорусские ученые провели новые расчеты и с большой степенью точности определили географический центр Европы. Он находится в Витебской области на юго-запад от Полоцка, рядом с озером Шо. Словом, кто бы и как бы ни высчитывал и ни искал центр Европы, он-то находится в Беларуси!» [11]. А региональные власти, сначала замешкавшись, затем тоже подключились и поставили знак «Географический центр Европы». Правда, не рядом с озером Шо, а в центре древнего Полоцка... Пожалуй, на зависть многим иным претендентам на «евроцентровость».

Что же касается упомянутого состояния «между», то как будто в ином положении чувствуют себя многие другие народы, вклю-

чая не только самых близких по родству – русских и украинцев, а также соседей – поляков и литовцев, но и словаков, словенцев, чехов, сербов, болгар, румын, грузин, да и турок, в конце концов... Опять-таки, мы постоянно принимаем во внимание не реалии, а виртуальные – надуманные либо навязанные – связи между ними. Тогда как настоящая идеология должна представлять собою систему взглядов, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к реальности, доступной в одних случаях живому созерцанию, в других – абстрактному, но никак не лишенному здравых начал, осмыслению.

Надо признать, что отношение к «русскому вопросу» в РБ имеет определенную зависимость от отношения к языковой ситуации, языковой политике. Проблема национального языка у нас время от времени становится горячечной, в реальности горячей не являясь. Да, она сложна и не совсем типична, если сравнивать с другими странами: при официальном двуязычии в РБ сейчас активно пользуется языком русским, а не белорусским, фактически более 80 % населения республики – за исключением стариков-сельчан, обходящихся родными диалектами, и части интеллигенции, которая русский язык исключает из обихода по принципиальным соображениям; на русском языке у нас во всех сферах ведется делопроизводство; преимущественную, подавляющую, часть составляют русскоязычные издания книг, журналов и газет; в основном по-русски ведется вещание радио и телевидения... Конечно же, задача государства – всемерно способствовать поддержанию языка титульной нации, а соответственно, ее литературы и вербальной культуры. Но... при имеющихся коллизиях у нас пока никто не нашел приемлемого для всех граждан страны решения. Отдельного разговора заслуживает еще более сложная (хотя напрямую уже не зависящая от сложившейся языковой ситуации) проблема национальной идентификации. Ее решением, так или иначе, обуславливаются перспективы нации как рода-народа и его Родины.

Вроде бы, все согласны, что нельзя спекулировать на чувствах патриотизма, имеющих незаменимую ценность тогда, когда они мотивируются настоящей любовью к родине, желанием отстаивать ее достоинство. Но отнюдь не любовь и уважение к Белой Руси, а тем более защита ее исконной сущности, культивируется в процессе глобализации. Большинство устремлений глобализаторов-европеизаторов на нашем пространстве, как правило, сводится к дискредитации Русскости и Православия; это, можно

сказать, общий знаменатель. В то же время только слепые, глухие и бездумные могут не замечать, сколь активно и безуспешно, в чем убедиться позволяют даже приведенные примеры, идет у нас полонизация вкупе с католизацией ради благотворной якобы европеизации. Для пущей убедительности такого, а не иного, суждения о происходящем не лишне вспомнить, как бывший главный представитель Католической Церкви в Республике Беларусь, архиепископ (впоследствии – кардинал) Казимир Свёнтек открыто декларировал: «Моя программа – распространение польскости на этой территории: нам следует как можно больше детей и молодежи отправлять в Польшу на экскурсии, на учебу, а из Польши сюда присылать ксендзов и монахов, нам нужно организовывать кружки поляков, курсы польского языка...»[12]. А для полноты картины, пожалуй, не лишне добавить и следующее: «... В начале 1990-х годов делалось также иное: в костелах на территории суверенной Беларуси были вывешены польские государственные флаги и портреты президента Польши. Белорусское правительство было вынуждено принять специальное постановление, приказывая убрать из культовых зданий государственные символы чужой страны, в которой, кстати, тогда уже начали печатать географические карты, на которых Западная Беларусь значилась как польская территория. О Казимире Свёнтеке польские кинематографисты сняли документальный фильм, который показывали по польскому телевидению и в котором Свёнтек говорил о своих планах полонизации Беларуси, ни разу не упомянув имени страны, в которой он живет и работает. Я помню последний кадр этого фильма: лицо Казимира Свёнтека на весь экран и его слова: «Едем полякем» («Я – поляк!»). Лишь после того, как белорусское правительство выступило с жесткой оценкой такой политики католичества, в костелах началась «белорусизация» [13].

Что представляет собой эта «белорусизация»? С одной стороны, Римско-католическая церковь стала активно использовать белорусский язык и в богослужебной практике, и в успешно развивающемся издательском деле, и в своих средствах массовой информации, что с одобрением принимается интеллигенцией. Католические священники широко развернули культурно-просветительскую и воспитательную деятельность среди детей и молодежи, к чему общественное мнение относится также положительно. Однако следует иметь в виду, что если речь идет о «белорусизации», а не о чем-то ином, то нельзя не видеть противоположного

по сути: в здравой исторической памяти белорусов все же сохранилось (хотя это у нас почему-то не принято вспоминать), что в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемойтском (бело)русский язык был запрещен (1696) по решению конфедерации сословий Речи Посполитой, да и сейчас в качестве белорусскости систематически навязывается польскость, о чем было сказано выше. И дополнительным доказательством того же несть числа. Из них нельзя не упомянуть, к примеру, такие: на белорусской земле установлено множество памятников Римскому папе Иоанну Павлу II (т.е. поляку Каролу Войтыло); памятники ставятся даже мрачно-памятному «душехвату», униатскому архиерею Иосафату Кунцевичу; в первые строки реестров «белорусской» славы вписывается польская шляхта XV-XIX веков; массово «обелорушиваются» деятели польской культуры; у нас активно действуют Польско-американский фонд свободы, фонд «Помощь полякам на Востоке», фонд «Semper Polonia», фонд имени Стефана Батория, учрежденный поляками-доминиканцами фонд «Через границы», фонд «Образование для демократии», Институт в поддержку демократии в Восточной Европе и т.п.

Понимая необходимость в культурном взаимодействии двух соседних и родственных народов, мы можем и обязаны с должным почтением относиться к активно действующему в нашей стране Польскому институту, к выходящим у нас журналу «Magazyn Polski» и газете «Głos znad Niemna», а также и к «Союзу поляков», и к ассоциации «Польская община». Однако многих белорусов смущает введение пресловутой «карты поляка», а еще более – то, что из Польши на территорию Республики Беларусь направлено действие спутникового телеканала «Белсат» и организовано вещание белорусской службы «Радио «Полония»...

Конечно, все мы должны учитывать, что определенный процент населения Беларуси составляют поляки: согласно официальным данным, их 3,9% (или 395,7 тысяч), тогда как белорусов – 81,2%, а русских – 11,4% [14]. Наряду с этим, никак нельзя не учитывать того, что буквально за последние два десятилетия поразительно вырос и стал уже достаточно большим процент католиков (неполяков?). Не так давно изданная энциклопедия «Республика Беларусь» содержит сведения, что лишь за три года, с 1994 по 1997, соотношение численности католиков изменилось с 9,9 % на 10,4%, а вот православных, наоборот, с 80% на 77,4%» [15]. Вообще-то, статистика подобного рода нередко выглядит скорее как

пропагандистская либо иллюзионистская, а не исследовательская, научно обоснованная. Скажем, в совсем недавно появившемся (под весьма серьезным названием) сборнике представлена следующая «цифирь»: «...72,6% отнесли себя к православным, 0,4% – к разным направлениям протестантизма, 9,3% - к католикам» [16]. Однако в том же издании другой автор, еще более авторитетный, приводит иные данные: «Мониторинговые социологические исследования показали, что среди верующих с православием отождествляет себя ровно 80, 0 процентов, с католицизмом – 8,5 процента, с протестантизмом – 0,6 процента» [17]. Правда, он же в докладе на конференции Международного Единства Православных народов (МФЕПН) представлял о численности католиков другие сведения: «По данным на декабрь прошлого года, 80 % общества Беларуси назвало себя православными, 12 % – католиками... [18]. А в университетском «Вестнике» незадолго до этого публиковалась существенно отличающаяся статистика: «Среди верующих около 76 % - православные, около 14 % - католики...» [19]. Но еще более поразительны статистические расхождения в случае с публикациями весьма значимого официального журнала, когда в одной из них Уполномоченный по делам религий и национальностей РБ указывает, что на 2009 год «...по самоидентификации с православием – 72,6%, с католицизмом – 9,3%...» [20], а через десяток страниц «Арцыбіскуп, Мітрапаліт Мінска-Магілёўскі» сетует: «Всего в Беларуси на нынешний день работает около 440 священников, что недостаточно для душпапырской опеки над полутора миллионами католических верующих [21]. Но даже нерадивые ученики средних классов общеобразовательной школы с европеизирующей Болонской системой обучения, подсчитав, должны уяснить, что 1,5 (полтора) миллиона по отношению к 9,5 миллионам составляют отнюдь не 9,3 %, а чуть ли не в два раза больше!

Спору нет, национальные и религиозные чувства граждан РБ, являющихся поляками (этническими или «костельными» – не так важно), должны безоговорочно уважаться. Да речь о другом: на фоне, который нами бегло очерчен, велась и ведется фронтальная обработка массового сознания в явно антирусском и антиправославном духе. Вот, к примеру, образчик (далеко не самый мерзкий) местной русофобии: «Внешний облик православных церквей менялся более медленно. Может, такой неспешности способствовала ортодоксальная каноничность этой конфессии. Например, русские

священники не могут служить в церкви, если на ней нет хотя бы одной цыбуліны (т.е. «луковицы». – И.Ч.). Когда в Гродненскую Каложу пустили верующих, ее настоятель долго терпел, а потом нанял работников, чтобы те на Каложу тоже прышпандорылі... цыбуліну. История эта закончилась тем, что батюшку с прихода сняли и отправили куда-то, как я слышал, в Тамбовскую губернию (...) После XVIII века наши земли вошли в состав Российской империи и началась новая, очередная, эпоха. Католиков постепенно отстраняли от активной общественной жизни, Унию разогнали в 1839 году, храмы строили исключительно православные, а те католические, что еще остались, в большинстве забрало себе тоже православное руководство ...» [22]. По тем же целям многократно, с закрытыми глазами, бьет другой радетель за белорусскость: «После «крещения Руси» в стремлении идеализировать это событие адепты новой религии принялись рьяно уничтожать все свидетельства «языческого невежества». Епископы скупали либо отнимали летописи, сжигали их, вывозили в Византию (...) На совести христианских «борцов за культуру» не только уничтожение памятников древних славян, но и старообрядных святынь – книг, храмов, монастырей»; «Что белорусский народ из-за государственной политики русификации, в стороне от которой не стоит и РПЦ, едва ли не весь онемел в своем родном языке, видят и светские, и церковные власти» [23]. Кстати, две последних цитаты – суждения представителя исторической науки РБ, который в эпоху той самой «русификации» получил две ученых степени для того, чтобы развивал белорусскую историографию на истинно научных основах, однако в последние десятилетия свою квалификацию решил подтверждать лишь весьма пространными и совершенно непродуманными русофобскими газетными статьями.

Силами вот такого рода публицистов, идеологов-пропагандистов, а также недобросовестных историков, у нас пугалом сделана «русификация» 1860-х годов и национальная политика советского периода. Хотя на удивление мало говорится о том, как в XVI–XVIII веках на всех белорусских землях, а в 20-30-е годы XX века в Западной Белоруссии велась целенаправленная и жесткая полонизация, что подтверждается свидетельствами многих ученых, в числе которых и украинский ученый богослов: «Если бы не Богдан Хмельницкий и не раздел Польши, то белорусский и украинский народы, вероятно, полностью были бы полонизированы, вследствие унии» [24], и белорусский историк академического склада: «... Когда в 30-е

годы на Замковой горе в Гродно были найдены основания древнего православного храма, то польские археологи по сути не засвидетельствовали это официально, ибо факт этот прямо противоречил односторонней польской историографии, которая считала Гродно городом польским» [25]. Такие плоды на протяжении веков давало размежевание *Pax Slavia Latina* ↔ *Pax Slavia Orthodoxa*.

В свое время А.С. Пушкин, отзываясь на выход собрания сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского, о белорусах писал как о «... народе, издревле нам родном, но отчужденном от России жребиями войны» [26]. А войны же и в послепушкинскую эпоху, включая наше время, идут.

И то ли еще будет, если воплотятся в жизнь рекомендации, подготовленные современными (довольно высокопоставленными) деятелями в сфере белорусской культуры, а именно: «При разработке стратегии национально-культурного и духовного развития исключительно важным является доскональное изучение опыта иных стран, прежде всего европейских, ибо белорусская культура является частью европейской христианской цивилизации. Успешным и возможным для нашей акцептации является в первую очередь польский опыт (имеется в виду как сохранение культурных достижений, так и реализация стратегии дальнейшего культурного развития). Огромное значение имеет также использование опыта британского (не случайно интеллектуальный потенциал становится самым мощным фактором национального развития), немецкого и даже американского – последний особенно полезен своей поликультурностью, динамичностью, инновациями» [27].

Увы, как имеющиеся, так и планирующиеся результаты – не в пользу русскости и Православия.

Однако это вовсе не значит, что Православие перестало быть основным и неотменным идентификационным признаком БЕЛОРУССКОГО этноса. Без него представители нашего народа (не состоявшейся пока нации), населения РБ вместе взятого, даже если сохраняют остальные внешние атрибуты принадлежащих к общности, формируют некие субэтноты – белоПОЛЯКОВ, белоЕВРОПЕЙЦЕВ, белоАМЕРИКАНЦЕВ...

Будем помнить, что игнорирование или недооценка этнонациональных различий приводили к трагедиям весьма крупного масштаба. И следует признать, что некоторые различия историей были привнесены (это и территориальные разделы, и вероисповедные размежевания, и соответствующие расхождения в ряде обычаев, и

закрепление отдельного языка, и формирование самостоятельной литературы ...) Однако еще более следует помнить, сколь опасно противоположное – когда целенаправленно преувеличиваются различия, чтобы у различаемых стереть память о корнях и добиться, чтобы напоминания об этих корнях вызвали комплексы, а в итоге – ненависть и к ним самим, а еще более – к сохраняющимся их носителям.

А у нас с конца 1980-х годов немислимо активизировалось и многими силами стимулировалось столкновение различий, причем с убийственной логикой: негативное советское – это исключительно русское. В значительной мере, особенно у молодого поколения, этому оказалась подчиненной белорусская национальная идентификация. Временные особенности ее, понятно, зависят от всей совокупности внешнеполитических, внутривнутриполитических, социокультурных условий. Но в нынешнем мире необычайно сильны прагматично-адаптационные устремления. Именно они сейчас многообразно культивируются, приобретая поразительную динамику и непредсказуемые возможности влиять как на массовое сознание белорусов, так и на восприятие белорусскости «со стороны». Для этого не требуется ни осведомленность, ни надежность фактографии, ни выверенность суждений-заклучений. Достаточно того, что задается известный «тон» и на деланной простоте вызывается «унисон» – как, например, в распространяемом среди иностранцев многокрасочном «энциклопедическом» (!) буклете с таким вот содержанием: «Правильнее бы писать «историческая Литва», «Литовское княжество», «Литва Великая», «Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское и иных», а также не беларусы, а «литвины»; «Беларусы сегодня – это литвины вчера»; «Беларусь идет «по европейскому пути»: демократии (шляхетской), правового государства (...) Московская Русь формируется как «евразийское» государство с ярко выраженными признаками «восточной деспотии» и «азиатчины»; «Беларусь изучайте по Польше...»; «Есть некая «золотая середина» между гонором и чувством «младшего брата». И скорее всего, эта середина ближе к «шляхетности», а не крепостному праву. Жыве Беларусь!» [28]. И не случайно также, что в этой «энциклопедии» среди бесчисленного изобразительного материала, множества костелов, замков и прочих польско-шляхетских достопримечательностей, а в придачу и языческих капищ, дан всего один снимок православного храма – да и то, похоже, с целью показать «исторический памятник,

отнятый у католиков». Как не случайным, судя по всему, является утверждение, будто «изучение собственно белорусской истории начали представитель шляхетского рода Константин Тышкевич (1806–1868) – археолог, писатель по истории, археологии, географии и этнографии – и его брат Евстафий Тышкевич (1814–1873)», когда в действительности начала белорусоведения положены православными белорусами Иоанном Григоровичем, Иоанном Носовичем, Константином Калайдовичем, а его плодотворное развитие осуществлялось благодаря тоже православным ученым Михаилу Кояловичу, Платону Жуковичу, Иоанну Малышевскому, Евфимию Карскому, Владимиру Завитневичу и другим, которые в данной книжке совершенно обойдены вниманием.

На подобные опусы, вроде, и не стоило бы внимание обращать. Но ведь они являются не только свидетельствами уже достигнутых результатов соответствующей идеологической обработки сознания, но и напоминанием об угрожающих масштабах ее в будущем. Никак нельзя, соответственно, закрывать глаза на то, что деформация самосознания белорусов оборачивается тотальной дерусификацией. Ведь сейчас уже русофобия прочно внедрена в сознание практически всех белорусов возраста ниже тридцати лет. Их, можно сказать, убедили, что быть белорусом означает последовательно и категорично демонстрировать свою особенность и отдельность от русского народа, русской истории и культуры, непричастность к её традициям и духовным ценностям, выделять различия в основных признаках, особенностях национального характера и т.д. Кому же это выгодно? А к чему такое может привести? И кто возьмет на себя ответственность за реально происходящую деформацию массового сознания и самосознания народа?

Поэтому особую значимость получает вопрос, каким же будет основной вектор просвещения и воспитания впредь.

Так или иначе, по большому счету (как говорили мудрые предки наши, по Божьей воле), краеугольный камень национальной (!) сущности белоруса – русскость. Если этот камень убрать, сущности не на чем держаться. «Белость» сама по себе пропадет. Иными словами, тогда не только о здоровом национальном самосознании, но и ни о какой национальности не может быть речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: «Каб праясніць над Беларуссю еўрапейскае неба...» (На пытанні Алеся Разанава адказвае славенскі паэт Вена Таўфер) // Літаратура і мастацтва. 20.06.1997. С. 13-15.
2. *Калаіч Драгош*. Третья мировая война. – М.: ИИПК «Ихтиос», 2006. С. 65.
3. См.: *Станкевіч Я.* Нацыянальны назоў беларусаў // Беларускі студэнт (Прага). 1923. № 2-3. С.10.
4. См., нпр.: *Ластоўскі В.* Падручны расейска-крыўскі (беларускі) слоўнік. – Коўна, 1924; *Ластоўскі В.* Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. – Коўна, 1926.
5. *Хаўстовіч М.* Шляхамі да беларускасці. Нарысы, артыкулы, эсэ. – Варшава, 2010. С. 197.
6. *Уладыкоўская Л.* Як захаваць культурную самабытнасць? Сучасныя нарысы для некаторых аспектаў праблемы. – Мінск, 2010. С. 32-33, 46.
7. *Шунейка Я.* (Пытанне каталіцкае) // Залоска Ю. Версіі. – Мн.: 1995. С. 55-57.
8. *Быкаў У.* Мы- апошнія, за намі чарга... // Залоска Ю. Версіі. – Мн.: 1995. С.40.
9. *Саверченко И.* Канцлер: Историческое эссе // Неман. 2013. № 8. С. 134, 156.
10. *Ян Забродскі.* «Рэч Паспалітая двух народаў – першы Еўрасаюз у Еўропе!» / Гутарыў Мікалай Анішчанка // Літаратура і мастацтва, 4.05.2007. С. 13.
11. (Без подпісу). «Дакладнасць тыдня» // Літаратура і мастацтва, 11.10. 2002. С. 2.
12. Цит. по: Гардун Сержій, прот. Яшчэ раз пра мову богаслужэння // Царкоўнае слова. 2008, № 4. С. 11.
13. Там же.
14. Республика Беларусь. Энциклопедия. Т.1. – Минск, 2005. С. 46, 55.
15. Там же. С.466.
16. *Земляков Л.Е., Шерис А.В.* Религиозная составляющая национальной безопасности Беларуси // Религиозный фактор национальной безопасности. Материалы круглого стола 15 марта 2012 г. – Минск, 2012. С. 55.
17. *Котляров И.В.* Конфессиональные отношения в зеркале общественного мнения // Религиозный фактор национальной безопасности. Материалы круглого стола 15 марта 2012 г. – Минск, 2012. С. 85.
18. См.: *Przegląd Prawosławny*. 2013, № 4(334). S. 7.
19. См.: *Пирожник И.И.* [и др.] Социально-географические тенденции изменения конфессиональной структуры населения Беларуси // Вестник БГУ. Серия 3. 2007. № 1. С. 76 - 84.
20. *Гуляко Л.П.* Уникальный опыт Беларуси // Беларуская думка. 2009. № 5. С. 14.
21. Там же. С. 29.
22. *Валасевіч І.* Жыве на Беларусі Бог // Літаратура і мастацтва, 3.08.2007. С. 4.
23. *Лыч Л., Навіцкі У.* Гісторыя культуры Беларусі. Мн., 1996. С. 10; *Лыч Л.* Аўтакефалія праваслаўнай царквы – шлях да рэлігійнай незалежнасці Беларусі // Народная воля. 13.01.2015. С. 4.
24. Доктор Протопресвітер *Г.К.Костельник*. Ватикан и Православная Церковь. // Церковный вестник (Варшава). 1991. № 6. С. С 36.
25. *Астроўскі Ю.* Беларусы: адзін народ і тры нацыі? // Літаратура і мастацтва, 15.05.1992. С.14.
26. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в десяти томах. Т.VII. – М.-Л., 1951. С.328.
27. *Уладыкоўская Л.* Як захаваць культурную самабытнасць? Сучасныя нарысы для некаторых аспектаў праблемы. – Мінск, 2010. С. 110.
28. *Якутовский Г.* Беларусь – это круто. – Минск, 2014. С.5, 18, 44, 60.

**ФАЛЬСИФИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ
КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ:
ГАЛИЦКО-РУССКИЕ ДЕЯТЕЛИ
ОБ УКРАИНСКОМ ДВИЖЕНИИ В ГАЛИЦИИ В XIX в.**

К.В. Шевченко,
доктор исторических наук,
заведующий Центром
евразийских исследований
Филиала РГСУ в Минске

По справедливому мнению известного польского историка XIX в. Ю. Шуйского, фальшивая история неизбежно порождает фальшивую политику. Оснований для подобного вывода у Шуйского, изучавшего историю Польши и причины ее падения в XVIII в., было достаточно. В свою очередь, фальшивая политика ведет к потрясениям, кровавым гражданским войнам и распаду государств, что ярко демонстрирует трагический пример нынешней Украины. Важнейший элемент насаждаемой украинскими властями фальшивой истории – тезис о противоположности русских и украинцев; их постоянное противопоставление; навязывание представлений об их изначальной цивилизационной чуждости и враждебности, а также системное культивирование образа врага в лице России, на которую возлагается вина за все украинские исторические несчастья – как реальные, так и вымышленные. Майдан и последовавшая за ним кровавая гражданская война, ставшие символами краха современной украинской государственности, представляют собой трагическое следствие фальшивой политики Киева, основанной на фальшивой истории. Современники формирования украинской идеологии в Галиции в XIX в. и одновременно ее противники – галицко-русские общественные деятели – в своих

трудах убедительно показали, что искажения и извращения исторического прошлого являлись главным орудием создания украинской идентичности; при этом фальсификации затронули обширный исторический период от Средневековья до XX в.

Восточная Галиция, традиционно считающаяся бастионом украинского национализма, окончательно приобрела подобный имидж лишь после геноцида галицких русофилов, развязанного австро-венгерскими властями в ходе Первой мировой войны. Даже в первой четверти XX века украинская самоидентификация не полностью утвердилась в Галиции. Исследователи полагают, что в это время «половина галицийского крестьянства не имела отчетливо выраженного национального самосознания в современном понимании и служила объектом борьбы «за души»¹. Так, в г. Станиславе (современный г. Ивано-Франковск), который был одним из центров украинского движения в Восточной Галиции, термин «украинец» стал вытеснять «русинское» самоназвание только после 1917 г.»². В то же время, среди галицко-русской интеллигенции был широко распространен взгляд на галицких русинов как часть единого русского народа от Карпат до Камчатки. В начале XX века в еще австрийском Львове и в 1920-1930-е годы в уже польском Львове выходили газеты на русском языке, отстаивавшие идею общерусского единства великороссов и малороссов и полемизировавшие с украинскими националистами. «Русско-народная партия в Галичине исповедует... национальное и культурное единство всего русского народа, а поэтому признает своими плоды тысячелетней культурной работы всего русского народа, принимая во внимание принадлежность русского населения Галичины к малорусскому племени русского народа»³, – декларировал съезд русско-народной партии Галиции, состоявшийся 27 января (7 февраля) 1900 года во Львове. Общественные деятели Галиции еще в начале XX в. отмечали широкое распространение стихийных «москвофильских» настроений среди «русского простонаро-

¹Федевич К.К. Украинцы и не только. Особенности национального самосознания украинцев Восточной Галиции в 1920-1930-е годы // Славяноведение. 2014. № 5. С. 3.

²Там же. С. 5.

³Мончаловский О.А. Главные основы русской народности. Львовъ: Типографія Ставропигійскаго Института. 1904. С. 17-18.

для Галичины»⁴, указывая при этом, что галичане превосходят «малорусское и великорусское простонародье в России в развитии национального сознания, в патриотизме и в глубокой привязанности к русскому обряду и к церкви»⁵. Это были вынуждены признать и активисты украинского движения, выражавшие сожаление по поводу того, что галицкие мужики «от природы москвофилы»⁶.

Радикальный украинский национализм – новый по историческим меркам этнокультурный облик древней многострадальной Галиции, изнасилованной и обезображенной в ходе кровавого австро-венгерского террора во время «Великой войны» 1914-1918 годов. Столетия ранее Галицкая Русь оставалась краеугольным камнем общерусской идеологии, породив огромное число мыслителей, обосновывавших идею общерусского единства, и мучеников, положивших свои жизни в борьбе за эти идеалы. Агрессивность и жестокость, пещерная ограниченность, неспособность воспринимать очевидное и острая интеллектуальная недостаточность украинских националистов – яркое проявление хорошо известного психологам «комплекса неофита». Именно новообращенцы-неофиты склонны к крайним, подчас изуверским формам доказательства своей преданности некой новой усвоенной ими вере или идее, которой для галицких неофитов стали примитивные и искусственные догмы украинского национализма. От прочих разновидностей «интегральных национализмов» украинский национализм отличается большей степенью тоталитаризма, иррационального мистицизма, гипертрофированным культом насилия, войны и террора, а также склонностью к воображаемому и надуманному⁷. Представитель галицко-русского движения О.А. Мончаловский еще в 1904 г. дал убийственную оценку украинскому национализму, охарактеризовав его как «отступление от вековых, всеми ветвями русского народа выработанных языка и культуры, самопревращение в междуплеменной обносок, в обтирку то польских, то немецких сапог..., отречение от исконных начал своего народа»⁸. Прадеды нынешних украинских радикалов из Галиции, боевиков «Правого

⁴Мончаловский О.А. Литературное и политическое украинофильство. Львов: Типография Станиславского Института. 1898. С. 187.

⁵Там же.

⁶Там же. С. 185.

⁷См. Armstrong John A. Ukrainian Nationalism. Third Edition. Englewood, Colorado. 1990. P. 14.

⁸Мончаловский О.А. Главные основы русской народности. Львов: Типография Станиславского Института. 1904. С. 10.

сектора» и активистов «Свободы» именовали себя русинами, вряд ли подозревая о существовании «украинцев» и считая себя органичной частью триединого русского народа. Впрочем, как заметила Н.М. Пашаева, автор первой отечественной монографии о русском движении в Галичине, современные внуки и правнуки галицких русинов «едва ли захотят вспоминать сейчас своих русских дедов и прадедов»⁹. К этому стоит добавить, что нынешние галичане не только не хотят, но и не могут вспомнить своих русских предков, поскольку русское прошлое Галиции основательно проутюжил тупой и беспощадный каток украинской политической и околонучной цензуры, стерев из учебников, научной литературы и общественной жизни эту смертоносную для новоукраинской политической элиты информацию.

Если активисты украинского движения стремились доказать раздельное существование великороссов и украинцев уже в эпоху Киевской Руси, стараясь вычленив из древнерусской литературы ее «украинский» компонент, то галицко-русские мыслители исходили из изначального единства русских земель. Галицко-русские деятели подчеркивали колоссальную роль Галиции в общерусской истории, отмечая, что уроженцы Галицкой Руси внесли большой вклад в возвышение Московского княжества в период феодальной раздробленности и монголо-татарского ига. К числу самых известных из них относился выходец из Галиции митрополит Петр, который, поддерживая объединительную политику московского князя Ивана Калиты во второй четверти XIV века, перенес в Москву митрополичий престол, сделав Москву духовным центром России. Галицкие деятели воспринимали личность Петра как один из символов общерусского единства, подчеркивая, что «ближайшим советником Ивана Калиты был первый митрополит московский Петр, называемый также Петром из Раты, поскольку он родился в нынешней Галичине и жил над рекой Ратою...»¹⁰. Таким образом, именно галичанин стоял у истоков превращения Москвы в церковную столицу русских земель, что весьма символично.

⁹Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. Москва. 2007. С. 7.

¹⁰Мончаловский О.А. Святая Русь. Львовъ: Из типографіи Ставропигійскаго Института. 1903. С. 27.

Характеризуя положение Галицкой Руси в составе Польши, которая захватила галицкие земли в 1340-е годы, Мончаловский подчеркивал, что политика польских королей была направлена на то, чтобы «прервать и уничтожить связь между русскими подданными Польши и русскими жителями возникавшего в то время на севере Московского великого княжества, тем более, что русские подданные Польши не отличались по вере, языку и письму от русских жителей Московского княжества... В этих же целях была использована и церковная уния, заключенная в Бресте»¹¹. Представители галицко-русской общественной мысли подчеркивали колоссальную роль уроженцев Малой Руси в развитии русской науки и культуры. Так, Мончаловский отмечал, что Москва, будучи политическим центром свободной Руси, при этом длительное время «не была центром просвещения» и «не представляла удобной почвы для восприятия и распространения образованности. ...Свет нового просвещения, которому впоследствии суждено было отразиться и на самой Москве, загорелся на юго-западных окраинах Руси, попавших частью под Польшу, частью под Литву. Православные братства, вызванные преследованиями Польши и римокатоличества... посвящают все свои нравственные и материальные средства на распространение образованности и учреждают училища»¹². Особое место в этой деятельности принадлежало Киеву и созданной митрополитом П. Могилой в 1631 г. Киево-Могилянской академии, откуда «выходили просвещеннейшие люди на всю Русь... Плоды этого просвещения проявились в том, что среди русского населения Польши и Литвы... выступает целый ряд деятелей и ими создается литература полемического и богословского содержания. Из той же среды выходят ученые люди, которые не только в южной Руси противостоят противонародной пропаганде, но проникают и в Москву и кладут первое основание русской учебной литературе»¹³.

По справедливому замечанию А. Миллера, «культура, которую мы знаем сегодня как русскую, была создана в XVIII в. и в первой половине XIX в. совместными усилиями русской и украинской элит, если вообще возможно применение этих терминов более позднего происхождения к тому времени; или же, что более

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Мончаловский О.А. Литературное и политическое украинофильство. Львов: Типография Ставропигийского Института. 1898. С. 168.

¹³ Там же. С. 169.

правильно, усилиями великорусской и малорусской элит. Именно с этим общим наследием и пришлось позднее бороться украинским националистам, включая М. Грушевского, который затратил много усилий на критику «традиционной схемы русской истории», возникшей в Киеве»¹⁴. В концептуальную разработку «традиционной схемы русской истории», которой впоследствии объявили беспощадную войну украинские историки – менеджеры «украинского проекта», внесли огромный вклад галицкие и карпаторусские ученые, оказавшие значительное воздействие на русскую общественную мысль в целом. Так, историк Ю. Венелин (Гуца), стоявший «у колыбели русской славистики, оказал серьезное влияние не только на ход развития славистики в России, но и на отдельных ученых и писателей, в том числе на М.П. Погодина, К.С. Аксакова, А.С. Хомякова, О.М. Бодянского и др.»¹⁵.

Ярким примером надругательства над здравым смыслом и бесцеремонного извращения исторических событий стала трактовка украинскими идеологами деятелей национального возрождения в Угорской и Галицкой Руси как приверженцев «украинской идеи». В действительности, как показали галицко-русские мыслители, начало национального возрождения в Угорской и Галицкой Руси в первой трети XIX века определялось деятельностью убежденных сторонников общерусского единства. Д.И. Зубрицкий, с именем которого связаны первые проявления национального возрождения галицких русинов, считался лидером «русского» направления, поддерживал контакты с профессором Московского университета известным историком М.П. Погодиным и был убежденным сторонником русского литературного языка как языка «культуры и науки в Галичине»¹⁶. Стремление принять русский литературный язык галицко-русской интеллигенцией, впрочем, не было в то время чем-то уникальным, поскольку аналогичные идеи, в частности, мысль о русском языке как общем литературном языке всех славян, высказывались и представителями других славянских народов, включая хорватов, словаков и чехов¹⁷. Помимо Д.И. Зубрицкого, начальный этап национального возрождения в Галиции был

¹⁴Miller A. The Ukrainian Question. The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century. Budapest – New York. 2003. P. 22.

¹⁵Байцуря Т. Закарпатоукраїнська інтелігенція в Росії в першій половині XIX века. Словачьке педагогічне видавництво в Братіславі. 1971. С. 168.

¹⁶Паушаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. С. 39.

¹⁷Daniš M., Matula V. M.F. Rajeveskij a Slováci v 19 storočí. Bratislava. 2014. S. 14.

связан с именами М. Шашкевича, И. Вагилевича и Я. Головацко-го, вошедших в историю Галицкой Руси под названием «Русская троица». Изданный в 1837 г. «Русской троичей» литературный альманах «Русалка Днестровая», ставший «важнейшей вехой в истории национального возрождения Галичины»¹⁸, убедительно демонстрировал явные общерусские мотивы. Так, в опубликованном здесь стихотворении М. Шашкевича «Воспоминание» прославлялись сюжеты общерусской истории, в том числе золотая эпоха Ярослава Мудрого, а также сила и слава Новгорода. Примечательно, что содержание «Русалки Днестровой» пришлось не по вкусу бдительным австрийским чиновникам и «в Галичине альманах тотчас был запрещен и конфискован полицией»¹⁹, а его авторы были исключены из Львовской духовной семинарии²⁰. Таким образом, первые проявления культурно-национальной деятельности русинов Галиции в 1830-е годы прямо свидетельствовали об их осознании исторического и духовного единства русских земель и стремлении строить свою культурную работу на этой основе. Комментируя попытки украинских деятелей незаконно «приватизировать» наследие галицко-русских будителей, Мончаловский писал, что «украинофилы любят ссылаться на неживущих уже выдающихся деятелей и делать их своими единомышленниками, благо «мертвые срама не имут» и протестовать не станут. В России они сделали своим единомышленником И.П. Котляревского, а в Галичине М.С. Шашкевича»²¹. Между тем, в трудах этих литераторов и общественных деятелей, по словам Мончаловского, «нет и следа украинофильского сепаратизма»²².

В ходе революции 1848 г. австрийская администрация для противодействия революционному движению галицких поляков была вынуждена опереться на зарождавшееся национальное движение русинов Галиции. Уже в это время австрийские власти обнаружили свое стремление всячески противодействовать общерусской идентичности галицких русинов, способствуя формированию у них особого, отдельного от общерусского, самосознания. В ходе встречи с галицко-русской делегацией в 1848 г. тогдашний губернатор Галиции граф Ф. Стадион задал делегатам от галицких руси-

¹⁸Там же. С. 18.

¹⁹Там же.

²⁰Мончаловский О.А. Святая Русь. С. 87.

²¹Мончаловский О.А. Литературное и политическое украинофильство. С. 33.

²²Там же.

нов вопрос «Кто вы?»), сопроводив его своеобразной подсказкой – репликой о том, что «если бы вы считали себя россиянами, то я не мог бы вам помогать»²³. Поскольку русины были заинтересованы в помощи правительства, то в ответ на данный вопрос губернатора они, дабы не вызвать неудовольствия и получить помощь от Вены, заявили, сославшись на конфессиональные различия с русскими, что они не россияне, но «рутены»²⁴. Позднее видный представитель галицко-русского движения И. Наумович выражал сожаление по поводу данного эпизода, объясняя его прагматическими соображениями русинов, вынужденных заявить губернатору Галиции не то, что они на самом деле хотели сказать, а то, что он хотел от них услышать. В это время, по словам О.А. Мончаловского, «не было в Галицкой Руси партий, а о партии «украинофилов» никому и не снилось»²⁵. Заигрывания Вены с русинами способствовали оживлению национальной деятельности галицких русинов, выразившись в появлении галицко-русской прессы и ряда национальных организаций. В частности, во время революции 1848-1849 гг. были основаны Народный дом и Галицко-русская Матица во Львове, которые «наряду со Ставропигийским институтом почти на столетие стали культурными центрами русского движения...»²⁶. Хотя после подавления революции 1848 г. Вена вернулась к союзу с польской шляхтой Галиции, созданные в ходе революции галицко-русские культурные и просветительские организации уцелели, сыграв важную роль в развитии русского движения в Галиции. На съезде галицко-русской интеллигенции во Львове в 1848 г. было принято решение способствовать очищению «галицко-русского наречия» от полонизмов и сближению его с русским литературным языком.

Что касается украинского движения в Галиции, то, по мнению галицко-русских деятелей, колоссальный импульс подобная деятельность получила в связи с подготовкой польского восстания 1863 года. Польские политики, убедившись к этому времени в контрпродуктивности курса, направленного на полонизацию галицких русинов и включение их в состав польского народа, предпринимают попытки превратить русинов Галиции в инструмент борьбы с Россией. «В начале 1860-х годов шли приготовления к польскому восстанию 1863 года. Польские агенты, желавшие втя-

²³ Мончаловский О.А. Святая Русь. С. 90.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 91.

²⁶ Паашева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. С. 34.

нуть в восстание и галицко-русскую молодежь, стали усердно распространять среди нее мысль малорусского сепаратизма, – писал О.А. Мончаловский. – Для этой цели «Dziennik Literacki» и другие польские издания печатали малорусские стихотворения, дышавшие ненавистью к «Moskwie», то есть к России и выражающие сожаление над судьбой несчастной «Украины-Руси»... Украинофильское движение усилилось значительно после восстания 1863 года. В Галичину нахлынули толпами польские эмигранты из России и, замечательно, все они оказались ярыми украинофилами»²⁷. Польская администрация Галиции деятельно способствовала трудоустройству польских эмигрантов - украинофилов в местных общественных, научных и учебных заведениях, где они старались воздействовать на умонастроения молодых галичан. В частности, в это время начинает распространяться мнение Ф. Духиньского о принципиальной разнице между Южной и Северной Русью и о том, что для «освобождения» малорусам необходим союз с поляками. Символично, что именно в 1863 г. стало выходить одно из первых в Галиции украинофильских изданий «Мета» под редакцией К. Климовича, которое сразу вступило в борьбу с русскими галичанами. В «Мете» впервые «появилась песня «Ще не вмерла Украина», составляющая парафразу известной польской песни *Jeszcze Polska nie zginela*»²⁸. Примечательно, что Духнович, Добрянский, Павлович и другие деятели карпатских русинов крайне отрицательно отнеслись к попыткам реформирования галицко-русской письменности и создания украинского литературного языка, восприняв это как опасный сепаратизм. Так, А. Добрянский считал появление отдельного литературного языка у малороссов «предательской изменой» не только русского народа, но и всего греко-славянского мира. По мнению Добрянского, «южнорусский литературный сепаратизм мог стать причиной гибели некоторых окраинных ветвей славянства, ослабил бы его русский центр и, следовательно, стал бы... авангардом германизма в борьбе с греко-славянским миром»²⁹. Создаваемый в Галиции новый литературный язык Добрянский именовал «русско-польским», от которого «переход к чисто польскому не представлял бы уже никаких почти затруднений»³⁰.

²⁷Мончаловский О.А. Литературное и политическое украинофильство. С. 71, 74.

²⁸Там же. С. 75.

²⁹Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели. Москва. 1916. С. 147-235.

³⁰Добрянский А.И. О современном религиозно-политическом положении австро-угорской Руси. Москва. 1885. С. 12.

Со временем украинская ориентация в Галиции усиливалась, что способствовало увеличению культурного разрыва между интеллигенцией галицких и карпатских русинов. Примечательно, что попытки украинских деятелей В. Гнатюка и М. Драгоманова установить в конце XIX в. контакты с «братьями» к югу от Карпат окончились разочаровывающим для них конфузом. Украинские активисты жаловались на резко отрицательное отношение к ним со стороны карпатских русинов³¹. В своей работе «Русины в Венгрии», опубликованной в чешском журнале «Словански пршеглед» в 1899 г., В. Гнатюк с сожалением констатировал, что отличительной чертой угорских русинов является москвофильство, препятствовавшее, по его мнению, их национальному развитию³². Описывая карпаторусскую интеллигенцию, Гнатюк не без иронии отмечал, что «самыми приятными воспоминаниями этих людей являются рассказы о походе русского войска. При этом у них горят глаза, улыбаются уста, озаряются лица.... По их убеждению, все славяне должны стать русскими»³³.

С изобретением украинской фонетической письменности П. Кулишом (так наз. «кулишивка»), созданной в противовес русской этимологической письменности, австро-польские этнокультурные технологи получили новое эффективное орудие обособления галицко-русской письменности от русского литературного языка и средство воздействия на самосознание местного населения. Известно, что сам П. Кулиш крайне негативно реагировал на использование созданного им фонетического алфавита поляками для углубления культурно-языкового раскола между малороссами и великороссами. В своем письме к известному галицко-русскому деятелю Б. Дедицкому в 1867 г. Кулиш откровенно заявил о том, что «видя это знамя (кулишивку) в неприятельских руках, я первый на него ударю и отрекусь от своего правописания во имя русского единства»³⁴. Тем не менее, польские менеджеры «украинского проекта» в Галиции стремились использовать в своих интересах не только изобретенный Кулишем украинский фонетический алфавит, но и его самого как авторитетного деятеля украинского движения в России. Стремясь превратить Восточную Галицию в центр украинского национального движения, трансформировав

³¹См. *Magocsi P.R.* The Shaping of a National Identity..., P. 60-63.

³²Hnat'uk V. Rusíni v Uhrách // *Slovanský přehled*. 1899. Ročník I. S. 220.

³³*Ibidem*.

³⁴*Мончаловский О.А.* Литературное и политическое украинофильство. С. 78.

его из культурно-языкового в политический проект, польская элита Галиции предложила Кулишу возглавить издание украинской прессы в Галиции. Характеризуя состояние польского общества Восточной Галиции во второй половине XIX в., А.И. Добрянский метко замечал, что «все польские чиновники, профессора, учителя, даже ксендзы стали заниматься по преимуществу филологией, не мазурской или польской, – нет, но исключительно нашей русской, чтобы при содействии наших изменников создать новый русско-польский язык, от которого переход к чисто польскому не представлял бы уже никаких почти затруднений»³⁵.

В 1881 г. Кулиш посетил Львов, где он вел переговоры с представителями польской аристократии Галиции, включая Р. и Ю. Чарторийских и князя А. Сапегу, об издании в Галиции украинской газеты «Хутор» и превращении Львова в центр украинского движения. Польские магнаты предложили Кулишу очень выгодные финансовые условия. Так, Ю. Чарторийский обещал выделить на издание «Хутора» 14.000 гульденов; А. Сапега – 6.000 гульденов; польские помещики обязались выписать «Хутор» для своих русских сел³⁶. Однако быстро осознав, что польские политики хотят использовать его как инструмент для разрушения общерусского единства и придя в негодование от передачи русских монастырей Галиции в руки иезуитов, П. Кулиш предпочел покинуть Галицию и вернуться в Россию³⁷.

Таким образом, ни творец украинского фонетического алфавита П. Кулиш, ни известный историк Н. Костомаров, стоявшие у истоков начальной, культурной фазы украинского движения, не пожелали переводить его в политическую плоскость и порывать с идеей общерусского единства. Известно, что Н. Костомаров, заметив в 1863 г. «намерение польских политиков воспользоваться украинофильством для целей восстания, и склонность некоторых малороссов пойти на польскую удочку, торжественно провозгласил «анафему тому, кто задумает отделение Украины от России»³⁸. Однако то, что отказались делать Н. Костомаров и П. Кулиш, сделает позднее М. Грушевский, исторические труды которого будут призваны обосновать глубокие цивилизационные различия Южной и

³⁵Добрянский А.И. О современном религиозно-политическом положении австро-угорской Руси. С. 12.

³⁶Мончаловский О.А. Литературное и политическое украинофильство. С. 79-80.

³⁷Там же. С. 80.

³⁸Там же. С. 181.

Северной Руси. «Нынешнее украинофильство, – писал в 1898 г. О.А. Мончаловский, комментируя эволюцию украинских деятелей, – не благородное и естественное украинофильство Костомарова, Шевченко и Кулиша..., так как с течением времени под влиянием враждебной русскому народу, но хитрой политики его противников, первоначально чистое, литературное украинофильство, выражавшееся в любви к родному слову, к обычаям Южной Руси, выродилось в национально-политическое сектантство»³⁹.

Усиление противоречий между русскими галичанами и украинофилами было срежиссировано польской администрацией Галиции в 1890 г., когда «после предварительных совещаний с наместником Галичины К. Бадени и митрополитом С. Сембратовичем депутат галицкого сейма Ю.С. Романчук провозгласил проект национально-политического соглашения с поляками, получившего название «Новая эра»⁴⁰. В своей программе, представленной на заседании галицкого сейма 13 (25) ноября 1890 г. Ю. Романчук провозгласил именно те положения, которые требовал от него Бадени. Главные пункты программы Романчука гласили, что «мы, русины, народ самостоятельный, отдельный от польского и русского и на этом основании желаем развивать свою народность и язык. Мы держимся верно греко-католической веры и обряда»⁴¹. По сути, данная программа означала «отречение от племенной связи с остальным русским миром, и даже отделяла галицких малороссов-униатов от православных малороссов в Буковине, не говоря уже о малороссах в России»⁴². Представители русских галичан выступили категорически против тезисов Романчука, так как они отрицали идею общерусского единства, лежавшую в основе мировоззрения галицких русофилов. Соглашение украинофильской части галичан с поляками, получившее известность как «Новая эра», ознаменовалось усилением цивилизационного раскола между русскими галичанами и украинофилами, опиравшимися на поддержку Вены и галицких поляков. В результате ранее единый «Русский клуб» в галицком сейме раскололся; «в целой Галиции завязалась ожесточенная борьба партий... Одновременно возникла травля всех, кто оказался противником «программы»⁴³.

³⁹ Там же. С. 24.

⁴⁰ Пашиаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. С. 80.

⁴¹ Мончаловский О.А. Литературное и политическое украинофильство. С. 83.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

Провозглашение «Новой эры» стало идеологической подготовкой для наступления на русских галичан и русский литературный язык в Галиции. С 1892 г. в школах Галиции было введено фонетическое правописание («кулишивка») вместо традиционного для русинов и принятого в дореволюционной России этимологического письма, благодаря которому русины могли свободно читать изданные в России книги. Началась кампания преследования русского литературного языка. Так, «воспитанникам Львовской духовной семинарии запретили обучаться ему, у учеников стали отбирать книжки, написанные на русском литературном языке, общества студентов «Буковина» в Черновцах и «Академический кружок» во Львове были закрыты...»⁴⁴. Активное участие в борьбе с русским литературным языком приняли иерархи греко-католической церкви Галиции, включая митрополита С. Сембратовича, «покорного слуги графа К. Бадени»⁴⁵. Именно Сембратович дал «почин к изданию пастырского послания, запрещающего духовенству и мирянам выписывать и читать орган русской партии «Червонную Русь», многим священникам отнял отличия и достоинства благочинных за то, что они не приняли так называемой «новоэрской программы»⁴⁶. Гонения коснулись и русских галичан, состоявших на правительственной службе. По словам Мончаловского, «кто хотел отличиться или поправить свою репутацию перед начальством, тот достигал цели доносом на своего сослуживца, принадлежащего к русской партии...»⁴⁷. С 1890-х гг. извращения истории украинскими деятелями Галиции усилились, охватив всю общественную сферу от образования до прессы. Галицко-русские публицисты указывали в этой связи на откровенно тенденциозное содержание малорусских учебников для галицких школ, в частности, на тот факт, что галицкие украинофилы «избегают всего, что могло бы не понравиться польским политикам и даже не стесняются переделывать своего кумира, Т. Шевченко»⁴⁸.

Преследования галицко-русского движения в Галиции после объявления «новоэрской программы» в 1890 г. стали генеральной репетицией широкомасштабных репрессий, обрушившихся на галицких русофилов во время Первой мировой войны. Последовав-

⁴⁴Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. С. 81.

⁴⁵Мончаловский О.А. Литературное и политическое украинофильство. С. 83.

⁴⁶Там же. С. 84.

⁴⁷Там же. С. 85.

⁴⁸Там же. С. 160-161.

шее после принятия «новоэрской программы» углубление раскола между русскими галичанами и украинофилами стало свидетельством окончательного перехода украинского движения из его «этнографическо-литературной» фазы на политические рельсы, подготовленные Веной и польской администрацией Галиции. Самой важной частью инструментария, с помощью которого создавалась украинская идентичность в Галиции, было откровенное извращение всей истории Галицкой Руси от средних веков до XX в. в угоду политической конъюнктуре, диктовавшейся польской и австрийской администрацией Галиции. В этом отношении характеристика украинского национализма как «отступления от вековых, всеми ветвями русского народа выработанных языка и культуры» и «отречения от исконных начал своего народа»⁴⁹ представляется не только абсолютно верной, но и сохраняющей свою актуальность в настоящее время.

⁴⁹Мончаловскій О.А. Главныя основы русской народности. Львовъ: Типографія Ставропигійскаго Института. 1904. С. 10.

ЗАПАДНОРУСИЗМ И БЕЛОРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

В.В. Шимов,

кандидат политических наук, доцент БГУ

Западнорусизм как региональная белорусская идеология получил развитие в XIX в. и был ориентирован на существование белорусских земель в рамках Российской империи. Западнорусы всегда были лояльными российскими подданными, идея белорусской независимости была им чужда. Более того, идею государственного суверенитета Белоруссии традиционно отстаивали националистические силы, ориентированные на отрыв от России и уничтожение исторической памяти о русском прошлом этих земель.

Именно поэтому идея белорусской государственности западнорусизмом так и не была освоена. Современные последователи западнорусизма во многом продолжают жить прошлым, временами Российской империи, которая рассматривается как естественная и единственно возможная форма государственности (речь идет не о монархическом устройстве, а о принципе политического объединения восточнославянских земель вокруг Великороссии). Белорусское государство рассматривается ими как чуждое и во многом враждебное. Это ведет к политической пассивности, нежеланию работать с существующими государственными структурами и отстаивать перед ними свою позицию. В лучшем случае, приверженцы западнорусизма находят пристанище в организациях российских соотечественников, тем самым, по сути, демонстрируя свое отчуждение от белорусского государства.

Со своей стороны, белорусское государство платит западнорусизму той же монетой, видя в нем чуть ли не ирредентистскую идеологию, угрожающую национальному суверенитету. И несмотря на то, что белорусский президент А. Лукашенко – человек

русофильских взглядов, немало сделавший для сохранения максимально тесных и открытых отношений с Россией, – общая государственная политика направлена на формирование белорусской нации, мыслящей себя вне русского контекста.

Это и неудивительно. Любое государство, раз возникнув, естественным образом формирует вокруг себя прослойку выгодополучателей, заинтересованных в сохранении этого государства и создании идеологии, это государство легитимирующей. Поскольку западнорусизм не позиционирует себя в качестве такой идеологии и, более того, нередко противопоставляет себя белорусскому государству, фору получают националисты, для которых тема белорусской государственности является ключевой «по умолчанию».

Белорусское государство является долговременной реальностью. Оно существует уже более 20 лет, и общество вполне приняло такой вариант оформления своего политического бытия. Именно поэтому важной задачей является встраивание западнорусской идеологии в формат современной белорусской государственности. Это важно по целому ряду причин. Артикулируя идею тесных историко-культурных связей с Россией и Украиной, западнорусизм способствует сохранению огромного пласта культурного наследия белорусов, связанного с русской традицией и православием, – всего того, что белорусские националисты в угоду своим политико-идеологическим целям стремятся замолчать, уничтожить или исказить. Во-вторых, события 2014 года на Украине отчетливо показали разрушительный и конфликтогенный характер русофобского национализма. Идеология, основанная на бегстве от России любой ценой, расколола украинское общество, приведя к вооруженному конфликту, жертвам и страданиям тысяч людей. Ориентация на Запад вопреки естественному культурному, геополитическому и экономическому тяготению к России обусловила многоплановую деградацию Украины: экономическую, демографическую, технологическую и культурную. События на Украине наглядно подтвердили верность исторического выбора Белоруссии, пошедшей по пути сохранения тесных экономических и гуманитарных связей с Россией, что обеспечило в целом стабильное и поступательное развитие республики в постсоветский период. Именно поэтому жизненно важно не допустить скатывания страны к белорусскому национализму, который является полным идеологическим слепком с национализма украинского. К сожалению, в последнее

время мы наблюдаем усиление националистического лобби в государственных структурах; с советских времен белорусские националисты удерживают командные высоты в гуманитарной сфере, формируя соответствующим образом сознание социально активной белорусской молодёжи. Сохранение этих тенденций может привести к скатыванию республики к украинской модели. Тем самым вокруг России будет замкнут пояс недружественных буферных государств, чего давно добиваются ее геополитические конкуренты на Западе. Для самой Белоруссии это будет означать социально-экономическую и культурную деградацию, превращение в общество гастарбайтеров – все то, чем сейчас расплачивается Украина за свой противоестественный выбор.

Противостоять этому может идеология западнорусизма, ориентированная на сохранение не только политико-экономических, но в первую очередь гуманитарных, культурно-языковых связей с Россией. А ведь именно пространство общей идентичности является базовой предпосылкой успешной реализации экономических интеграционных проектов. В этом плане фундаментальная слабость проекта Евразийского экономического союза заключается в том, что он строится на сугубо экономических основаниях и всячески избегает идеологических и гуманитарных вопросов. Как представляется, полная непроработанность гуманитарной и идеологической сферы привела и к фактическому провалу Союзного государства России и Белоруссии, которое, добившись несомненных успехов по ряду направлений социально-экономического сотрудничества, в целом осталось сугубо виртуальным проектом.

Западнорусизм, артикулирующий общие культурно-исторические основания белорусов и русских, может стать идеологической основой интеграционного сближения Белоруссии и России, а также идейным стержнем белорусской государственности.

Безусловно, это должен быть обновленный западнорусизм, исходящий из факта существования белорусского государства и оформившейся национально-политической субъектности белорусов. К сожалению, в этом плане многие современные последователи западнорусизма допускают вполне понятную, однако грубую и непростительную в современных реалиях ошибку, отрицая национальную субъектность белорусов и рассматривая белорусское государство как некое историческое недоразумение. В сегодняшних обстоятельствах это будет приводить лишь к маргинализации западнорусизма, отталкивая от него многих потенциальных сто-

ронников и вызывая подозрительное отношение со стороны государственных структур, чем с успехом пользуются наши оппоненты из националистического лагеря.

Очевидно, «отменить» опыт почти столетнего национально-го строительства в советский и постсоветский периоды уже не получится. Поэтому данный опыт следует не отрицать, а переосмысливать и корректировать. В этом плане Русский мир должен представляться не как жестко унифицированное национально-языковое пространство, замкнутое на Москву, а совокупность трех близкородственных национальных традиций – (велико)русской, белорусской и малорусской-украинской.

В этой связи контрпродуктивным представляется тотальное отрицание белорусского литературного языка как искусственного, «придуманного», весьма распространенное в западнорусской среде. Белорусскоязычная традиция имеет уже достаточно длительную историю, и многие белорусскоязычные произведения имеют определенную культурную и художественную ценность. Кроме того, сам язык обрел на уровне массового сознания символическую ценность – как символ национальной самобытности. Поэтому отрицание белорусского языка будет только выталкивать западнорусизм на обочину общественно-политической жизни страны.

Другой вопрос, что белорусскоязычная традиция пошла по ложному пути, скатившись к русофобии, историческим фальсификациям и нездоровым фантазиям. Такой путь развития, однако, не был изначально предопределен: к литературной обработке белорусского языка вполне положительно относились многие западнорусы (например, основоположник белорусского языкознания Е.Ф. Карский), а классики белорусской литературы, как правило, отдавали себе отчет в тесных историко-культурных связях восточных славян. В частности, белорусский поэт Максим Богданович в своих публицистических произведениях рассматривал белорусов и украинцев как «русские народы», имеющие свой язык и культуру и, вместе с тем, находящиеся в тесной связи с великорусами. Поэтому речь должна идти не о борьбе с белорусским языком и белорусскоязычной культурой, а об их санации и оздоровлении. В этом плане может быть оправдан союз западнорусов с теми немногочисленными здоровыми силами, которые все же присутствуют в белорусскоязычном сообществе, которые, выступая за развитие белорусского языка и культуры, вместе с тем, стоят на позициях принадлежности белорусов к семье русских народов.

Формирование белорусской идентичности, основанной на исторической памяти о своей русскости в сочетании с национальным своеобразием, – вот творческая задача для современного западнорусизма, решение которой сможет сделать его подлинно национальной идеологией и основой белорусской государственности.

РЕВИЗИОНИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССИИ

(на примере Отечественной войны 1812 года)

С.А. Шиптенко,

г. Минск

Отечественная война 1812 года является одной из самых ярких страниц истории нашего народа. На образах её героев воспитано много поколений наших соотечественников. Эпизоды войны запечатлены в изобразительном и монументальном искусстве, кинематографе и художественной литературе. Каждый советский школьник знал наизусть хотя бы отрывок из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино»: «Скажи-ка, дядя, ведь не даром. Москва, спаленная пожаром, французам отдана?».

Казалось бы, трудно найти другой такой период истории, символизирующий общенациональное единение и патриотизм, как оборонительная война, война за своё Отечество против внешнего агрессора. Отечественная война 1812 года получила такое наименование именно потому, что решалась судьба всего нашего полиэтничного, возможно, даже в чём-то отсталого, но родного и уникального Отечества. И именно поэтому данный период нашей истории, связанные с ним наши символы и даже мифы подверглись хорошо подготовленной и мощной атаке ревизионистов.

Ещё до 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года ревизионисты дали понять, что прежней, академически обоснованной, традиционной трактовки данного термина не будет. Сначала в публицистике появились невинные, на первый взгляд, вопросы по наличию пресловутых «белых пятен» в изучении данного периода, «неоднозначности трактовок» её значения и т.д. Затем вместо термина «Отечественная война 1812 года» стали появляться «война 1812 года», «русско-французская война», «франко-русская война»

и др. Однако публицистика – это ещё не научно справочная литература, не учебники для школ и вузов, не академические издания. Но настал и их черёд.

Явным проявлением тренда стало издание подготовленного в Институте истории Академии наук «научно-популярного издания», а фактически – учебника для вузов «Нарысы гісторыі Беларусі» («Очерки истории Белоруссии») в 2 ч. (Мн., 1994). Отечественная война 1812 года в данном издании не представлена ни под данным термином, ни отдельным параграфом раздела – судя по Содержанию, её вообще не было, а была лишь «Политика царизма в Белоруссии после 1812 г.». Термин для обозначения войны в данном разделе отсутствует, а на описание её отведено полстраницы. При этом авторы отмечают: «Простой белорусский люд поднялся на партизанскую борьбу против захватчиков и их прислужников, чем содействовал блестящему походу царской армии в Европу. Тем не менее, крестьяне не дождались избавления от крепостного права».

Здесь видны три популярных в то время среди местных русофобов мифа: Российская империя – не Европа; Наполеон мог или желал отменить крепостное право в России; простой белорусский люд был статистом, «третьей стороной», для которого патриотизм был чем-то вроде частнособственнического инстинкта. Бои под Миром, Салтановкой, Островно (Витебском), Кобрином и др. не заслужили внимания авторов. Нет имён героев, война представлена как что-то стороннее и, если бы не меркантильный фактор, – вовсе не заслуживающее внимания.

В дальнейшем эти мифы прогрессировали и дополнялись новыми. В школьных учебниках уже присутствует «война 1812 года» с акцентом на проекте возрождения ВКЛ, которое никто не собирався возрождать, кроме творцов очередного мифа. В некоторых школьных учебниках присутствует термин «Отечественная война 1812 года». Но в целом тренд уже был задан – настало время пересмотра научно-справочной литературы и «акцентов» в официальной прессе, где классический термин пока ещё сохранился.

К юбилейной дате был издан сборник документов «Беларусь и война 1812 года: Документы» (Мн., 2011). Само название говорит о том, как госорганы (в частности, Минюст) оценивают данный период истории. Однако и до этого издания по многочисленным публикациям стало ясно, что власти Белоруссии взяли курс на переоценку важнейших исторических событий. Тот самый ревизионизм, о недопущении которого заявлял глава МИД России

в Минске, был продемонстрирован в Белоруссии отношением к 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 года.

В оппозиционной прессе с начала 2012 года было размещено несколько десятков публикаций, в которых делался акцент на «российской оккупации» и позитивных перспективах для белорусов в связи с вторжением войск Наполеона. Заметки, статьи и монографии откровенно русофобского характера об Отечественной войне 1812 года, наряду с замалчиванием темы юбилея государственной прессой и отказом от термина «Отечественная война 1812 года» в официальной историографии были восприняты экспертами как проявление скоординированного плана действий. Попытку выяснить, так ли всё на самом деле, предприняли участники международной конференции «Отечественные войны Святой Руси», посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 года и роли православной церкви во всех оборонительных войнах Русской цивилизации (22 июня, г. Брест). От имени участников конференции были направлены письма в «официальные инстанции», в частности – руководству Национальной Академии наук Белоруссии с предложением вернуть в учебные программы термин «Отечественная война 1812 года». Из Института истории НАН РБ 26.07.2012 был получен отрицательный ответ: Институт пришел к выводу, что использование термина «Отечественная война 1812 года» представляется необоснованным в официальной белорусской историографии. Документ подписал замдиректора данного института Марат Жилинский (в 2014 году возглавил Академию управления при Президенте). Второй ответ пришел из Минобразования Белоруссии в начале сентября – также с отказом, за подписью замминистра Василия Будкевича.

23 ноября 2012 год в Белгосуниверситете состоялась международная конференция «Война 1812 года и Беларусь», в которой принял участие посол России в Белоруссии Александр Суриков. В своём выступлении на пленарном заседании российский дипломат охарактеризовал войну 1812 года как Отечественную, подвергнув критике атаки ревизионистов. Затем выступили российские и белорусские учёные с обоснованиями прямо противоположной точки зрения – ревизионизм на данном мероприятии восторжествовал и был закреплён 24 ноября в Борисовском районе, где официальные лица Белоруссии и Франции воздали почести наполеоновским солдатам, погибшим при переправе через Березину во время «войны 1812 года». При этом чиновниками РБ произноси-

лись проникновенные речи о некоей позитивной «миссии» агрессоров, об их несчастной доле и т.п. Вероятно, недалёк тот день, когда нечто подобное будет произноситься на пепелище Хатыни.

После конференции один из её участников, соавтор вышеупомянутого сборника документов, к.и.н. Андрей Лукашевич заявил: «Есть в Беларуси силы, которые планируют добиться возвращения российских подходов, основанных на советских стереотипах. Выступление посла было недвусмысленно на это направлено – использовать все возможные влияния, чтобы вернуть, навязать Беларуси именно взгляд, который желателен соседям. Но мы должны иметь свой взгляд».

Попытки чиновника увещевать на научном мероприятии изначально бесплодны – наукой должны заниматься учёные. РАН могла бы уделить должное внимание 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 года в Белоруссии, однако не считала нужным. В итоге ревизионисты правят бал в Белоруссии, присвоив себе право выступать в качестве выразителей «белорусского взгляда», при тотальном покровительстве чиновничьей «идеологической вертикали». Той самой «вертикали», которая скатывается до местечкового национализма и «перехватывает знамёна» у прозападной русофобствующей оппозиции.

Закономерным итогом господства ревизионизма стало понижение и демонстративное отрицание самых славных страниц нашей истории, её извращение и, фактически, конструирование новой истории. К чему это приводит на практике – видно по соседней Украине. Из Белоруссии пытаются слепить нечто вроде «Галиции-2», сконструировать новую идентичность белорусов на русофобской основе. Такая парадигма вполне естественна для лимитрофов и, наверное, именно так бы и действовали какие-нибудь рязанские или тамбовские местечковые нацисты, будь у них свой проект и исторический шанс.

Ответственность за культивацию местечкового нацизма, сопровождаемого созданием русофобских мифов, в равной степени несут и вдохновители этого процесса, и практические исполнители, от которых зачастую достаточно преступного бездействия. Так создаётся среда, в которой воспитывается поколение на новых ценностях, новых идеалах. При этом локальные споры ревизионистов о том, отрицать ли тотально термин «Отечественная война 1812 года» или наполнить его новым содержанием – вопрос вторичный и частный. Важно то, что

мы – представители Русской цивилизации, прямые потомки своих русских предков, живущие на своей земле, лишены легальной возможности отстаивать свои права. Ярким примером является установка памятников наполеоновским агрессорам, литовским князьям, польским террористам и др. за счёт налогоплательщиков без учёта мнения налогоплательщиков. Особенно показательна история с установкой в 2014 году в Витебске памятника литовскому князю Ольгерду – власти наплевали и на мнение местных жителей, и на мнение белорусских учёных. Келейное решение за спиной жителей Борисова и запись в 2014 году нашего города в «федерацию наполеоновских городов» – это демонстрация силы ревизионистов, это вызов, это оскорбление.

Странное мероприятие прошло 28 ноября в Борисовском районе – по сообщениям СМИ, высокопоставленные чиновники чествовали наполеоновских агрессоров, погибших во время отступления при переправе через Березину. И на этот раз возмущение белорусских учёных и общественности было проигнорировано. Судя по всему, колхозная неошляхта испытывает особое удовольствие от приглашений на истфак БГУ Франсуа Бокура, в Борисов – Шарля Наполеона и т.д. Так хочется казаться европейцами! А ведь совсем не сложно ими быть без всяких искусственных конструкторов новой идентичности, без русофобии и прочих проявлений местечковости, без погромов в науке и вандализма.

В конце 2014 года в Полоцком районе Витебской области близ деревни Сивошино неизвестными в неизвестное время был частично разрушен памятник герою Отечественной войны 1812 года генерал-майору Якову Кульневу. Об этом 1 декабря проинформировало издание «Мой Полоцк» со ссылкой на полоцких краеведов Андрея и Алексея Буховецких – они обнаружили повреждения памятника и сделали фотографии. Резонанс вышел международный.

Памятник пережил Великую Отечественную войну и подвергся нападению неустановленных лиц, которых никто не ищет. Ни МВД, ни Следственный комитет, ни прокуратура. Если бы это был памятник на могиле матери руководителей местных управлений и отделов указанных структур, или отца чиновника местной «идеологической вертикали» – расследование «под личным контролем» велось бы поразительными темпами. Никому нет дела до того, что даже по формальным основаниям данный памятник – госсобственность и находится под охраной государства.

Кульнев – один из самых знаменитых русских генералов. Он погиб 22 июля 1812 года у деревни Клястицы Витебской губернии в бою во время контратаки французских войск. По преданию, когда генералу ядром оторвало ноги, он, истекая кровью, приказал снять с себя награды, чтобы враг не опознал тела погибшего русского генерала. На этой легенде как примере мужества, героизма и патриотизма воспитано не одно поколение молодёжи. Но на самом деле подвигов у Кульнева немало, о чём свидетельствует его малоизвестная в Белоруссии биография, и витебляне могли бы гордиться таким земляком.

В наше время бывшие пионеры и комсомольцы с усердием, достойным лучшего применения, всячески стараются если не уничтожить историческую память, то хотя бы извратить трактовку истории до полной противоположности, вытравить сам термин «Отечественная война 1812 года», что и продемонстрировали ревизионисты из Института истории НАН Белоруссии и других госучреждений.

Прах героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора Якова Кульнева был захоронен в 1816 году около деревни Сивошино на берегу реки Дриссы – там, где находится подвергшийся нападению вандалов памятник. Позже, в 1832 году по настоянию родственников прах генерала был перенесен в имение Ильзенберг Витебской губернии, принадлежавшее брату генерала — Михаилу Кульневу. Ныне место захоронения Якова Кульнева называется Ильзескалнс и находится на территории Латвии. В год 200-летия Отечественной войны 1812 года в Илзескалнсе была восстановлена родовая усыпальница-храм Кульневых, где покоится прах героя, а в Лудзе был установлен бронзовый бюст Якова Кульнева. В Лудзенском краеведческом музее действует постоянная экспозиция «Возвращение героя домой», посвященная генерал-майору Якову Кульневу. Власти постсоветской Латвии, часто (и небезосновательно) упрекаемые в русофобии, считают возможным и нужным хранить память о защитнике нашего общего на то время Отечества. В «союзной» Белоруссии же, судя по фактам, обратная ситуация.

В завершение уместно напомнить строки из стихотворения нашего великого поэта: «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя: богатыри — не вы! Плохая им досталась доля: Немногие вернулись с поля... Не будь на то господня воля, не отдали б Москвы!».

СОДЕРЖАНИЕ

Д.К. Безнюк

Цивилизационные войны: наука, идеология и язык как оружие	3
--	----------

А.В. Беляев

Белорусский коллаборационизм в годы Второй мировой войны и проблема фальсификации истории.....	8
---	----------

А.Е. Геращенко

Партизанское движение в Белоруссии. Фальсификации и спекуляции	14
---	-----------

А.Д. Гронский

Представление о польском восстании 1863-1864 гг. и формирование образа врага.....	32
--	-----------

И.Ф. Зеленковский

Признаки «идеологической ловушки» белорусской государственности на примерах архитектуры и культурной жизни Минска	39
--	-----------

В.Е. Козляков

О некоторых приемах и методах фальсификации истории образования белорусской государственности.....	47
---	-----------

Л.Е. Криштапович

Основные формы фальсификации отечественной истории XX века	58
---	-----------

Ю.Н. Микульский

Тенденции развития белорусской историографии в конце XX – начале XXI вв. и научный проект «Белорусская старина»	65
--	-----------

<i>А.В. Морозов</i>	
Фальсификация истории культуры СССР периода «застоя» 1964-1985 гг.	69
<i>Ю.С. Павловец</i>	
Современные методы фальсификации истории Великой Отечественной войны	76
<i>С.Е. Рассадин</i>	
Националистическая историография Беларуси как система фальсификаций (на примере происхождения этноса и государственности)	83
<i>Н.М. Сергеев</i>	
Вопросы военной и гуманитарной безопасности Союзного государства	89
<i>Священник Алексей Хотеев</i>	
Некоторые спорные вопросы политической истории Полоцкого княжества в X–XIII вв.	98
<i>И. А. Чарота</i>	
О сути деформации самосознания белорусов	103
<i>К.В. Шевченко</i>	
Фальсификации как инструмент конструирования идентичности: галицко-русские деятели об украинском движении в Галиции в XIX в.	123
<i>В.В. Шимов</i>	
Западнорусизм и белорусское государство	137
<i>С.А. Шиптенко</i>	
Ревизионизм в современной Белоруссии (на примере Отечественной войны 1812 года)	142

[illegible]

[illegible]

Научное издание

**ИСТОРИЯ
И ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
КАК ИНСТРУМЕНТ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ВОЙНЫ
ПРОТИВ РУССКОГО МИРА**

Материалы круглого стола
(Минск, 19 декабря 2014 г.)

Подписано в печать 24.12.2014.
Формат 60х90^{1/16}. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл.-печ.л. 9,5.
Уч.-изд. л. 6,07.
Тираж 1000 экз. Заказ 882.

ООО «Ковчег».
Свидетельство о государственной
регистрации издателя № 1/381 от 1 июля 2014 г.
Пр. Независимости 68-19, 220072, г. Минск.
Тел./факс: (017) 284 04 33
E-mail: kovcheg_info@tut.by.

Отпечатано в типографии ОАО «ТРАНСТЭК».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/37 от 29.01.2014.
Ул. Чапаева, 5, 220034, г. Минск